ПИОНЕР

ИЮНЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1958 год. 6

Лето пришло! Долгожданное лето!
На страницах журнала мы открываем пионерский лагерь и приглашаем всех ребят в его звенья, кружки и мастерские.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 35-й

В этом номере:

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Александра БРУШТЕЙН

Рисунки Б. Винокурова.

Дорога уходит в даль...

(Продолжение)

СТРАШНОЕ СУДИЛИЩЕ

В понедельник утром — ничего не поделаешь — я отправляюсь в институт. Торжественных проводов мне уже не устраивают. Папы нет дома — он у больного. Без папы некому напомнить мне о том, что в жизни надо говорить одну только правду. Да и опыт первого дня учения уже показал нам с папой, что в институте надо говорить правду лишь с оговоркой: «...если это не повредит моим подругам!» Это компромисс, говорит папа, то есть отступление от своих правил, уступка жизни. Когда-нибудь компромиссов больше не будет — будет одна правда и честность...

— А это будет скоро?

— Может быть, и скоро...

Папа говорит это так неуверенно, как если бы он утверждал, будто когда-нибудь на кустах шиповника будут расти пирожки с капустой!

Но все-таки еще вчера вечером мы с папой уточнили: солгать из страха перед Дрыгалкой или Колодой, из страха перед наказанием нельзя. Это трусость, это стыдно. Солгать из желания получить что-нибудь для своей выгоды тоже нельзя. Это — шкурничество, это тоже стыдно. Говорить неправду можно только в тех случаях, когда от сказанной тобою правды могут пострадать другие люди. Тут надо идти на компромисс. Это и горько, и больно, и тоже, конечно, стыдно, но что поделаешь?

Мама и Поль прощаются со мной молча, крепко целуют меня. Обе они грустные, словно провожают меня не в институт, а на гильотину. Одна только Юзефа верна себе: она раз десять напоминает мне о том, что вещи надо «берегчи», потому что за них плачены «деньги, а не черепья».

Первые, кого я встречаю в швейцарской, когда вешаю свою шляпенку,— это Маня и Катя Кандаурова. Катю совершенно нельзя узнать! Она чистенькая («Мы с мамой ее в корыте вымыли!» — радостно объясняет Маня), платье ее и фартук тщательно выглажены, ботинки начищены, как зеркало. Но главная перемена — в ее голове. Теперь Колода уже не скажет, не может сказать, что Катя Кандаурова — дикобраз. Ей старательно вымыли голову, волосы стали мягче и лежат ровненько под розовым гребешком. Все мы, обступив Катю и Маню, говорим о том, какая Катя стала аккуратная, и все мы этому радуемся. Уж очень она была жалкая в субботу, когда плакала перед Колодой и Дрыгалкой.

Теперь этого нет. Нельзя сказать, что Катя Кандаурова веселая,— да и с чего бы ей веселиться? — но она спокойная, нет в ней этого пугливого шараханья, как у птенца, который выпал из гнезда и чувствует, что сейчас на него наступит чья-то нога.

Маня рассказывает мне и Лиде, что они написали письмо Катиной тете Ксении, которая живет в другом городе. Тетя Ксения, по словам Кати, хорошая, добрая. Папа ее очень любил, так что и Катя ее любит,— так сказать, понаслышке, потому что сама никогда ее не видала. Перед смертью папа написал сестре, прося позаботиться о Кате.

Единственный человек, который словно даже не замечает перемены в Кате Кандауровой,— это Дрыгалка. Конечно, если бы Катя снова явилась в виде Степки-Растрепки, Дрыгалка, наверное, заметила бы это, она бы опять сказала какие-нибудь насмешливые и обидные для Кати слова. Но простое доброе слово ободрения вроде: «Ну вот, молодец, Кандаурова, совсем другой вид теперь!» — такого Дрыгалка не говорит и никогда не скажет. Она, наверное, и не умеет говорить такого! Окинув Катю быстрым скользящим взглядом, Дрыгалка только по своему обыкновению обиженно поджимает губки.

— Знаешь, что? — говорит мне Лида Карцева, глядя на меня в упор умными серо-голубыми глазами.— Нехорошо, что о Кате Кандауровой заботятся только Маня и ее семья... Что же мы ей, не подруги, что ли?

— Надо и нам тоже! — гудит басом Варя Забелина.

Мы стоим все в коридоре, в глубокой нише под одним из огромных окон, закрашенных до половины белой краской.

— Нам надо сложиться, кто сколько может,— предлагает Лида.— И отдать эти деньги Мане. Потихоньку от Кати, понимаете? Чтобы Кате не было обидно.

— И чтобы Мане не было обидно! — вмешивается Варя.

— Давайте после уроков,— говорит Лида,— пойдем ко мне. Моя мама, наверное, даст нам денег. А потом пойдем ко всем вам — тоже попросим...

— Моя мама тоже даст! — говорю я.

— И моя бабушка тоже! — уверена Варя Забелина.

— Ну, а моя тетя, наверное, не даст,— в раздумье качает головой Меля Норейко.— Она ужясно не любит давать... Она, знаете, немножечко жядная...

Мы и не заметили, как около оконной ниши, где мы стоим, скользнула, как тень, Дрыгалка!

— Что это вы тут шепчетесь? У нас правило: по углам шептаться нельзя! Это запрещено, медам!

— А мы не шепчемся... Мы громко разговариваем...— говорю я. Во мне поднимается возмущение против Дрыгалки. Что же это за наказание такое, что она всюду подкрадывается и все запрещает? Этого «нельзя»! Это «не разрешаю»!

Звонок прерывает наш разговор с Дрыгалкой.

— В класс, медам! На урок!

Катя, как и прежде, сидит на парте рядом со мной. Но теперь я уже не злюсь на это, как в первый день. Ох, как стыдно мне теперь это вспоминать! Наоборот, я стараюсь, чем могу, выразить доброе отношение к ней.

После окончания уроков мы выходим на улицу. Как хорошо, как вольно дышится! Но нам некогда наслаждаться золотым августовским днем,— мы должны идти к своим мамам, попросить у них денег, а потом отнести эти деньги Мане — для Кати Кандауровой.

Решаем идти сперва к Меле Норейко — она живет всех ближе,— потом к Вариной бабушке, к Лидиной маме, а затем к моей.

Идем мы весело, шутим, смеемся. Только Меля почему-то на себя не похожа! Она все время молчит, даже иногда вздыхает. Наконец, не выдержав, она берет меня под руку, чтоб я шла медленнее. Когда мы таким образом немножко отстаем от Лиды и Вари,

Мы не заметили, как около оконной ниши, где мы стоим, скользнула Дрыгалка.

Меля говорит мне негромко и как-то нерешительно:

— Знаешь, что? Я побегу вперед и посмотрю, кто у нас дома, тетя или папа... А?

— А почему? — недоумеваю я.— Разве это не одно и то же?

— Ну да! Одно и то же!.. У меня папа — это одно, а тетя, папиного брата жена,— совсем не то же! И мне бы хотелось, понимаешь... Ну, одним словом, гораздо бы лучше, если бы мы застали папу, а не тетю! Я побегу, а?

Меля летит стрелой вперед, к своему дому. А мы идем медленно, мы немного озадачены загадочными Мелиными словами.

Когда мы подходим к дому с большой вывеской «Ресторан Т. Норейко», Меля уже дожидается нас у ворот.

— Где вы копаетесь? Скорее, скорее!

И, ведя нас во двор дома, Меля тихонько шепчет мне:

— Тетя занята, она грязное белье в стирку отдает. Ресторанное: скатерти, салфетки... А папу я сейчас приведу! Если тетя войдет, вы, смотрите, ничего при ней не говорите! Все это нам не нравится, но отступать поздно.

Мы входим в квартиру Норейко, Меля вводит нас в маленькую переднюю. В ней нет даже стульев. Из соседней комнаты доносится негромкий голос, мерно считающий:

— Тридцать шесть... Тридцать семь.. Тридцать восемь...

— Подождите здесь, я сию минуту...

Меля в самом деле через минуту — другую приводит к нам толстого человека с добродушным лицом.

— Вот. Это мой папулька. Папулька, это мои подружки... Папулька, мне нужны деньги, понимаешь? И не марудь, папулька: слышишь, тетя уже пятьдесят вторую салфетку считает! Скоро кончит...

— Деньги? — пугается папулька.— А на что тебе деньги?

— Ну, мало ли, папулька, какие у меня расходы!

Папулька растерян. У него даже взмокли волосы на лбу.

— Полтинник довольно?

— Папуля! — укоряет его Меля.— Дай канарейку. И поживее!

Из соседней комнаты доносится:

— Шестьдесят восемь, шестьдесят девять... Семьдесят...

— К сотой салфетке подходит! — торопливо шепчет Меля.— Беги скорей к кассирше, возьми у нее канарейку — и конец!

— Дочка у меня, а? — подмигивает нам папулька.— Министерская голова, нет?

Папулька исчезает. Затем, вернувшись, достает зажатую в кулаке измятую рублевую бумажку. Испуганно оглядываясь на дверь, отдает деньги Меле. Меля быстро сует их в карман.

С этой минуты и Меля и ее папулька преображаются. С их лиц сходит выражение пугливой настороженности. На папулькином лбу разглаживаются морщины. Отец и дочь весело, радостно обнимаются. Меля шутливо пытается головой боднуть отца в живот.

— Дочка у меня, а? — подмигивает нам папулька.— Министерская голова, нет?

Но Меля бесцеремонно выталкивает отца из комнаты.

— В ресторан, папулька! Там лакеи без тебя все разворуют.

Папулька скрывается.

Меля торопливо передает папулькину рублевку Лиде.

— Прячь, прячь скорее!

Между тем в соседней комнате голос, монотонно считавший белье, смолкает. В переднюю, где мы стоим, входит миловидная женщина, толстенькая и кругленькая, как пышка. На лбу у нее мокрое полотенце, которое она придерживает одной рукой. Другой рукой она запахивает на груди растерзанный капот.

— Ох, голова! Ох, голова! — стонет она.

— Болит, тетечка? — участливо спрашивает Меля.

— Не дай бог... А это кто? — вдруг замечает нас Мелина тетя.

— Это, тетечка, мои подруги пришли. В гости...

— Ох, тесно у нас тут! Какие уж гости! — неприветливо говорит Мелина тетя.— Тебе обедать надо...

— Мы уходим,— спокойно говорит Лида. И мы, простившись, выходим на улицу.

— Не понравилась мне эта «тетечка»! — мрачно говорит Варя.

— Ну, ладно, идем теперь к Варе,— напоминает Лида.

Болтая, смеясь, мы подходим к домику на окраине.

— Вот. Наш домик,— говорит Варя и смотрит на этот домик так ласково, как на хорошего человека.

Это и вправду славненький домик. Он густо увит диким виноградом, и конец лета раскрасил листья во все цвета. В садике на маленькой жаровне стоит таз, в котором варится варенье. А рядом сидит на стуле старушка и слегка помешивает варенье ложкой.

— Бонжур, мадам Бабакина! — весело приветствует старушку Варя.

— Бонжур, мадмуазель Внучкина! — спокойно отзывается «мадам Бабакина».— О, подружек привела! В самый раз пришли: варенье готово! Из слив...

Мы не успеваем оглядеться, как Варина бабушка уже усадила нас за садовый стол, поставила перед каждой из нас полное блюдце золотисто-янтарного варенья и по куску хлеба.

— Как вкусно! — восхищается Лида.

— До невозможности! — говорю и я с полным ртом.

Варя обнимает свою бабушку.

— Еще бы не вкусно! Кто варил? Варвара Дмитриевна Забелина. Сама Варвара Дмитриевна! Понимаете, пичюжки?

Варя очень похоже передразнила Мелино «пичюжки». Это, конечно, опять вызывает смех. Впрочем, в этом чудесном садике, позади дома, увитого разноцветным диким виноградом, да еще за вареньем Вариной бабушки нам так радостно и весело, что мы смеемся по всякому пустяку, и жизнь кажется нам восхитительной! Я смотрю то на Варю, то на ее бабушку,— они удивительно похожи друг на друга. Бабушка говорит басом, как Варя, и у обеих, у бабушки и внучки, одинаковые карие глаза.

Спасибо, Варвара Дмитриевна! — благодарим мы с Лидой.

— Какая я вам Варвара Дмитриевна! — удивляется старуха.— Бабушкой зовите меня, ведь вы подружки Варины! Сына моего, Вариного отца, товарищи всегда меня мамой звали. А вы зовите бабушкой.

— А мы к тебе по делу пришли, бабушка! — говорит Варя.

Выслушав наш рассказ о Кате Кандауровой, которая живет в семье Мани Фейгель, Варвара Дмитриевна говорит растроганно:

— Пригрели добрые люди сироту... Варвара, где наш банк?

Варя приносит из дома «банк» — коробку из-под печенья «Жорж Борман».

Варвара Дмитриевна открывает коробку, смотрит.

Гм... Не густо,— вздыхает она.— Ну, все-таки, я думаю, рубль мы можем дать, а, Варвара? Надо бы побольше, да еще долго до пенсии, вдруг на мель сядем?

— Не будем жадничать, бабушка! Наскребем все два...

Вот у нас уже собрано три рубля. Отлично! Мы прощаемся с бабушкой Варварой Дмитриевной, в которую мы с Лидой успели влюбиться по уши. Мы ей, видно, тоже понравились — она с нами прощается ласково, обнимает и целует нас.

Теперь мы идем к Лидиной маме. Она дает нам три рубля.

Наш сбор идет отлично. Отсюда идем к нам.

У нас неожиданно в сбор денег включается весь дом. Мама дает три рубля. Поль безмолвно кладет на стол полтинник. Юзефа, стоявшая у притолоки и внимательно прислушивавшаяся к разговору, достает из-за пазухи большой платок, на котором все четыре угла завязаны в узелки, развязывает один из узелков, достает из него три медных пятака и кладет их на стол.

— От ще и от мене. Злотый... Сироте на бублик!

Наш дом собрал три рубля шестьдесят пять копеек. Пришедший в эту минуту дедушка добавляет для ровного счета еще тридцать пять копеек — всего четыре рубля.

Папа прибавляет еще одну «канарейку». Пришедший к нам Иван Константинович Рогов дает столько же. У нас уже собрано целых двенадцать рублей. Сумма немаленькая!

— А теперь, девочки,— говорит папа,—

ваше дело кончено. Отдать эти деньги Фейгелю должен кто-нибудь другой, иначе обидите хорошего человека. Я его знаю; я врач того училища, где он работает. Оставайтесь здесь, веселитесь, а главное, никому обо всем этом не говорите. Помните, ни одной душе! Ни одного слова. Вы еще головастики, вы не знаете, из-за этого могут выйти неприятности. Я потом, мимо едучи, зайду к Фейгелю домой и все ему передам.

— Я бабушке скажу, чтобы в секрете держала! — соображает Варя.

— А я маме...— озабоченно говорит Лида Карцева.— Она может нечаянно проболтаться.

На том и расстаемся.

Папа, как говорится, «словно в воду глядел»! Мы, правда, были осторожны и зря не болтали, но неприятности — и какие! — сваливаются на наши головы уже на следующий день.

Поначалу все идет, как всегда. Только Меля Норейко опаздывает — вбегает в класс хоть и до начала первого урока, но уже после звонка. Она проходит на свое место. Я успеваю заметить, что глаза у нее красные, заплаканные. Но тут в класс вплывает Колода, начинается урок, надо сидеть смирно.

После урока я подхожу к Меле.

— Меля, почему ты?..

— Что я? Что? — вдруг набрасывается она на меня с таким озлоблением, что я совсем теряюсь.

— Да нет же... Меля, я только хотела спросить: ты плакала? Что-нибудь случилось? Плохое?

— Ну, и плакала. Ну, и случилось. Ну, и плохое...

И вдруг губы ее вздрагивают, и она говорит жалобно:

— Разве с моей тетей можно жить по-человечески? Для нее что человек, что грязная тарелка — все одно!

На секунду Меля прижимается лбом к моему плечу.

Мне очень жаль Мелю. Хочу сказать ей приятное.

— Знаешь, Меля, мы для Кати...

Но тут Меля злобно шипит мне в самое лицо:

— Молчи! Я не знаю, что вы там для Кати... Я с вами не ходила, я дома осталась! Ничего не знаю и знать не хочу!

Но тут служитель Степан начинает выводить звонком сложные трели, — конец перемене. Мы с Мелей бежим в класс.

Когда кончается третий урок и все вскакивают, чтобы бежать вон из класса, в коридор, Дрыгалка предостерегающе поднимает вверх сухой пальчик.

— Одну минуту, медам! Прошу всех оставаться на своих местах...

Все переглядываются, недоумевают, что такое затевает Дрыгалка? Но та уже подошла к закрытой двери из класса в коридор и говорит кому-то очень любезно:

— Прошу вас, сударыня, войдите!

В класс входит дама, толстенькая и кругленькая, как пышка, и расфуфыренная пестро, как попугай. Серое шелковое платье, красная кружевная мантилька, шляпа, отделанная искусственными полевыми цветами, ромашками, васильками и маками. В руках пестрый зонтик.

Меля побледнела, как мел, и отчаянно кричит:

— Тетя!

Только тут мы, Лида, Варя и я, узнаем в смешно разодетой дамочке ту усталую женщину, которую накануне мы видели в квартире Норейко в растерзанном капоте, с компрессом на голове. Это Мелина тетя...

Сухой пальчик Дрыгалки трепыхается в воздухе весело и победно, как праздничный флажок.

— Одну минуту! Попрошу вас, сударыня, указать, кто именно из девочек моего класса приходил вчера к вашей племяннице?

Мелина тетя медленно обводит глазами всю толпу девочек. Она внимательно и бесцеремонно всматривается в растерянные, смущенные лица.

— Вот! — обрадованно тычет она пальцем в сторону Лиды Карцевой.— Эта была!

Таким же манером она указывает на Варю Забелину и на меня.

Все мы стоим, переглядываясь непонимающими глазами (Меля сказала бы: «Как глупые куклы!»). Что случилось? В чем мы провинились? И все смотрят на нас, у всех на лицах тот же вопрос...

Зато Дрыгалка весела, словно ей подарили пряник!

— Значит, Карцева, Забелина и Яновская? Пре-красно... Карцева, Забелина, Яновская, извольте после окончания уроков явиться в учительскую!

И, обращаясь к Мелиной тете, Дрыгалка добавляет самым изысканно вежливым тоном:

— Вас, сударыня, попрошу следовать за мной.

И уводит ее из класса.

Все бросаются к нам с расспросами. Но ведь мы и сами ничего не знаем!

— Ну да! — кричат нам.— Не знаете вы! А за что вас после уроков в учительскую зовут?

Но у нас такие искренне растерянные лица, что нам верят: да, мы, видно, вправду ничего не знаем.

Все-таки класс взбудоражен страшно.

Все высыпают в коридор. Я тоже хочу идти вместе со всеми, но Меля удерживает меня за руку в пустеющем классе.

— Подожди...— шепчет она мне.— Одну минуточку!

Когда мы остаемся одни, Меля говорит мне, придвинув лицо к моему:

— Имей в виду, и Лиде с Варей скажи... Она все врет! Ее не было, когда папулька мне «канарейку» дал, она в это время в другой комнате грязное белье считала.

— А зачем ты мне все это говоришь?

— А затем, что и вы никакой рублевки не видели, понимаешь? Не видали вы! И все... А что там после было — у Лиды, у Вари, у тебя,— про это и я ничего не знаю, я же с вами не ходила... Скажи им, понимаешь?

Резким движением Меля идет к своей парте, ложится, съежившись, на скамейку лицом к спинке и больше как будто не хочет меня замечать.

Но я вижу, что ее что-то давит.

— Меля...— подхожу я к ее парте.— Меля, пойдем в коридор. Завтракать.

Меля поворачивает ко мне голову.

— Я тебе сказала: ступай, скажи им! Не теряй времени... Ты ее не знаешь, она такое может наговорить!

С тоской Меля добавляет:

— И хоть бы со злости она это делала! Так вот: не злая она. Одна глупость и жадность... Ступай скорее, Саша, скажи девочкам: вы никакой рублевки не видали!

Я передаю Лиде и Варе то, что велела сказать Меля.

Варя широко раскрывает свои большие глаза с поволокой.

— Нич-ч-чего не понимаю!

— А что понимать-то? — спокойно говорит Лида.— Если спросят, видели ли мы, как Мелин папа дал ей рубль, надо сказать: нет, не видели. И конец! Очень просто.

Может быть, это очень просто, но все-таки это и очень сложно. И неприятно тоже. И все время сосет беспокойство: зачем нас зовут в учительскую? Что еще там будет?

Так ходим мы по коридорам, невеселые, всю перемену. Зато Дрыгалка просто неузнаваема. Она носится по институту, как пушинка с тополя. И личико у нее счастливое... Заворачивая из малого коридора в большой, мы видим, как она дает служителю Степану какой-то листок бумаги и строго наказывает:

— Сию минуту ступайте!

— Да как же, барышня, я пойду? А кто без меня звонить будет после четвертого урока и на пятый?.. Не обернусь я за один урок в три места сбегать!

— Пускай Франц вместо вас даст звонок! — говорит Дрыгалка и, увидя нас, быстро уходит.

Варя встревоженно качает головой.

— Это она нам что-то готовит...

— Степу куда-то посылает. В три места... Куда бы это? — гадаю я.

Когда после окончания уроков мы входим в учительскую, там уже находятся три человека. За большим учительским столом торжественно, как судья, сидит Дрыгалка. На диване — тетя Мели Норейко. В кресле — бабушка Вари Забелиной.

— Бабушка! — двинулась было к ней Варя.

Но Дрыгалка делает Варе повелительный жест: не подходить к бабушке! Потом она указывает нам место у стены.

— Стойте здесь!

Мы стоим стайкой, все трое. Лида, как всегда, очень спокойная, я держусь, или, вернее, хочу держаться, спокойно, но на сердце у меня, как Юзефа говорит, «чогось каламитно». Варя не сводит встревоженных глаз со своей бабушки.

— Бабушка! — не выдерживает она.— Зачем ты сюда пришла?

Старуха Варвара Дмитриевна отвечает, разводя руками:

— Пригласили...

Дрыгалка стучит карандашом о пепельницу.

— Прошу тишины, медам!

Варвара Дмитриевна искоса скользит по Дрыгалке не слишком восхищенным взглядом. Сегодня Варина бабушка нравится мне еще больше, чем вчера. В стареньком и старомодном черном пальто Варвара Дмитриевна держится скромно и с достоинством. Это особенно заметно, когда видишь сидящую на диване расфуфыренную тетю Мели Норейко. Она обмахивается платочком и порой даже стонет:

— Ф-ф-ухх! Жарко...

Никто на это не откликается.

Проходит несколько минут, и в учительскую входит... мой папа! Он делает общий поклон, Дрыгалка ему руки не протягивает, только величественным жестом указывает ему на стул около стола. Папа осматривает всех близорукими глазами. Когда его взгляд падает на нас, трех девочек, он начинает всматриваться, прищуриваясь и поправляя очки. Меня он не видит, потому что меня заслоняет Лида Карцева. Я делаю шаг в сторону, и папа узнает меня.

— Здравствуй, дочка! — кивает он мне.

Умница папа! Понимает, что здесь не надо называть меня по-домашнему — «Пуговка».

— Здравствуй, папа! — говорю я.

Дрыгалка строго поднимает брови.

— Прошу не переговариваться!

Папа секунду смотрит на Дрыгалку и говорит ей с обезоруживающей любезностью:

— Прошу извинить меня... Но мы дома приучаем ее к вежливому обращению.

Я вижу, что и Лида, и Варя, и даже Варвара Дмитриевна смотрят на папу добрыми глазами. Я тоже довольна: мой Карболочка здорово «смазал» Дрыгалку.

Тут в учительскую входит новый человек. На некрасивом умном лице внимательно глядят знакомые мне серо-голубые глаза. Смотрю, Лида кивает этому человеку и он ей тоже. Ясно: это Лидин папа.

Увидев моего папу, незнакомец подходит к нему и дружески пожимает ему руку.

— Якову Ефимовичу!

И папа радуется этой встрече.

— Здравствуйте, Владимир Эпафродитович!

Ну, и отчество у Лидиного папы! Сразу не выговоришь!

— Что ж,— говорит Дрыгалка после того, как он тоже садится на стул,— теперь все в сборе, можно начинать.

— Я был бы очень признателен, если бы мне объяснили, зачем меня так срочно вызвали сюда,— говорит Лидин папа.

— Об этом прошу и я,— присоединяется мой папа.

— И я...— подает голос Варвара Дмитриевна.

— Сию минуту! — соглашается Дрыгалка.— Я думаю, мадам Норейко не откажется рассказать здесь о том, что произошло в их доме. Прошу вас, мадам Норейко!

Мне почему-то кажется, что ручка двери шевелится!

Но мадам Норейко уже рассказывает:

— Ну вот, значит... Вчера или третьево дни, что ли... Нет, вчера, вчера!.. Пришли к нам вот эти самые три девочки. Я думала, приличные дети с приличных семейств! А они напали на моего брата и отняли у него рубль денег!

Что она такое плетет, Мелина тетя?

— Прошу прощения,— вежливо вмешивается папа.— Вот вы изволили сказать: девочки н а п а л и на вашего брата и о т н я л и у него деньги...

— Ограбили, значит, наши девочки вашего брата! — уточняет Лидин папа очень серьезно, но глаза у него улыбаются.

— Что же,— продолжает папа,— эти девочки были при оружии?

— Не-е-ет...— задумчиво, словно вспоминая, говорит мадам Норейко.— Ружьев я у них не видала.

Тут мужчины — наши папы,— переглянувшись, смеются. И Варвара Дмитриевна улыбается. Мы тоже еле сдерживаем улыбку. Одна Дрыгалка не теряет серьезности, она только становится все злее, как «кусучая» осенняя муха.

— Позвольте, позвольте,— взывает она.— Здесь не театр, смеяться нечему!

— Да, да,— посерьезнев, соглашается Лидин папа.— Здесь не театр. Здесь, по-видимому, насколько я понимаю, судебное разбирательство. В таком случае разрешите мне, как юристу, вмешаться и задать свидетельнице, госпоже... э-э-э... Норейко, еще один вопрос.

— Пожалуйста,— неохотно соглашается Дрыгалка.

— Госпожа Норейко! Вы утверждаете, что наши девочки напали на вашего брата.

— Ну, не напали, это я так с ошибкой сказала... Я по-русску не очень,— уступает Мелина тетя.— Они, как сказать, навалилися на моего брата, стали у его денег просить...

— Вы были свидетельницей этого? — продолжает Владимир Эпафродитович.— Вы это сами видели, своими глазами?

Мадам Норейко нервно теребит взмокший от пота платочек.

Я все смотрю на дверь. Что хотите, а она чуть-чуть приотворяется! Потом снова затворяется... Что за чудеса?

— Разрешите мне в таком случае задать вопрос самим обвиняемым, этим девочкам,— говорит Карцев и обращается ко мне: — Вот, девочка, скажите: правду говорит эта дама? (Про Мелину тетку!) Вы в самом деле отняли у ее брата рубль?

Я так волнуюсь, что сердце у меня сту-

чит на всю комнату. Наверное, даже на улице слышно, как оно стучит: паммм, паммм, паммм!.. Но я отвечаю твердым голосом:

— Неправда! Ничего мы у него не отнимали.

— Но если она видела это своими глазами! — продолжает Карцев.

Это неправда! — вмешивается Лида.— Она пришла в комнату после того, как ее брат уже ушел.

— А другие девочки это подтверждают?

— Подтверждаем! — очень серьезно говорим мы с Варей.

— Ну, что же! Все ясно,— подытоживает Лидин папа, обращаясь к Мелиной тетке.— Вас в комнате не было, вы ничего сами не видели... Откуда же вам известно то, что вы здесь утверждаете? Про рубль, отнятый у вашего брата?

— А вот и известно! — с торжеством взвизгивает тетка.

— Откуда?

— От кассирши! — говорит она и смотрит на Карцева уничтожающим взглядом. Да, от кассирши, вот именно! Пересчитали вечером кассу — рубля не хватает! Кассирша говорит: он взял. Он — брат моего покойного мужа. Мы с ним компаньоны, у нас этого не может быть, чтобы один без другого из кассы хапал. Где же этот рубль? Я не брала, кассирша говорит: он хапнул.

Тут уж мне не кажется, что с дверью творится что-то неладное. Она в самом деле открывается, и в учительскую входит... Мелин папулька!

Он одет по-городскому — в пальто, на голове шляпа.

— Тадеуш! кричит ему тетка.— А кто

Тадеуш Норейко выхватывает из кармана рублевку и швыряет ее в лицо своей невестке.

остался в ресторане? Там же все раскрадут, разворуют, господи ты мой, боженька!

Но Тадеуш Норейко, красный, как помидор, еще более потный, чем мадам Норейко, выхватывает из кармана рублевку и швыряет ее в лицо своей невестке.

— На! Подавись, жаба! — Он говорит совсем, как Меля: «жяба».

И, обращаясь к присутствующим в комнате людям:

— Компаньонка она моя! За рубль удавится, за злотый кого хотите продаст, мать родную утопит... Хорошо, дочка за мной прибежала: «Иди скорей, папулька, в институт!» Я тут под дверью стоял, я все-е-е слышал! А девочки эти даже близко ко мне не подходили, а не то чтобы на меня нападать!

Перед таким ослепительным посрамлением врагов всем становится ясно, что представление, затеянное Дрыгалкой, провалилось самым жалким образом. Чтобы скрыть конфуз, Мелина тетка вскакивает, словно вдруг что-то вспомнила:

— Ох, сумасшедший человек! Бросил ресторан — воруйте, кто сколько хочет...

Поспешно раскланявшись с Дрыгалкой, тетка уходит. За ней уходит Мелин папулька.

— Что ж? — говорит папа.— Думаю, и нам можно уходить.

— Судебное разбирательство закончено,— ставит точку Лидин папа.

Дрыгалка порывисто поднимает руку в знак протеста.

— Нет, милостивые государи, не кончено. Эта дама, может быть... ну, несколько преувеличила. Но я и сама вижу: эти девочки на опасном пути. Они что-то затевают, может быть, собирают между собой деньги на какие-то неизвестные дела!..

— А этого нельзя? — спрашивает папа очень серьезно.

— Нельзя! — отрезает Дрыгалка.— Никакие совместные поступки для неизвестных начальству целей воспитанницам не разрешены. Это — действие скопом! Незаконно!

Тут вдруг Варвара Дмитриевна Забелина, о которой все как бы забыли, встает со своего кресла и подходит к столу Дрыгалки. Она очень бледна, и папа спешит подать ей стул.

— А скажите, госпожа классная воспитательница...— обращается она к Дрыгалке, очень волнуясь, и губы у нее дергаются.— Вот эти девочки... разбойницы эти, грабительницы... они вчера у меня свежее варенье с хлебом ели. Это, значит, тоже незаконно, скопом, да? Стыдно-с! — вдруг говорит она густым басом.— Из-за такого вздора вы этих занятых людей от дела оторвали! За мной, старухой, сторожа прислали, хоть бы записку ему дали для меня... Я шла сюда — люди смотрели: старуху, полковницу Забелину, как воровку, сторож ведет!.. Ноги у меня подкашивались, думала, не дойду я, не дойду...

— Бабушка!

Варя в тревоге бросается к Варваре Дмитриевне, быстро достает из ее сумочки флакон с каплями. Папа берет капли, отсчитывает в стакан с водой, поит Варвару Дмитриевну. Она, бедная, совсем сникла, опустилась на стул и тяжело дышит.

— Бабушка...— плачет Варя.— Дорогая... Пойдем домой!

— Я сейчас бабушку вашу отвезу,— говорит папа.— Отвезу домой и посижу с ней, пока ей не станет лучше. Хорошо?

— Спасибо,— шепчет с усилием Варвара Дмитриевна.

Папа молча кланяется Дрыгалке, пожимает руку Лидиному папе и уходит, ведя Варвару Дмитриевну под руку. Лидин папа, поклонившись, тоже уходит.

Мы остаемся в учительской вместе с Дрыгалкой. Она коротко бросает:

— Можете идти!

Под каменным взглядом ее глаз мы гуськом уходим из учительской. Ох, отольется еще, отольется нам то унижение, которое Дрыгалка вынесла, как она думает, из-за нас, а на самом деле из-за своей собственной злобности и глупости.

Мы выходим на улицу. Там дожидается нас Карцев. Моего папы и Варвары Дмитриевны нет.

— Они уже уехали,— отвечает Лидин папа на наш немой вопрос.— Яков Ефимович увез эту милую старую даму.

Лидин папа прощается с нами и уходит.

— Девочки! — предлагает Лида.— Проводим Варю домой, а?

Конечно, мы принимаем это предложение с восторгом и идем по улице. Но не тут-то было! Со всех сторон бегут к нам девочки — из нашего класса и из других классов,— взволнованные, красные; они, оказывается, дожидались нас во всех подворотнях, в подъездах домов; они хотели узнать, чем кончится «суд» над нами. Они засыпают нас вопросами. Впереди всех бегут к нам Маня, Катя Кандаурова и Меля.

— Ну что? Ну как?

Катя всхлипывает и жалобно сморкается.

— Мы с Маней так боялись!..

Во всех глазах такая тревога, такое доброе отношение к нам! Дрыгалка прогадала и в этом: она хотела разъединить нас, четырех девочек, на самом деле она самым настоящим образом сдружила нас и между собой и со многими из остальных учениц нашего института.

Меля крепко прижимается ко мне.

— Меля, это ты привела своего папу?

— А то кто же?.. Я сразу за ним побежала.

Наконец мы прощаемся с толпой девочек и уходим.

Меля остается и нерешительно смотрит нам вслед.

— Меля! А ты? — окликает ее Лида.— Что ты стоишь, «как глупая кукла»? Иди с нами провожать Варю!

— А мне можно? — робко спрашивает Меля.

— Ну конечно!

Меля все так же нерешительно делает несколько медленных шагов.

— Девочки! — вдруг говорит она.— Вы мне верите? Вы не думаете, что это я про вас тетке наболтала, как последняя доносчица, собачья извозчица?

— Да ну тебя! — машем мы все на нее руками.— Никто про тебя ничего плохого не думает, никто!

А Варя, скорчив очень смешную гримасу, говорит, передразнивая любимое выражение Мели:

— Меля! Никогда я такой дурноватой девочки не видела!

Мы все смеемся. А Меля плачет в последний раз за этот день — от радости.

МОЙ ДУСЯ КСЕНДЗ!

Утро начинается с необычного: я ссорюсь с Юзефой, а когда на шум приходит мама, то и с мамой.

Не знаю почему, но мама и Юзефа вдруг выдумали, чтобы я брала с собой ежедневно в институт бутылку молока и выпивала его за завтраком на большой перемене.

— Неужели так трудно выпить бутылку молока? — говорит мама.

— Ну, а если я терпеть не могу молока, если я его ненавижу, если меня тошнит от пенок? — заплакала я.— Что я, грудная, что ли?

Ничто мне не помогло. Юзефа аккуратненько налила молоко в бутылку и поставила в уголке моего ранца. Мама сказала, чтоб я была осторожна и не разбила бутылку. Юзефа успокоила маму:

— Это очень крепкая бутылка! А что пробка слишком маленькая, так я бумаги кругом напихаю!

И все. Я ухожу в институт, унося в ранце эту противную бутылку с противным молоком. Я так огорчена всем этим, что убегаю из дома ни свет ни заря, еще и девяти часов нет.

В институте, поднявшись по лестнице в коридор, я вижу идущих впереди меня девочек из моего класса: Мартышевскую и Микошу. Мартышевскую зовут, как меня, Александрой, но не Сашей, не Шурой — таких имен в польском языке нет,— а Олесей, или Олюней. Чаще всего ее ласково зовут Мартышечкой, хотя она нисколько не похожа на обезьяну, она очень славненькая.

Мартышевская и Микоша идут впереди меня и негромко переговариваются между собой по-польски.

Я не вслушиваюсь в их разговор. Я все еще очень болезненно переживаю то, что на большой перемене я должна буду, как грудной ребенок, тянуть молоко из соски. Но позади меня идет человек, которому разговор Мартышевской и Микоши почему-то, видимо, очень интересен. Тихой, скользящей походочкой Дрыгалка перегоняет меня и берет за плечи Мартышевскую и Микошу.

— На каком языке вы разговариваете, медам?

Девочки смущенно переглядываются, как если бы их поймали на каком-то очень дурном поступке.

— Я вас спрашиваю: на каком языке вы разговариваете?

— По-польски...— тихо признается Олеся Мартышевская.

— А вам известно, что это запрещено? — шипит Дрыгалка.— Вы живете в России, вы учитесь в русском учебном заведении. Вы должны говорить только по-русски.

Очень горячая и вспыльчивая, Лаурентина Микоша хочет что-то возразить. Но Олеся Мартышевская незаметно трогает ее за локоть, и Лаурентина молчит.

Дрыгалка победоносно идет дальше по коридору.

— На своем... на своем родном языке...— задыхаясь от обиды, шепчет Микоша.—Ведь мы польки! Мы хотим говорить по-польски.

Мартышевская гладит ее по плечу.

— Ну, тихо, тихо...

Я вхожу в класс какая-то вроде оглушенная. В классе еще никого нет, пусто. Я уса-

живаюсь за своей партой, горестно подперев голову рукой. Так все нехорошо! И молоко это окаянное... И девочкам-полькам почему-то не позволяют говорить на родном языке.

Дверь из коридора приоткрывается. В нее несмело входят две девочки — и не из нашего отделения, а из первого. Обычно мы друг к другу в чужое отделение не ходим. Девочки из первого живут в институте, они пансионерки, гордячки, они смотрят на нас, второе отделение, сверху вниз. А мы самолюбивые, насмешницы, мы не желаем унижаться перед «аристократками». И вдруг почему-то две из первого отделения к нам пожаловали!

Не заметив меня, одна из них спрашивает у другой:

— Думаешь, он сюда придет?

— Ты же видела, прямо сюда пошел!—И вдруг, увидев меня: — Людка! А как же эта?

Людка машет рукой.

— Не беда! Она не наябедничает. Мне Нинка Попова говорила, ее Шурой звать, она ничего девочка...

Мне смешно, что они переговариваются обо мне в моем присутствии. Словно меня нет или я сплю...

— Видишь? продолжает Люда.— Она смеется. Она ничего плохого не сделает.

Выглянув в коридор, Люда испуганно вскрикивает:

— Идет, Анька! Идет сюда!

И обе девочки застывают в ожидании около классной доски.

Я тоже с любопытством смотрю на дверь: кто же это там идет?

В класс входит сторож-истопник Антон. Он в кожухе (желтом нагольном тулупе). За спиной у него вязанка дров, которую он сваливает около печки с особым «истопническим» шиком и оглушительным грохотом. Кряхтя и даже старчески постанывая от усилия, Антон опускается на колени и начинает привычно и ловко топить печку. Ни на кого из нас он не смотрит, но я не могу отвести глаз от его головы: никогда я такой головы не видала! Не в том дело, что она лысая, как крокетный шар,— лысина ведь не редкость. Но при этой совершенно лысой голове у Антона борода, как у пушкинского Черномора! Длинная седая борода, растрепанная, как старая швабра. Сходство со шваброй еще усиливается оттого, что в бороде Антона запутался, застрял всякий мусор, даже похоже, что в ней торчат какие-то щепочки, стебельки сена, ну, совсем как если

За спиной у истопника вязанка дров.

бы этой бородой только сейчас подметали двор. А лысина блестит, как начищенный мелом медный поднос. По ее сверкающей желтизне рассыпаны крупные родимые пятна и, как реки на географической карте, разветвленно вьются синевато-серые вены. Сейчас, от усилия при работе, эти вены взбухли и особенно четко пульсируют. Очень интересная голова у истопника Антона!

— Ну! — командует шепотом Люда, подталкивая Аню локтем.

Аня достает из кармана пакетик, перевязанный розовой тесемкой, какими в кондитерских перевязывают коробки с конфетами.

— Пожалуйста,—бормочет Аня, вся красная от волнения, и протягивает Антону пакетик.— Возьмите...

Антон сердито поворачивает к ней лицо, раскрасневшееся от печки, с гневно сведенными лохматыми седыми бровями.

— Ну, куды? — рычит он.— Куды «возьмите»? Торопыга! Вот затоплю, на ноги встану, тогды и возьму...

Так оно и происходит. Антон кончает свое дело, с усилием встает с колен. Аня протягивает ему свой пакетик с нарядной тесемочкой. Не говоря ни слова, даже не взглянув на девочек, Антон берет пакетик рукой, черной от топки, сует его за пазуху и уходит.

Люда и Аня смотрят ему вслед и посылают воздушные поцелуи его удаляющейся спине.

— Дуся! — говорит Аня с чувством.

— Да! Ужасный дуся!— вторит Люда.

Я смотрю на них во все глаза... О ком они говорят? Кто дуся?

Тут обе девочки, Люда и Аня, начинают шептаться. Поскольку они при этом то и дело взглядывают на меня, я понимаю, что речь у них идет обо мне.

— Послушай,— подходит ко мне Люда,— ты Шура, да? Я знаю, мне о тебе Нинка Попова говорила.

— У нас к тебе просьба! — перебивает ее Аня.— Понимаешь, мы пансионерки, мы живем здесь, в институте, всегда. И у нас очень мало окурков!

— Ужасно мало! — поясняет Люда.— Да и откуда здесь быть окуркам? Учителей, таких, чтобы они были мужчины, курили папиросы, ведь немного. В классах они не курят, в коридоре тоже, только в учительской, а в учительскую нам ходить запрещено. Вот ты живешь дома,— собирай для нас окурки, а?

— Какие окурки? — спрашиваю я, совершенно обалделая...

— Ну, обыкновенные. Окурки. Окурки папирос. Понимаешь?

Я еще больше удивляюсь.

— Вы курите? — спрашиваю.

Обе девочки хохочут. Я, видно, сморозила глупость.

— Нет, мы с Людой не курим,— снисходительно улыбается Аня.— Мы для Антона окурки собираем.

— Потому, что мы его обожаем! — торжественно заявляет Люда.— Он дуся, дивный, правда?

Я молчу. Антон не кажется мне ни дусей, ни дивным.

Просто довольно нечистоплотного вида старик со смешной лысиной.

— И еще мы хотели просить тебя,— вспоминает Аня.— Кто живет дома, у того всегда много цветных тесемок от конфетных коробок. А у нас здесь, в институте, откуда возьмешь тесемки? Мы сегодня перевязали окурки для Антона: видела, какой красивенький пакетик получился? И, представь, последняя ленточка! Больше у нас ни одной нет!

— Приноси нам, Шура, окурки и конфетные тесемочки!

— И смотри, никому ни слова! То есть девочкам — ничего, можно. А «синявкам» — ни-ни!

Я не успеваю ответить, потому что в класс вливается большая группа девочек. Среди них Меля, Лида и другие мои подружки. Обе мои новые знакомки, Люда и Аня из первого отделения, говорят мне с многозначительным подчеркиванием:

— Так мы будем ждать. Да? Принесешь? И убегают.

— Это что же ты им принести должна? — строго допытывается у меня Меля.

— Да так... Глупости...— мямлю я.

— Ох, знаю! — И Меля всплескивает руками.— Они ведь Антона, истопника, обожают! Наверное, пристали к тебе, чтобы ты им из дома окурки носила?.. А, кстати,— вдруг соображает Меля,— кого вы, пичюжки, обожать будете?

— Я никого! — спокойно отзывается Лида.— Моя мама училась в Петербурге, в Смольном институте, она мне про это обожание рассказывала... Глупости все!

Ну, хорошо, Лида знает про это от своей мамы и знает, что это глупости. Но мы, Варя Забелина, Маня Фейгель, Катя Кандаурова и я, наши мамы не учились в Смольном, и мы не знаем, что это за обожание и почему это глупость. И мы смотрим на

Мелю вопросительно: мы ждем, чтобы она нам объяснила.

В эту минуту в класс вбегает Оля Владимирова. Она поспешно складывает все из сумки в ящик своей парты и почти бегом направляется обратно к двери в коридор.

— Владимирова! — окликает ее Меля.— Ты обожать, да?

— Да! — отвечает Оля, стоя уже в дверях класса.

— А кого? — продолжает допытываться Меля.

— Хныкину, пятиклассницу. Ох, медамочки, какая она дуся! — восторженно объясняет Оля.— Ее Лялей звать, ну, и вправду такая лялечка, такая прелесть! А Катя Мышкина обожает ее подругу, Талю Фрей. Мы с Мышкиной за ними ходим.— И Оля убегает в коридор.

— Пойдем, пичюжки! —зовет нас Меля.— Надо вам посмотреть, как это делается.

Мы выходим в коридор, идем до того места, где он поворачивает направо — около директорского стола, и Меля, у которой по обыкновению рот набит едой, показывает нам, мыча нечленораздельно:

— О-о-и...

Мы понимаем, это означает: «Вот они!» Идут по коридору под руку две девочки, одна розовая, как земляничное мороженое, другая палевая, как крем-брюле.

— Хныкина и Фрей! — объясняет нам Меля, прожевав кусок.— А за ними — наши дурынды...

В самом деле, за Хныкиной и Фрей идут, тоже под ручку, Оля Владимирова и Катя Мышкина. Они идут шаг в шаг, неотступно за своими обожаемыми, не сводя восторженных глаз с их затылков.

— Это они так каждый день ходят? — удивляется Варя Забелина.

— Каждый день и на всех переменах: на маленьких и на больших... Ничего не поделаешь,— обожают! И вы выбирайте себе каждая кого-нибудь из старшеклассниц и обожайте!

— Нет,— говорю я,— мне не хочется.

Оказывается, ни Варе не хочется, ни Мане, ни Кате Кандауровой тоже не хочется.

— Ну почему? — удивляется Меля.—Вам это не нравится?

— Скука! — говорю я.— Если бы еще лицом к лицу с ними быть, разговаривать,— ну, тогда бы еще куда ни шло...

— Да, лицом к лицу! — передразнивает Меля.— Что же, им ходить по коридору всю перемену задом, как раки пятятся? Или ты будешь задом наперед ходить?

— А ты сама почему никого не обожаешь? — спрашивает у Мели Варя Забелина.

— Так я же ж обожяю! — говорит Меля.— Я кушять обожяю! Чтоб спокойненько, не спеша присесть где-нибудь и кушять свой завтрак.

Мы Мелю понимаем: обожательницам не до еды — сразу, как прозвонят на перемену, они мчатся сломя голову к тем классам, где учатся их обожаемые. А потом ходят за ними! Ходить — вовсе не так просто. Надо это делать внимательно: обожаемые остановились, и обожательницы тоже останавливаются.

Надо ходить скромно, не лезть на глаза, ничего не говорить, но смотреть зорко: если у обожаемой упала книга, или платочек, или еще что-нибудь, надо молниеносно поднять и, застенчиво потупив глаза, подать. Какое уж тут «кушанье», когда все внимание сосредоточено на обожаемых!

— Шаг в шаг, шаг в шаг! — объясняет Меля.— Зашли обожаемые за чем-нибудь в свой класс,— стойте под дверью их класса и ждите, пока они опять выйдут. Зашли они в уборную — и вы в уборную! Что же, мне любимое пирожное в уборной есть?

Мы хохочем.

— А потом,— говорит Меля сурово,— надо ведь еще подарки делать! Цветочки, картинки, конфетки,— а ну их к богу! Вы мою тетю знаете, видели?

— Знаем...— вспоминаем мы не без содрогания.— Видели!

— А можно с такой тетей подарки делать?

Ну, это мы сами понимаем: нельзя. Вообще в описании Мели обожание — вещь не веселая, и нас это не прельщает.

— Вот учителей обожать легче!—продолжает Меля.— Ходить за учителем, который твой обожаемый, не надо. А, например, сейчас будет урок твоего обожаемого учителя,— ты навязываешь ему ленточку на карандаш или на ручку, которые у него на столе лежат. И еще ты должна везде про него говорить: «Ах, ах, какой дивный дуся мой Федор Никитич Круглов!»

— Ну уж — Круглов! — возмущаемся мы хором.

— Не хотите Круглова, берите других! — спокойно отвечает Меля.

— Хорошо! Я нашла! — кричит Варя Забелина.— Я Виктора Михайловича обожать буду! Учителя рисования. Чудный старик!

— Ну вот,— огорчаюсь я.— Только я по-

думала Виктора Михайловича, а уж ты его взяла.

— Давай пополам его обожать? — миролюбиво предлагает Варя.

— Можешь взять учителя чистописания,— подсказывает Меля.

— Нет, как же я буду его обожать, когда он на каждом уроке говорит про меня: «Что за почерк! Ужасный почерк!» А я вдруг его обожаю! Это будет, вроде я к нему подлизываюсь.

— Можно обожать и не учителя, а учительницу. Дрыгалку хочешь? — дразнит меня Меля.— Колоду хочешь?

Я не хочу ни Дрыгалку, ни Колоду, ни даже учительницу «танцевания» Ольгу Дмитриевну! И учительницу рукоделия не хочу: она все время так громко сопит, что даже страшно...

— Ну, знаешь,— Меля разводит руками,— ты просто капризуля, и все. Всех мы перебрали, никто тебе не нравится! Ну хочешь, можно кого-нибудь из царей обожать,— они в актовом зале висят. Одни Александра I, другие Николая I обожают.

Мы молчим. Я напряженно думаю. Ну, кого бы, кого бы мне обожать? И вдруг с торжеством кричу:

— Нашла! Нашла! Я ксендза обожать буду!

Ксендз Олехнович (он преподает закон божий девочкам-католичкам) — старенький, облезлый, в нечищеной сутане. И голова продолговатая, бугристая, как перезрелый огурец... А нос у него сизый и вообще лицо бабье, похоже на Юзефино... Нет, кончено, решено: я буду обожать ксендза Олехновича! Поляков преследуют,— ну, я буду ксендза обожать, тем более, что за обожаемыми преподавателями не надо ходить по коридорам, не надо ничего им говорить, просто сказать кому-нибудь иногда: «Ксендз Олехнович — такой дуся!» И все! Правда, сказать это про ксендза Олехновича очень трудно, все равно, что сказать про старую метлу, что она красавица! Ну, как-нибудь...

Увы! Мое «обожание» ксендза Олехновича кончается в тот же день. Да еще при таких трагических обстоятельствах, что я этого вовек не забуду...

Третий урок, тот, после которого начинается большая перемена,—урок закона божьего. Эти уроки всегда совместные для обоих отделений нашего класса — и для первого и для второго отделения. Все православные девочки из обоих отделений собираются в первом отделении, и там со всеми ими одновременно занимается православный священник отец Соболевский. А все католички из обоих отделений собираются у нас, во втором отделении, и со всеми ими вместе занимается ксендз Олехнович. В нашем классе есть еще несколько так называемых «инославных» девочек: одна немка-лютеранка, две татарки-магометанки и две еврейки, Маня Фейгель и я. Всех нас сажают в нашем втором отделении на последнюю скамейку, и мы присутствуем на уроке ксендза Олехновича. Нам велят сидеть очень тихо, мы можем читать, писать, повторять уроки, боже сохрани, нельзя шалить.

Ксендзу, наверное, обидно в его уроке все — от начала до конца. Во-первых, он должен преподавать не на родном языке, а по-русски. Говорит он по-русски плохо, может быть, он делает это даже нарочно! «А, вы заставляете меня учить польских детей на чужом языке,— так вот же вам: «Давид сховау камень и пошед битися з тым Голиатэм». Это значит: «Давид спрятал камень и вышел на бой с Голиафом».

Наверное, обижает ксендза и то, что на его уроке сидит пятеро «инославных» девочек. Неужели нельзя было оставить его с одними девочками-католичками, а нас посадить на этот час куда-нибудь в другое место? И ксендз Олехнович, «мой дуся ксендз!», явно оскорблен этим. Он старается не смотреть в нашу сторону, но его сизый нос становится каким-то негодующе фиолетовым.

Нас, пятерых «инославных», это тоже очень смущает и стесняет. Мы стараемся сидеть тихо, как мыши, мы не шепчемся, не переговариваемся — мучение, а не урок!

Что же мне делать, чем заняться, чтоб не шуметь, чтоб не обиделся «мой дуся ксендз»? У меня есть с собой книга «Давид Копперфильд». Я берусь за чтение и понемногу забываю обо всем на свете!

Я начала читать эту книгу два дня тому назад, и она захватила меня с первых страниц. Счастливая жизнь — маленький Давид, его милая мама и смешная, добрая няня Пеготти... Потом мама — ну зачем, зачем она это сделала? — выходит замуж за мистера Мордстона... Все несчастны — и мама, и Пеготти, и маленький Дэви, которого мучают мистер Мордстон и его отвратительная сестра Клара, гадина этакая, я бы ее посадила в собачью будку, на цепь! Я бы этих проклятых Мордстонов, я бы их... Я резко поворачиваюсь на своей скамейке — мой ранец отлетает на несколько шагов, и с каким шумом, с каким грохотом, ужас!

«Мой, дуся ксендз» смотрит в мою сторону недовольными глазами. Конечно, он думает, что это я нарочно шалю на его уроке... От угрызений совести, от огорчения я просто каменею на своей скамейке. Ранец лежит на полу далеко от меня, встать, чтобы поднять его, — значит опять произвести шум, опять навлечь на себя сердитый взгляд «дуси ксендза», — нет, я на это не решаюсь. Пусть ранец лежит, где упал, до конца урока...

Сижу неподвижно. Катастрофа с падением моего ранца, кажется, забывается. Я даже снова берусь за «Давида Копперфильда».

И вдруг в классе начинается невероятное оживление! Все вертятся на своих местах, переглядываются, подавляют улыбки, перешептываются... И все смотрят в одно и то же место. Я тоже смотрю туда, — и меня охватывает ужас! При падении моего злополучного ранца проклятая бутылка с молоком выскользнула из него, и упала несколько дальше, так что ее не сразу увидишь из-за угла парты. Я чуть-чуть привстаю и вижу, что пробка из бутылки выскочила (наверное, Юзефа «напихала» недостаточно бумаги вокруг маленькой пробки), и из горлышка бутылки тонкой струйкой льется по полу молоко. Оно течет по среднему проходу между партами, прямо под стул ксендза. И ксендз вдруг замечает это...

Что он мне говорит, ох, что он мне говорит! «Стыдно! Неприличные шауости! Неуважение!» Ну, все слова, какие можно придумать к этому случаю! Я слушаю все это, стоя в своей парте. Ксендз не кричит на меня, не ругает меня, он даже не повышает голоса, — он стоит, облезлый и несчастный, реденькие волоски на его голове, как на корешке редьки! Ксендз отступил от своего стула, под который медленно, неумолимо течет тонкая струйка молока... От всего этого мне еще тяжелее. Поднимаю глаза, ох! Ксендз смотрит на меня без всякой ненависти, даже как-то грустно, наверное, он думает: «Вот как нам, полякам, плохо! Всякий ребенок издевается над нами!» Я стою в своей парте, слезы текут из моих глаз к носу и к подбородку.

— Простите, пожалуйста... Я нечаянно уронила ранец... а там была бутылка...

Ксендз смотрит на меня испытующе. Он старый человек, он знает людей, и он верит мне. Лицо его смягчается.

— Ну-ну... — говорит он. — Все бывает... Все бывает на белом свете.

В класс каждую минуту может нагрянуть Дрыгалка. И тогда, ох, тогда мне несдобровать!..

Оборачиваюсь к Мане Фейгель, Маня умная, толковая, я всегда во всех бедах бегу к ней. Но Мани нет в классе! Куда она могла деться, она же прежде была на уроке, она сидела позади меня, как же она могла пропасть? Не сквозь землю же она провалилась! Ну, все равно, все погибло, сейчас прибежит Дрыгалка, и начнется такое!..

Но в класс быстро входит не Дрыгалка, а Маня! В стремительном развороте моих несчастий (падение ранца, раскупорившаяся бутылка, белый ручеек, текущий как раз под стул ксендза, гнев ксендза) я и не заметила, как Маня незаметно и бесшумно выскользнула из класса (потом все говорили, что и они не заметили этого!). И вот Маня возвращается. В руках у нее половая тряпка (Маня бегала за ней к дежурной горничной — «полосатке»). Быстро, ловко, умело Маня вытирает пол, тряпка вбирает в себя мои «молочные реки» — и уже ничего не видно! Пол только немного влажный там, где текло молоко.

Маня прячет тряпку за шкаф, садится на свое место позади меня.

Подоспевшая к концу урока Дрыгалка застает класс в безукоризненном виде: полный порядок, все сидят чинно и тихо, ксендз говорит о том, что нужно выучить к следующему уроку. И удивительная вещь: ксендз на меня Дрыгалке не жалуется!

С этого часа я ксендза больше не обожаю... И вообще никого не обожаю. Довольно с меня!

И молока мне больше на завтрак не дают.

(Окончание в следующем номере)

В колхозе, на даче, в городе, в полотняном туристском городке,— где бы вы ни были, приглашаем вас всех на открытие нашего лагеря.

Наш лагерь особенный. Он умещается на нескольких страницах, и в то же время его не уместить ни в один настоящий пионерский лагерь, потому что в нашем лагере все ребята, которые в тысячах мест по всей советской земле задумывают и выполняют интересные дела, смело идут навстречу походным приключениям и открытиям, изобретают веселые развлечения, мастерят, строят, соревнуются в спорте, в играх, в труде.

Наш лагерь для того и открыт, чтобы все пионеры, каждый из вас, читающие сейчас эти строки, мог так же хорошо, интересно и полезно отдыхать.

— А ну-ка, сделаем и мы то же самое! — скажете вы, заглянув в наш лагерь на страницах журнала.

Вот и отлично! Этого-то мы и хотели!

В нашем лагере звенья объединяют ребят по их склонностям и увлечениям. Звеньев пока что девять. Мы говорим п о к а, так как их может оказаться гораздо больше, смотря по желанию самих ребят.

Какие же это девять звеньев?

А вот: звено путешественников, звено строителей, лесное звено, спортивное звено, морское звено, веселое звено, звено юных хозяев, кинофотоснайперов. Кроме того, лагерная мастерская объединяет всех, кто увлекается техникой.

А вожатые у звеньев какие замечательные! Звеном путешественников, например, руководит настоящий путешественник, доктор географических наук профессор Федорóвич. Звеном строителей — столяр-краснодеревец Анатолий Анищук. Спортивным звеном — чемпион мира Олег Гончаренко. Морским звеном — капитан I ранга Микульшин. Лесным... нет, вы узнаете об этом дальше. У наших звеньевых вы всегда сможете получить хороший совет, ответ на любой вопрос. Пишите им о своих летних делах.

Приглашаем вас всех на следующие страницы! Выбирайте звено по вкусу и начинайте свою лагерную жизнь. Лето пришло! Флаг поднят!

Пешком и в самолете, в седле и на машине Борис Александрович Федорович пересек пески Каракумов и Кызылкумов, пустыни Северо-Западного Китая, перевалы Памира и Тянь-Шаня.

Благодаря работе экспедиций, в которых он участвовал, меняется лицо нашей страны. По трассе, предложенной ученым, прошла новая дорога, в указанном им месте возведено новое водохранилище.

Кроме многих научных трудов, Б. А. Федорович написал популярную книгу «Лик пустыни». Вы читали ее?

Юные путешественники Московского дома пионеров предложили избрать доктора географических наук Б. А. Федоровича почетным вожатым путешественников.

ТЫ ИДЕШЬ ПО РОДНОЙ СТРАНЕ

ГОВОРИТ ВОЖАТЫЙ

Что вы больше всего любите? Книги? Приключения? Животных? Спорт? Чем вам нравится заниматься? Историей? Техникой? Ботаникой?

Думаю, что, чем бы вы ни увлекались, путешествия будут интересны каждому из вас. Поэтому пусть каждый из вас примет участие в Третьей Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников.

Лето, проведенное в походах, вы запомните на всю жизнь. Надеюсь, что за это лето вы поймете, как интересна книга природы.

В самом деле, природа что книга: неграмотный видит в ней только картинки, а тому, кто уже научился читать, раскрываются истории, одна интереснее другой.

Конечно, и картины природы прекрасны. Что может быть красивее восхода солнца над озером! И если вы полюбите рассматривать эти картины, вам непременно захочется и научиться читать.

Вот это будет первая польза и огромное наслаждение, которые дадут вам походы.

Путешествовать — это вовсе не значит уехать куда-то за тысячи километров от дома. Неизведанная страна — это ваш край, ваши леса, реки, овраги. Присмотритесь к ним повнимательнее, и вы поймете, что это новый для вас мир. Он может раскрыть самые удивительные тайны. И не потому, что вы ребята и еще новички-путешественники. Природа так многообразна, что и ученые не все еще о ней знают. И часто оказывается, что крупные открытия делаются там, где, казалось бы, все уже изучено. «Второе Баку» — наши богатейшие залежи нефти и газа были открыты в издревле населенных и распаханных районах Приволжья и Предуралья.

И у ребят чаще всего самые интересные открытия бывают в том крае, где они живут. Ну вот, скажем, в прошлом году на Южном Сахалине экспедиция Макаровского дома пионеров обнаружила какую-то почти белую, слегка голубоватую плотную глину; мокрая, она казалась похожей на мыло. Пионеры обследовали выходы этой глины, собрали ее образцы и сдали в геологическое отделение комплексного Южно-Сахалинского института Академии

наук СССР. Анализ показал, что это особая, так называемая бентонитовая глина. Сахалинский совнархоз сделал свои выводы из находки школьников.

Есть на Сахалине крупная бумажная фабрика. Чтобы бумага была плотной и блестящей, в нее надо добавить каолин. Откуда его взять? Каолин добывается на юге Украины. Его везли на поезде в Одессу. Там его грузили в трюмы океанских пароходов и везли через моря и океаны, через Суэцкий канал на Сахалин. Сами понимаете, что бумага получалась недешевой. Теперь вместо украинского каолина применяют свою же, сахалинскую глину. Бентонитовая глина — ценнейший продукт и для металлургии. Думаю, что находка макаровских пионеров принесет Родине еще немалую пользу.

Вот такое путешествие, путешествие с какими-то полезными результатами, особенно интересно.

Конечно, не каждому выпадает счастье дать Родине бентонитовые глины или, как многие ребята мечтают, месторождения золота. Но если вам это не удастся, не огорчайтесь и не прекращайте изучать свой край, искать то, что нужно стране. И учтите, дорогие друзья, что обыкновенные гранитные валуны или выходы невзрачного серого известняка нам также нужны. Валуны, например,— чтобы построить шоссе. Подумайте, сколько нам еще нужно автомобильных дорог, чтобы от каждой деревни шел удобный тракт. Страна у нас огромная, и хорошие дороги нужны государству, как кровеносные сосуды организму. А известняк применяется в сельском хозяйстве. Наши северные почвы кислые, добавьте в них гашеной извести — и они станут намного урожайнее. Известняк используется и для постройки домов и для изготовления цемента.

Глину обнаружили или суглинок? Очень хорошо! Это как раз то, что нужно для изготовления кирпичей, черепицы или клинкера (специально пережженного кирпича) для мостовых.

И если после вашего похода встанет новый кирпичный завод, вырастут новые дороги и дома,— вот это будет настоящим завершением похода по родному краю.

В том-то все и дело, что всякое интересное путешествие — это не только изучение своего района, это как бы экспедиция в будущее, где вы сами будете работать, творить, хозяйничать. И надо об этом думать, следить, чтобы природа к тому времени улучшилась, а не ухудшилась.

Природа ведь все время меняется, это только кажется, что низменности, равнины, скалистые хребты извечны и неизменны. Медленно, но неуклонно силы природы изо дня в день совершают огромную работу, постоянно видоизменяя рельеф земли. Иногда эта работа порождает и бедствия.

Есть, например, у полей хитрый и злой враг. Это овраги. Было поле, пахали его тракторы, убирали золотую пшеницу комбайны, а пришла весна, земля размокла, и вешние воды сделали свое дело — овраг увеличился. Проходит год за годом,— овраг растет, унося пахотные земли. В некоторых районах овраги украли до двух третей пашни.

Могут на это спокойно смотреть пионеры-путешественники? Нет, конечно!

Надо обваловать верховье оврага, закрепить дерном. Склоны укрепить, посадив кустарники и деревья. В «голове» оврага, там, где он особенно сильно роет землю, сделать «подушку», заплести вдоль склонов оврага плетень.

Конечно, не везде вы успеете сделать все сами, но договоритесь тогда с местными ребятами о том, что необходимо остановить рост оврага, убедите в этом взрослых. Не все ведь еще понимают размеры бедствий, которые несут с собой овраги, и поэтому очень важно показать людям, как овраги растут, с какой скоростью они наступают на поля. Вбейте колышки в нескольких метрах от головы оврага, в том направлении, куда он растет, измерьте расстояние. На следующую весну будет видно, насколько овраг приблизился к вешкам, сколько земли он «съел».

Помните, что для каждого путешественника очень важно составлять подробное описание мест, где он проходит. Вот свердловские школьники, например, ведут описание своей области и этим оказывают большую помощь совнархозу.

Не бойтесь потрудиться во время каникул. Самый скучный вид отдыха — это безделье.

В походах, как нигде, узнается человек. Это я вам говорю по опыту своих экспедиций.

У нас во время работы в пустыне в одном и том же экспедиционном отряде были двое совершенно разных людей. Худенькая ленинградская студентка, недавно перенесшая тяжелую болезнь, и широкоплечий парень тридцати лет. Его фигура, походка — все говорило о силе, ловкости, тренировке. Маршрут был начат в самую жару. Это был район, где нет пресной воды. От сульфатной воды болели даже верблюды. Студентка худела с каждым днем, но упрашивала не отправлять ее в больницу. У нас была дистиллированная вода, и мы хотели в виде исключения давать ее девушке, но она наотрез отказалась. Она знала, что вода нужна для приборов. Девушка работала буквально за троих, а наш дюжий парень совершенно не интересовался работой. Он беспрерывно жаловался на жару (хотя он, как южанин, привык к жаре), и на отвратительную воду, и на песок, скрипевший на зубах... Не выдержав, он удрал при первой возможности.

Девушке было интересно работать, и она перенесла все трудности. Она знала, зачем она в пустыне. А кроме того, у нее была воля. В путешествии побеждает не сила мускулов, если она дана безвольному бездельнику, а сила человеческого духа...

И еще одно необходимо для успешного похода — это чувство локтя, товарищество. В длительном походе обычно складывается хороший, дружный коллектив. И часто даже эгоисты, себялюбцы изменяются к лучшему.

У меня был один друг, он видел, что из его сына получается не то, что нужно, и послал его работать в буровую партию. Тяжелая это работа — разведочное бурение в пустыне. К тому же там было трудно с водой. И вот однажды парень не выдержал, съел арбуз, который предназначался для всех. Пришли люди с работы, а арбуза нет. Трудно пришлось в тот день парню... Но, может быть, только тут он начал что-то понимать. И после этого еще не все, конечно, шло гладко, а все же в конце концов парень приехал домой совершенно другим человеком. Да... очень меняют человека к лучшему трудности походной жизни.

Я убеждался в этом много раз. Думаю, что, став путешественниками, убедитесь в этом и вы.

Итак, в путь, друзья! Жду ваших отчетов.

Думаю, что в этом году ваши походы и ваши находки будут особенно интересны. Ведь экспедиция этого года посвящена сорокалетию ВЛКСМ!

Доктор географических наук
Б. ФЕДОРОВИЧ

Горе-туристы

В прошлом году в Крыму мы стали свидетелями большого несчастья. В горах близ Алупки-Сара разгорелся пожар. Загасить лесной пожар в горах очень трудно. Можно только остановить его. И вот люди быстро расчистили просеку и встали вдоль нее. Мы тоже сторожили огонь, чтобы он не пошел дальше. Через просеку катились головешки и раскаленные камни, мы задерживали их лопатами и засыпали землей.

Что было причиной пожара? Кто в этом виноват? Установить это не удалось. Но местные жители были убеждены, что виноваты туристы. Да мы и сами знаем, что в Крыму пожары чаще всего возникают там, где проходят туристские маршруты. Неприятно наталкиваться на следы некоторых туристов: костер не залит, не заложен дерном, банки, яичная скорлупа не закопаны в землю, деревья сломаны на шалаши, а на скалах — имена самих героев этих дел... И противно, и стыдно, и так хотелось бы вернуть их, заставить все убрать. Но некоторых следов, к сожалению, не уберешь, скажем, когда имена вырезаны на коре ценнейших деревьев или в лесу разгорелся пожар от незагашенного костра или брошенной спички.

Есть такие «туристы» — ради спортивного разряда. Природы они не любят, не знают, не видят ее красоты. Я замечала, ходят они большей частью по удобным дорогам, поэтому навыков настоящих путешествий не получают. Главное ведь для них — количество километров. А если бы у них были трудные географические задания, им пришлось бы и ходить дальше и пробираться глухими тропками. И научились бы они, конечно, большему, и польза от их путешествий была бы.

Нам-то, юнгам — юным географам,— конечно, очень повезло. У нас замечательная руководительница — Галина Васильевна Арманд. Это так интересно — работать с ней: находить место для заповедника, пересчитывать бобровые хатки на Москве-реке или разгадывать, почему в Мещере, на огромном торфяном, сильно заболоченном пространстве, могли появиться светлые, прозрачные озера!..

Я думаю, что не всякого, кто ходит с рюкзаком по дорогам, можно назвать путешественником. А как вы считаете?

Таня Кронрод,
член кружка юных географов
Общества испытателей природы.

Эти ребята еще до похода учились делать глазомерную съемку местности. А ты умеешь?

Миски и ложки вымыты, начищены и, так сказать, готовы к бою. А знаете, что булькает у нас в котле? Уха!

Сначала мы наловили рыбу (без нее никак не обойтись) — окуней, ершей, плотву, подлещиков. Выпотрошили. Вытащили жабры. Положили рыбу в холодную воду. Посолили, бросили луковку. На медленном огне уха поспеет через час.

Испечь рыбу еще проще, но для этого надо брать крупную. Заверните каждую рыбину в два листа мокрой газеты и положите в угли. Бумага высохла, значит, и рыба готова! Милости просим пообедать с нами. Приятного аппетита!

ДОСКА ПОЧЕТА

Строительный отдел Сузунского района выражает большую благодарность пионерской экспедиции географического кружка сузунской средней школы № 2 за работы по изысканию строительных материалов в пойме реки Сузун.

Вы показали совершенно новые, неизвестные району месторождения местных строительных материалов: песка, бутового камня, различного рода глин, которые будут применяться в строительстве как дешевые строительные материалы. Важное значение имеет также ваше описание русла реки Н.-Сузун, скорости течения, конфигурации берегов и др. при строительстве колхозных электростанций, мельниц и других сооружений.

Райстройотдел высоко ценит вашу работу. Это большой вклад в строительство нашего района.

Начальник райстройотдела **Можейко**

Экспедиционный отряд № 3567 Тимеевского детского дома провел большую работу по изучению строительных материалов, необходимых для строительства в колхозах. Обнаруженная красная глина около дер. Речешур может быть использована для изготовления кирпича. В селе Буранове обнаруженный речной гравий будет использоваться для изготовления бетона.

Начальник управления по строительству в колхозах
при Совете Министров Удмуртской АССР **Н. Лысенков**

К НАМ ПОСТУПАЮТ ДОНЕСЕНИЯ

Из Черехинской средней школы Псковской области

Мы прошли походом в город Остров, где боролась в годы Отечественной войны Клавдия Назарова. До войны она была пионервожатой, ребята ее очень любили. Когда фашисты захватили город, Клавдия стала отважным бойцом-подпольщиком. Немцам удалось ее схватить; они страшно пытали ее, но Клавдия им ничего не сказала. В Острове мы встретились с матерью героини, с Евдокией Федоровной.

Пусть другие ребята расскажут, какие они провели походы, чтобы собрать новые материалы по истории комсомола.

Из Старо-Корсаковской школы Кадошского района, Мордовской АССР

Мы всю зиму ухаживали на конеферме за молодняком. Сами обучали и объезжали коней. А летом отправились в конный поход по нашей республике. Мы побывали и в городе Краснослободске, и в Темникове на бумажной фабрике «Красная Роза», и в чудесном древнем лесу — государственном заповеднике имени Смидовича.

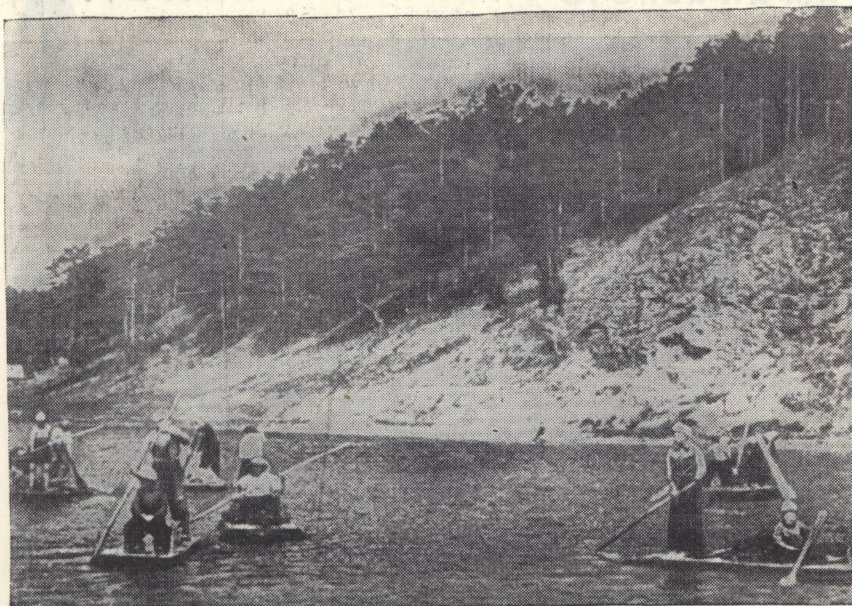
Испытание выдержали и кони и наездники.

Из Песчановской школы Рыбновского района, Сахалинской области.

Мы выполняли задание рыбокомбината. Изучили девять водоемов вдоль реки Музьмы. Промерили глубины, узнали запасы и породы рыб. Труд рыбаков нам очень понравился.

Из семилетней школы № 10 поселка Изумрудного, Свердловской области

Мы очень любим свою реку Пышму и решили путешествовать по ней... Сами построили плоты, привязав щиты из досок к автомобильным камерам. Погрузили на них снаряжение и поплыли. Поход продолжался тринадцать дней. Через плотины и перекаты мы добрались до города Камышлова. Посылаем вам нашу фотографию.

Из Фатежского дома пионеров Курской области

Наш маршрут — по пути Первой Конной.

Прошли от Дебальцева до Ростова, от Отрадного до Перекопа. Здесь буденновцы громили белую гвардию Деникина, Шкуро, махновцев и Врангеля, а двадцать три года спустя Советская Армия и партизаны гнали гитлеровских захватчиков прочь со своей родной земли.

Идем по дороге бессмертных подвигов наших отцов.

Поход продолжается.

Из Икковской средней школы Чувашской АССР

Мы принесли из своих походов экспонаты для нашего республиканского краеведческого музея. Самая интересная находка была в деревне Шоркино. Мы обнаружили там гектограф, на котором размножались в 1905—1907 годах листовки Российской социал-демократической рабочей партии.

Из Кривандинской школы Московской области

Близ деревни Муронской мы обнаружили выход железной руды. Отправили образцы в Центральную лабораторию Геологического управления. Процент чистого железа — 43,4! Это месторождение будет использовано в промышленности.

ПРИКАЗ ЮНЫМ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ

Началась Третья Всесоюзная экспедиция пионеров и школьников, посвященная сорокалетию ВЛКСМ. ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Всему звену юных путешественников участвовать в ней.

2. Проверить и еще раз обсудить планы и маршруты ваших экспедиций. Уточнить их цели с местными учреждениями (совнархозами, музеями, колхозами).

3. В длительный поход брать наиболее подготовленных. Начальникам и советам похода установить для каждого личные задания по подготовке, в том числе по подготовке физической. Перед походом провести испытания.

4. Распределить задания. Каждому заранее подготовиться к выполнению своего задания.

5. Проверить с опытными людьми хозяйство и снаряжение похода.

6. Одежду приготовить простую, удобную, легкую, теплую и опрятную. Обувь брать только разношенную.

7. Ежедневно делать гимнастику и обтирание водой.

8. Научиться готовить супы и каши. Уметь кашеварить в походе каждому так же нужно, как уметь ориентироваться на местности.

Б. Федорович,
доктор географических наук, профессор.

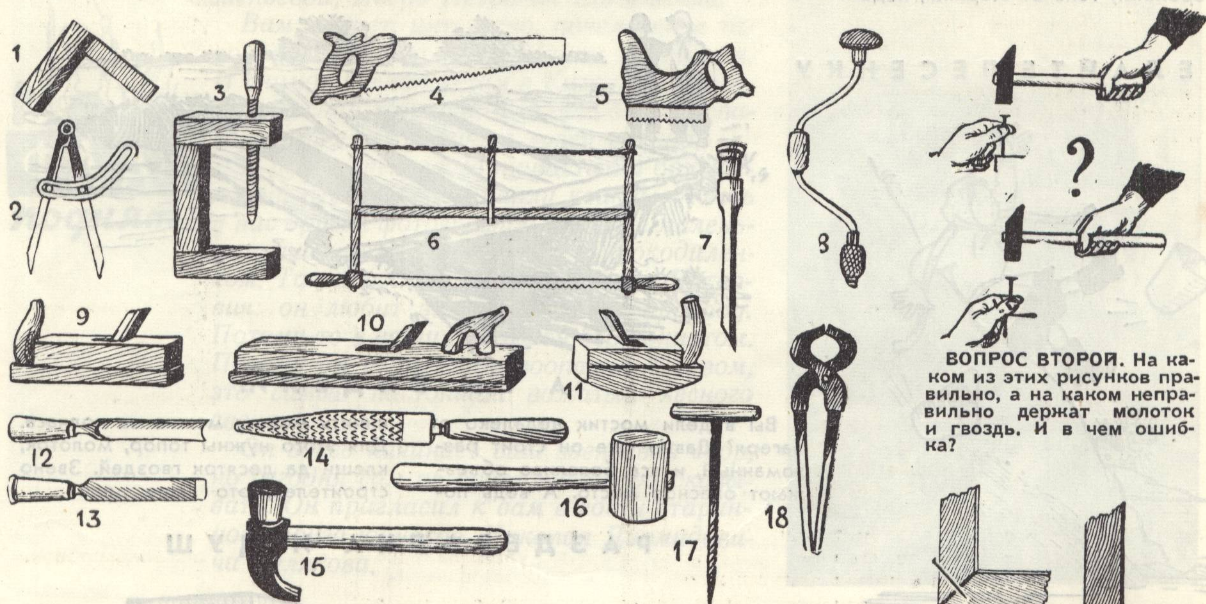
ЗАПИСЫВАЙТЕСЬ В ЗВЕНО СТРОИТЕЛЕЙ!

Познакомьтесь, это ваш звеньевой Анатолий Анищук — молодой рабочий, столяр - краснодеревец. Свою специальность Толя считает самой лучшей в мире и готов поделиться с вами всем, что знает и умеет. Так что, пожалуйста, не стесняйтесь и обращайтесь к нему со всеми вопросами.

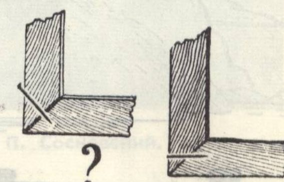
В звено строителей мы принимаем только тех, кто умеет или хочет научиться владеть столярным инструментом, тех, кто не любит сидеть без дела, тех, кто не ждет, пока его попросят что-то сделать, а сам видит, где нужны его умелые, трудолюбивые руки.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ЭКЗАМЕН

ВОПРОС ПЕРВЫЙ. Перед вами набор основных столярных инструментов. Скажите, как они называются и в каких случаях применяется каждый из них.

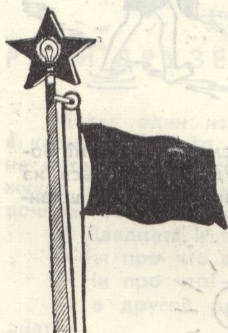
ВОПРОС ВТОРОЙ. На каком из этих рисунков правильно, а на каком неправильно держат молоток и гвоздь. И в чем ошибка?

ВОПРОС ТРЕТИЙ. Как должен идти гвоздь, если вам надо скрепить эти две доски?

ПРИНИМАЕМСЯ ЗА РАБОТУ

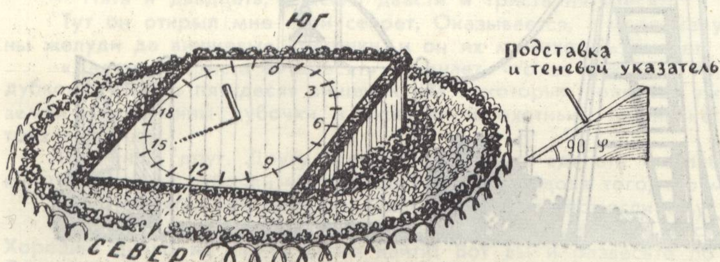
Первое наше дело — оборудовать лагерь. Сделать его уютным, удобным, красивым.

ОГОНЕК НА МАЧТЕ

Правда, хорошо, если на лагерной мачте вечером, когда спущен флаг, будет загораться алая звездочка, указывая всем, что здесь живут пионеры?

Из проволоки или из тонких деревянных реек сделайте каркас и форму пятиконечной звезды (диаметром 30—35 см). Внутри, у основания каркаса, укрепляется электрическая лампочка автомобильного типа 6 или 12 вольт. Снаружи каркас обтягивается красной материей, пропитанной огнеупорным раствором. Источником тока лучше всего может служить автомобильный аккумулятор. Можно питать лампочку и от осветительной сети, через понижающий трансформатор. Источник питания устанавливается у основания мачты. Там же монтируется выключатель.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Их надо установить на открытой, освещенной солнцем площадке.

Из досок или листа толстой фанеры сделайте квадратный щит размером 100 × 100 см. На нем начертите окружность возможно большего диаметра и разделите ее на двадцать четыре равные части. Вверху у вас будет 0, внизу — 12. Так как солнечные часы показывают время только от восхода до заката солнца, то цифры,

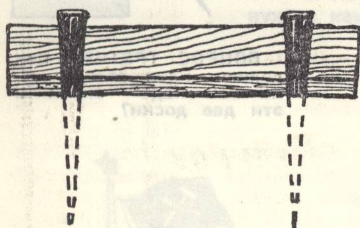
приходящиеся на вечерние и ночные часы, можно не писать.

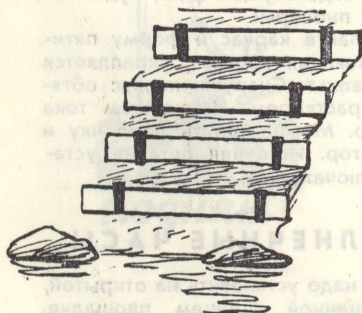
В центре циферблата, строго перпендикулярно к нему, устанавливается «теневой указатель» — стержень. (Его длина в два раза меньше радиуса окружности циферблата.) Тень от стержня, падающая на циферблат, будет, как стрелка, указывать время.

Циферблат устанавливается наклонно, на специальной треугольной подставке. Угол наклона зависит от географической широты места, где вы живете. Например, Москва расположена на широте **55°45'**. Угол наклона для Москвы равен приблизительно **34°** (**90°—56° = 34°**). Так же высчитывается угол наклона для любого места. Часы устанавливаются с наклоном на север.

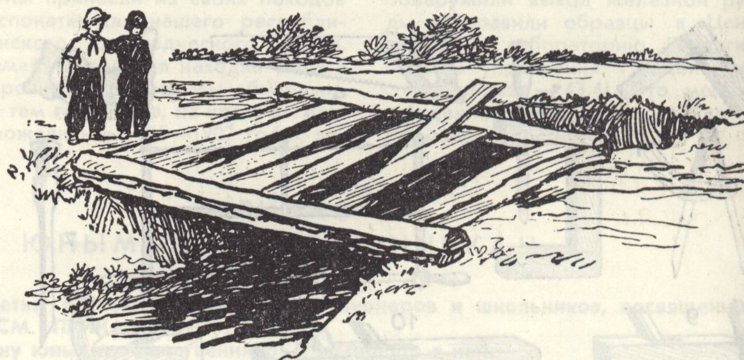
СДЕЛАЙТЕ ЛЕСЕНКУ

На крутом глинистом спуске к реке, к пруду или в овраг сделайте такую лесенку. Заготовьте дощечки размером 12 × 40 см и колышки длиной 30 см. Рассмотрите рисунок, и вы поймете, что сделать такую лесенку совсем просто. Не один человек скажет вам спасибо за нее.

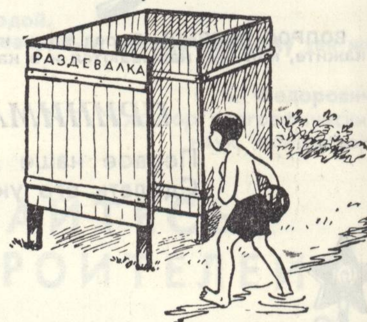

А ВЫ ВИДЕЛИ!

Вы видели мостик недалеко от лагеря? Давно уже он стоит разломанный, и все боязливо объезжают опасное место. А ведь починить мостик можно за полчаса. Для этого нужны топор, молоток, клещи да десяток гвоздей. Звено строителей, это ваше дело!

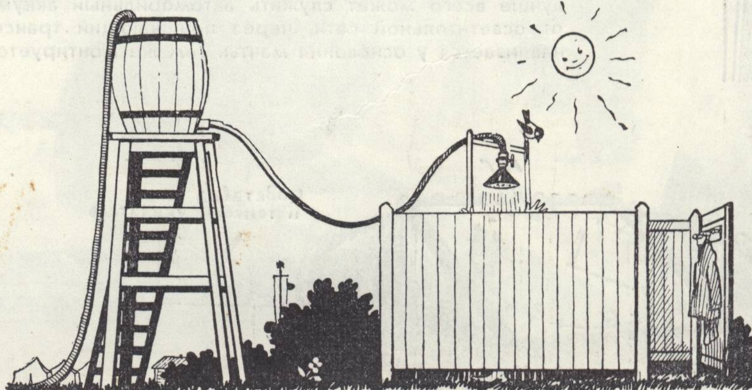
РАЗДЕВАЛКА И ДУШ

Кабинка-раздевалка, где можно снять мокрый купальный костюм и переодеться,— очень удобная и нужная вещь на пляже. Ее можно сделать не такой фундаментальной, как на нашем рисунке, а маленькой: 100 × 100 см и высотой 130—140 см. Если нет досок, кабину можно заплести плетнем.

Ну, а если речка далеко? Или ее совсем нет? Неужели весь лагерь будет мучиться от жары? Строители, сделайте душ! Постройте такую же кабиночку, а рядом с ней — вышку высотой 2—2,5 м и укрепите на ней бак или бочку с водой.

Решетку от садовой лейки, кусок шланга и обыкновенный кран вы, наверное, сможете найти? Вода в бочку будет подаваться из водопровода при помощи шланга.

ЛЕСНОЕ ЗВЕНО

Лесному звену — салют! Здравствуйте, ребята. Видите фотографию? Это ваш звеньевой, Игорь Петрович Сосновский.

Вам, может, интересно, почему он в такой огромной шляпе? Шляпа китайская. И снимок сделан летом в Китае. Там стояла ужасная жарища, и шляпа-зонтик спасала от немилосердных лучей солнца.

В руках звеньевого пушистый и большелапый птенец белой цапли кваквы. А есть у нас другая фотография; там он с маленьким шимпанзе. И есть еще с крокодиленком. Такой уж это человек, Игорь Петрович: он любит зверей и любит природу. Потому-то в ваших летах он был юннатом. Потому он и директор зоопарка. Словом, это самый настоящий вожатый лесного звена.

Он здесь начинает ваш звеньевой сбор, но сегодня сам не будет ничего рассказывать. Он пригласил к вам в гости старинного друга юннатов, Николая Диомидовича Белякова.

И. П. Сосновский.

О зеленом лесном царстве, о его врагах и друзьях, о делах лесного звена рассказывает Н. Д. Беляков

РУКИ ДРУЗЕЙ

Когда один из моих юннатов, Андрейка, уходит в лес, он обязательно кладет в карман какую-то коробочку. Что за коробочка, я долго не знал. Да она меня и не интересовала особенно. Мало ли зачем нужна человеку коробочка? Может, он жуков в нее ловит или лягушат. Но было другое обстоятельство, действительно загадочное. Возвращается из лесу Андрейка и бормочет про себя:

— Двадцать и тридцать!

— Ты про что это?

— Ни про что! — И сам смеется.

А в другой раз услышишь: «Десять и восемь» или «Тридцать пять и шестнадцать».

Так продолжалось три лета подряд. Но однажды Андрей пришел из лесу особенно веселый и прямо с порога объявил:

— Пять и двадцать, а всего двести и триста пятьдесят!

Тут он открыл мне свой секрет. Оказывается, в коробке у него всегда запасены желуди да вишневые косточки, и он их мимоходом сажает на лесных полянках.

«Двести и триста пятьдесят» означает, что за три лета Андрей посадил двести дубков и триста пятьдесят вишенок. На некоторых полянках уже успели вылезти из земли Андрейкины дубочки и вишенки, крохотные, тоненькие; иные — о двух или трех листочках.

Лес — наш друг. Другу всегда стремишься сделать что-либо хорошее. Андрейкины вишенки и дубочки — это лишь небольшая доля того, что можно сделать.

А вы, ребята, как дружите с лесом? Чем вы помогли ему?

Знаете ли вы, что защитникам леса, птицам, иногда в лесу не хватает квартир? Хорошее дупло не так-то легко найти! Вот вы и развесьте по деревьям дуплянки. Одни — прикрепляя вертикально, к стволам, другие — наклонно, к крепким сучьям.

Хороша гора орехов? Это ребята насобирали столько, помогая колхозу «Победа». А сами ребята приехали сюда, в пионерский лагерь близ Сочи, с далеких таежных приисков в бассейне Колымы.

Фото С. Карасева.

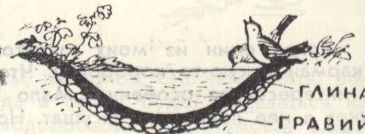
Можно укрепить в развилке ивовую корзинку, старую соломенную или фетровую шляпу, можно повесить старую варежку. Каждая из этих квартир — ивовая, соломенная, фетровая, шерстяная — кому-нибудь да придется по вкусу.

Двое моих юннатов, Миша и Галя, построили однажды в лесу птичью ванну. Собственно, строили-то они поилку, а птички стали не только пить из нее, но и купаться в ней.

Для такой птичьей ванны нужна щебенка или битый кирпич, чтобы вымостить и утрамбовать выкопанную ямку, да глина или цемент, чтобы обмазать ее дно и бока.

Много есть дела в лесу для дружеских рук! Бывает, что лес сам тебя просит о помощи. Идешь — и вдруг над тропкой молоденькая березка перегнулась, словно арка. Эта березка в беде! Снег пригнул ее еще зимой, и вот она никак не может подняться. Друзья! Увидев такую березку, выручайте ее: выпрямите, подоприте.

Вот так и помогает зеленому другу лесное звено, где только возможно, любым способом при каждом случае.

ГОСТЕПРИИМНАЯ ПРИРОДА

Однажды собрался я с юннатами в поход: барсучью нору смотреть, которую Юра нашел. Да второпях не захватили мы ни фляжки с водой, ни чайника.

Что делать? После короткого совета ребята решили:

1. В деревню не заходить: не по пути.
2. Возвращаться пешком, как было задумано.
3. «Хочу пить» не говорить, идти весело и бодро, не хныкать.

Так и сделали. Но с тех пор, составляя списки походного снаряжения, ребята под номером первым всегда ставят флягу с водой, под номером вторым — чайник, под номером третьим — кружку, и только четвертым по списку числится хлеб.

А если вдруг почему-либо окажется человек в походе без еды? Пропадет он с голоду или нет? Поспорили мои юннаты и решили, что только растяпа пропадет. Лес, река накормят! И вот, чтобы проверить себя, пошли в поход, не взяв ни хлеба, ни крупы, ни картофеля — ничего, кроме горстки соли. В этом походе ребята и окуней коптили в дымоходе земляной печки и щуку пекли в горячей золе костра,

завернув ее прямо с чешуей в мокрую бумагу. Поджаривали насаженные на палочку рыжики или березовики и, чуть присолив, тут же с аппетитом ели.

А какая уха получилась из пескарей! Для нее «ловили рыбку в мутной воде» с помощью мутилки нехитрого снаряда, который всякому по силам сделать.

Если вы станете мутить воду ногой, пескари стаями соберутся к вам, прямо между пальцами залезать будут. Щекотно — невтерпеж! Как почувствуете, что их много,— поднимайте мутилку, заранее спущенную на дно. С одного раза уха обеспечена!

Поход без еды — хорошая проверка вашего знакомства с родной природой. Природа — верный друг тому, кто ее любит. Ведь кто любит ее, тот знает большие ее тайны и маленькие секреты, в том числе и «съедобные».

Стрелолист

ПТИЧИЙ РАЗГОВОР

И утром и вечером среди лесных голосов легко узнать иволгу по ее звонкой песенке.

«Фи-тиу-лиу»,— скажет иволга.

А вы тут же отзываетесь свистом: «Фи-тиу-лиу!»

Отзовитесь и ждите. В ответ вы снова услышите ее песенку. А может быть, хриплое, шипящее: «Каак?»

Если иволга прохрипела «каак», вы опять и опять свистите: «Фи-тиу-лиу! Фи-тиу-лиу!»

Прилетит к вам иволга, вот увидите, прилетит! Или промелькнет совсем рядом, только-только крылом вас не заденет!

Иволга

* * *

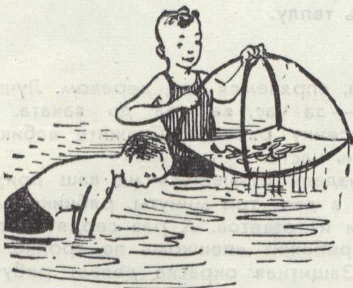
Идет охотник с ружьем, а впереди сорока летит. Летит и кричит: «Ряка, ряка, ряка, ряка!»

Тут уж удачи нечего ждать. На весь лес разболтает сорока, что «ряка» пришел. Какая уж после этого охота!

За грибами я шел, без ружья.

«Ряка, ряка!» — затрещала сорока и пошла болтать всем и каждому: и зверям и птицам.

А у меня вовсе и не ружье, а палка, лутошка липовая в руках была, какой же я «ряка»!

Поймал пескаря и — за пазуху. Разумеется, можно и так, коли рыбки немного. А вот если ловить пескарей мутилкой, которая нарисована здесь, рядом с фото,— пожалуй, улов за пазуху не упрятать!

Сколько красивых цветов рассыпало щедрое лето по родным лесам и лугам! Вот ребята на лесной полянке собирают созревшие семена.

Фото С. Карасева.

* * *

Зяблик

Хорошо, весело в лесу, когда зяблик поет! Его нежный свист всегда слышен в теплый летний день. Но перед холодной погодой зяблик не поет, а тревожно скрипит: «Скрип-скрип!.. Скрип-скрип!.. Скрип-скрип!..»

И вскоре лес начинает скучнеть, замолкают птицы, прячутся по теплым норкам зверушки...

Но не все быть холоду! Вот слышите песню?

«Сви, сви, сви, сви, сви, сви, сви, свиу!»

Это зяблик поет! В такой день я обязательно предложу вам, ребята:

— Пошли в лес! Раз зяблик поет, значит, быть теплу.

* * *

В глухом еловом лесу, близ речки, у опушки, спрячемся под деревом. Лучшие часы для этого — утренние заревые или вечерние — за час, за два до заката. Тишина! С помощью вабика-свисточка заводим песенку рябчика. Скажите вабиком: «Пииу-пиить-питирить!» — и повторяйте, но не очень часто.

Если часто повторять, рябчики будут лишь издали отзываться на ваш призыв. Если же выдерживать между песенками интервал в две—три минуты, рябчики начинают сердиться. Это сразу слышно по горячности их ответов. А раз сердятся, прилетят непременно. Может, и рябушка-курочка прибежит «пешком» по тропке. Но надо зорко всматриваться, чтобы заметить ее. Защитная окраска делает рябушку «невидимкой».

* * *

Коростель

Несложная песнь коростеля: «Дррр! Дрр! Дррр!..»

Так с утра до ночи и слышен коростель на лугу в траве.

Поет он в траве, словно игрушку-трещотку за веревочку дергает. Не зря его дергачом прозвали!

Но под коростелиную песню как-то заметнее и простор лугов, и нежное благоухание трав, и ласковый ветерок, бегущий по ним...

* * *

Нашел я как-то перепелку со сломанным крылом. Может, ее ястреб сбил, а может, кто из рогатки пальнул: у птицы ведь не спросишь!

Принес домой, стала перепелка поправляться. Утром, чуть свет, осторожно оглядываясь, выходила она из клетки, быстро добегала до середины комнаты, останавливалась и начинала утреннюю зарядку.

Первое упражнение — потягивание крыла в сторону, потом такое же потягивание другого крыла. Второе упражнение — выбрасывание одной ножки назад, и такое же упражнение для другой ножки. Затем спокойная прогулка вокруг комнаты.

Так повторялось каждое утро. Вставал с постели и я, открывал форточку и тоже занимался утренней гимнастикой. Потом оба завтракали: я и перепелка.

Шло лето. Подросла в поле рожь. За окном изо ржи доносится голос, совсем особенный — тихий и в то же время звонкий, далеко слыхать: «В путь подем! В путь подем!» Моя перепелочка забегала по комнате, заволновалась. Повторяет: «В путь подем! В путь подем!»

Открыл я окно, выпустил ее. Сказал на прощание ей вслед:

— В путь подем!

«В путь подем!» — ответила мне перепелка во ржи. Моя ли? Не знаю! Может, и не моя совсем...

А все же ответила!

Новости лесного звена

ЗЕЛЕНЫЕ ПАТРУЛИ. Так называются в Ухтомском районе, Московской области, группы юннатов, защитников зелени, птиц и зверей. Принимают в зеленый патруль с испытательным сроком. Только проверенные, надежные ребята получают удостоверение за подписью председателя райисполкома и — с разрешения начальника милиции — свисток, настоящий звонкий милицейский свисток.

Любителям рогатки лучше не появляться на улицах города Люберцы и в окрестных дачных поселках! Ее отберет первый же встретившийся зеленый патруль.

А тех, кто пытается топтать газоны или ломать ветки деревьев и кустов, зеленые патрули задерживают и отводят в милицию. Даже взрослые вынуждены подчиняться требованиям зеленых патрулей.

В Луховицком Доме пионеров многие ребята увлекаются животноводством. Так интересно ухаживать за колхозным молодняком! Вот Шура Алыбин и Володя Ларин купают своих подшефных коней.

Впрочем, ребята всегда учтивы и делают предупреждение в вежливом, сдержанном тоне. Только в крайних случаях: при грубостях, при сопротивлении — пускают они в ход свои свистки. И тогда на помощь ребятам приходит милиция. Само собою разумеется, что просто так, для развлечения, в милицейский свисток ребята из зеленого патруля не свистят.

(Сообщил член Общества охраны природы *В. М. Эрвиц.*)

ЛЕСНОЙ УНИВЕРСИТЕТ. Он находится на Дальнем Востоке, в тайге. Открытие его произошло совсем недавно, 1 июня. На открытие лесного университета звездным походом пришли ребята из разных школ Приморской области. Что же это такое — лесной университет! Это заповедник, но не простой, а особенный. В нем всю охрану природы будут вести школьники: пионеры и комсомольцы. Открыт он в память К. А. Суханова, первого председателя Приморского Совета, убитого белогвардейцами в гражданскую войну.

(Сообщил *Н. Н. Матвеев-Бодрин.*)

ШЕФЫ ЛЕСНЫХ КВАРТАЛОВ. Школьники города Калининграда помогают растить и охранять лес. Работники лесопарка распределили между ребятами несколько лесных кварталов. Когда стали проверять, оказалось, что эти лесные кварталы содержатся в самом образцовом порядке.

(Сообщил профессор *К. Н. Благосклонов.*)

НА ЗАРЯДКУ СТАНОВИСЬ!

Спортивное звено, слушай мою команду! На зарядку становись!

Вместе с нами по сигналу горна поднимаются сотни тысяч ребят. Так же, как и мы, выстраиваются они на зарядку во дворах, на спортивных площадках, у походных палаток на лесных лужайках.

С зарядки будет начинать каждый день наше звено.

Сила, ловкость, выносливость не приходят сами. Вы должны вырабатывать их, должны закалять себя. Этому помогает зарядка. Она необходима нашим мышцам, нашим нервам.

Недаром утренняя гимнастика называется зарядкой. Она заряжает нас бодростью, энергией, жизнерадостностью на весь трудовой день.

Пионер не может забыть или не успеть сделать зарядки. Ведь это один из пионерских законов. Ежедневная зарядка должна стать вашей привычкой, вашей второй натурой.

Я уже давно не пионер. Но куда бы я ни ездил, где бы ни заставало меня утро: в гостинице ли, в поезде,— я непременно делаю зарядку. Она так же необходима мне, как сон, как еда, как воздух.

Хотите быть сильными, здоровыми, крепкими, хотите вырасти хорошими спортсменами,— все, как один, поднимайтесь на утреннюю зарядку.

А теперь мы с вами займемся таким видом спорта, который вы, может быть, и не считаете спортом. Ну-ка проверим, умеете ли вы ходить? Не удивляйтесь. Это совсем не простое дело.

Быстро подметите дорожку, и пусть две девочки пройдут по ней привычным шагом. Посмотрите на их следы. Правильно они идут?

А каким шагом надо идти в походе и каким при быстрой ходьбе на короткие расстояния?

Давайте послушаем, что нам расскажет Михаил Александрович Черевков. Он хорошо знает все «секреты» ходьбы.

У спортивного звена и вожатый, конечно, спортсмен. Это ваш звеньевой — чемпион мира Олег Гончаренко. Как видите, он не только вас поднимает на зарядку, но и сам ее делает каждое утро. Слушайте команду звеньевого.

СЕКРЕТЫ ХОДЬБЫ

Занятие ведет **М. А. Черевков.**

Посмотрите на следы этих девочек. Видите, девочка слева ставит ступни врозь, носками наружу. Ее подружка шагает иначе — следы ступней почти на одной линии. Как по-вашему, кто из них скорее придет к финишу? Конечно, вторая девочка. Хотя длина шага у них и одинаковая, но девочка слева теряет пять сантиметров на каждом шаге, потому что она идет не по прямой, а как бы зигзатом. Ей приходится делать больше шагов, и она сама себе удлиняет дистанцию. В пятикилометровом походе она отстанет от своей подруги на целых пятьсот метров.

Вот почему опытные ходоки: туристы, таежные охотники, солдаты-пехотинцы — всегда шагают так, что их следы ложатся вплотную к линии движения вперед. Ведь им приходится преодолевать десятки километров пути, и маленькая, едва заметная ошибка в постановке ног во время ходьбы обойдется им слишком дорого. Придется, например, на протяжении перехода в 50 километров сделать около 5 тысяч лишних шагов! А каково это, когда человек устал!

ХОДЬБА
ОБЫЧНАЯ · СПОРТИВНАЯ

Посмотрите, вот так ставят ступни туристы, охотники. Это обычная ходьба. А так идут ходоки-спортсмены. Носок ступни при спортивной ходьбе слегка повернут внутрь, так, что он попадает на линию движения ходока.

Спортивный шаг труден. Он выгоден лишь тогда, когда идешь в предельно быстром темпе по гладкой дороге. На большие расстояния спортивным шагом ходить нельзя.

А теперь постройтесь и пройдите метров 30—40 вашим обычным шагом.

По правде говоря, плохо вы идете.

Некоторые из вас «семенят» ногами: делают шаг всего в 30—40 сантиметров. А нормальная длина шага для мальчиков и девочек вашего возраста около 50 сантиметров. Длинный шаг выгоднее короткого. Только не растягивайте шаг слишком, не старайтесь делать чересчур большие шаги, надо, чтобы идти было легко и удобно.

Хотите увеличить длину своего шага? Держитесь прямо, энергично отталкивайтесь ногой сзади и следите за тем, чтобы носок с силой упирался в землю. Чем быстрее ходьба, тем шире должны быть размахи рук. Только не размахивайте руками в стороны. Вы будете раскачиваться вправо и влево. Это не облегчает ходьбу, а утомляет.

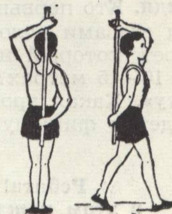

Я заметил, что многие из вас горбятся. Идут, согнувшись, как вопросительный знак. Такая осанка мешает свободному дыханию, утомляет мышцы туловища и шеи. Старайтесь ходить, как ходят суворовцы.

Наверное, вы собираетесь провести немало походов, интересных экскурсий. Советую вам учиться ходить красиво и правильно. Понаблюдайте друг за другом, кто как ходит.

А теперь давайте поиграем в игры, которые помогут вам научиться правильно ходить.

Трудный переход. Вот так, держа палку за спиной, надо пройти по извилистой тропинке 10—12 метров, затем перейти по кирпичам через ручей, прыгнуть шесть раз через веревку и выбежать к финишу. Кто из вас преодолеет все препятствия, ни разу не наклонив голову? Палка все время должна касаться спины и затылка.

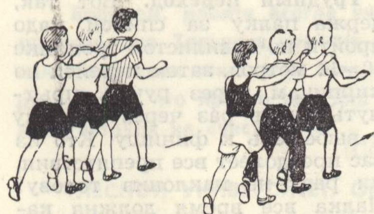
Запомни свой шаг. Начертите двадцать черточек на расстоянии 50 сантиметров друг от друга. А потом пройдите по ним так, чтобы носок при каждом шаге упирался в черточку. Шагайте до тех пор, пока не приучите себя ходить полуметровыми шагами. Для проверки отметьте дистанцию в десять метров. Сколько шагов вы сделаете на ней? Помните: при правильной ходьбе их должно быть 20, а длина шагов — одинаковой.

Бесшумный шаг. Бесшумно пройдите по десятиметровой дорожке, на которой разбросан хворост, расставлены городки, а поперек дорожки протянуты веревочки с бубенчиками и банками.

Сбоку от дорожки стоит водящий с завязанными глазами. Как только он услышит звон или хруст, он громко говорит: «Стой!» — и протягивает руку в направлении звука. Если он показал правильно, обнаруженный игрок возвращается на старт и пытается пройти еще раз в порядке очереди. Кто первым придет к финишу?

Чтобы идти бесшумно, надо легко опускать ногу на землю пяткой, а потом уже — на всю ступню. Если негде поставить ступню, сделайте 1—2 шага на носках.

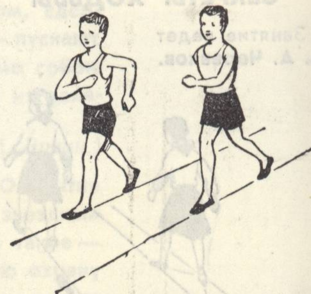

Не глядя. Кто первым с завязанными глазами положит мяч на табурет, который находится от вас в 10—15 метрах?

«В ногу». Какая тройка первой придет к финишу? Если в пути хотя бы один игрок снимет руки с плеч партнера, тройка проигрывает. Расстояние от старта до финиша может быть от 30 до 100 метров.

Можно не класть руки на плечи, а держаться опущенными вниз руками за две палки или веревки длиной по 120 сантиметров.

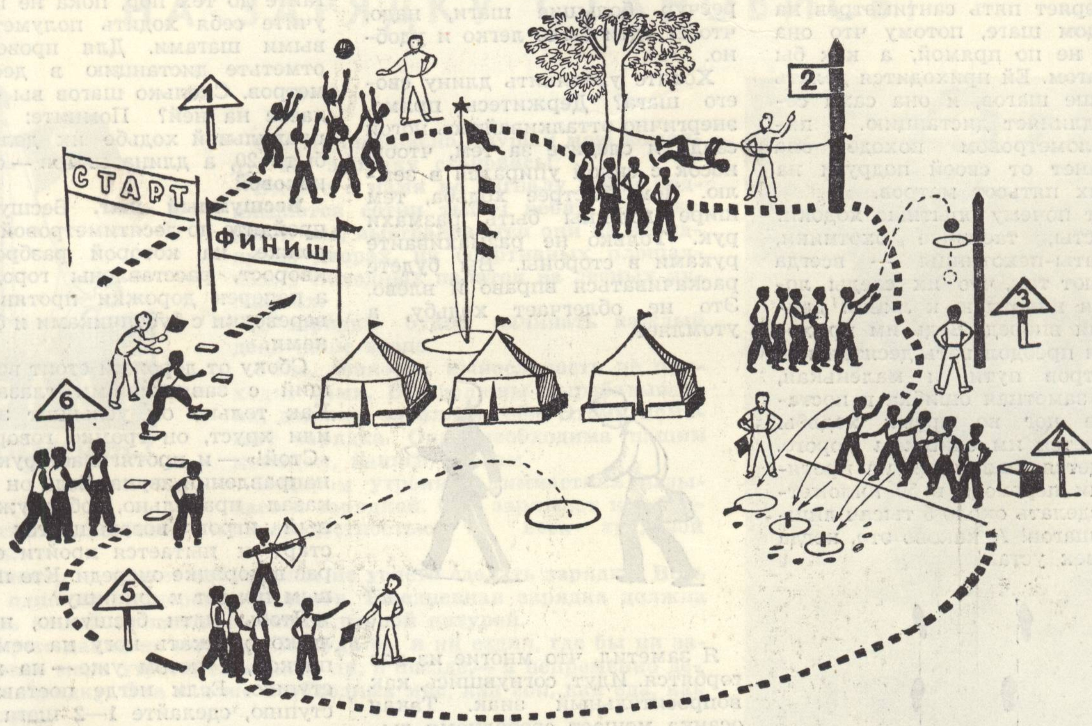
Гонка по линиям. Проведите на площадке две линии длиной в 50 метров. Расстояние между линиями 80 сантиметров. Кто первым придет к финишу, все время ставя носки ног на свою линию? У кого из ребят носок не попадет на линию, тот проигрывает один шаг.

Ребята! Теперь вы все знаете, как надо правильно ходить, тренируйтесь в этом каждый день!

А сегодняшний сбор мы кончим игрой, которую предложил опытный педагог В. Г. Яковлев. Она называется.

ВОКРУГ ЛАГЕРЯ

Попробуйте в кратчайший срок прийти к финишу, побывав на всех шести пунктах, преодолев все препятствия. У каждого пункта стоит судья, который отмечает, что задание выполнено. Стартуют командами по 5 человек через каждые 5 минут. Команда, показавшая лучшее время, выигрывает.

Надо: 1) подбросить мяч в воздух до 30 раз, не давая ему упасть на землю. Если мяч упадет, счет ведут сначала; 2) пролезть по канату, подвешенному на высоте 1 метра 20 сантиметров; 3) закинуть мяч в кольцо на высоту 2 метра 30 сантиметров (бросают все по очереди; забросив в корзину десять мячей, команда может двигаться дальше); 4) взять из ящика шишки и, стоя в 3 метрах от поставленных чурок, стараться скорее сбить все чурки (шишки после этого снова уложить в ящик, иначе судья не подпишет путевки); 5) поочередно пустить по 3 стрелы, стараясь поразить горизонтальную мишень диаметром в 2 метра на расстоянии 10 метров. В круг должно попасть 10 стрел; 6) перепрыгнуть по 10 кирпичам с одного на другой, ни разу не ступив на землю (при ошибке прыгают снова).

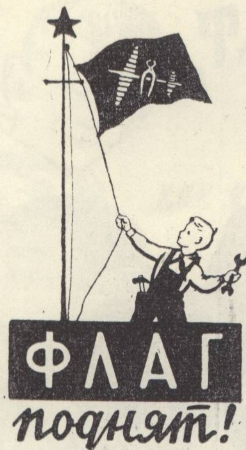
ТОПОГРАФЫ ОТРЯДА НАМЕЧАЮТ ПУТЬ.

Фото С. Карасева.

НА ЭТЮДАХ.

Фото И. Гольдберга.

ЛАГЕРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

В лагерной мастерской могут работать все, кто любит мастерить. Я принимаю и опытных юных техников и тех, кто еще ничего не построил своими руками. Для всех найдется интересное дело, было бы только желание.

Для начала давайте поработаем вместе со звеном строителей, установим в лагере телефон. Он может пригодиться и для различных игр на местности.

Итак, на первом сборе мы делаем телефонные аппараты и устанавливаем их там, где они особенно нужны.

Вожатый звена
Н. М. Митрофанов

ТЕЛЕФОН

Какие материалы нужно приготовить? Небольшие куски фанеры, клей, бумагу, немного проволоки. Купить придется только пьезокристаллы, которые употребляются для электропроигрывателей граммофонных пластинок. Продаются они везде и стоят недорого.

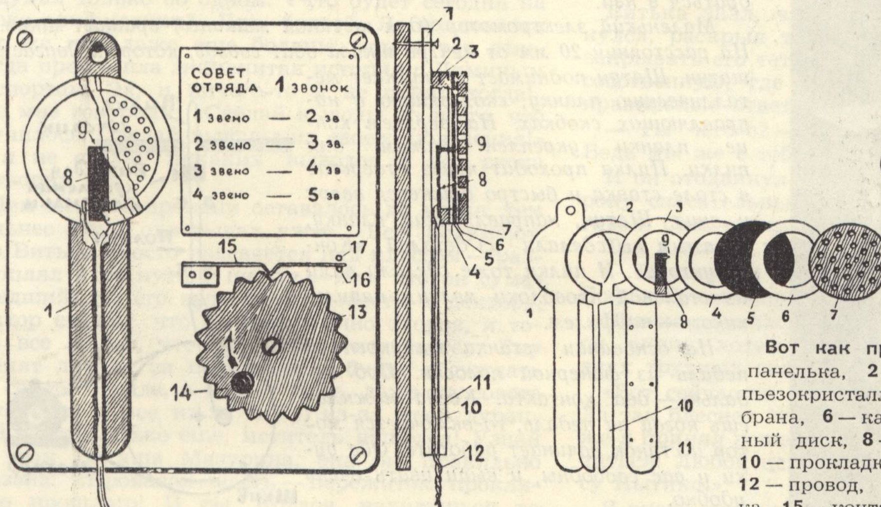
Собирается телефонный аппарат на фанерной дощечке. Телефонная трубка висит на гвоздике, вбитом в дощечку. Рядом расположена вертушка — диск вызова.

Телефонная трубка состоит из панельки, на круглую часть которой приклеены фанерная прокладка и кольцо с приклеенным к нему пьезокристаллом. Кристалл приклеивается тем концом, на котором сделаны выводы из фольги. К выводам присоединяются тонкие изолированные проводнички. На конец кристалла в центре кольца приклеивается кусочек спички, с помощью которой пьезокристалл соединяется с мембраной, приклеенной с другой стороны кольца. Мембрана вырезается из чертежной восковки или из тонкой плотной бумаги. Поверх мембраны приклеивается картонное кольцо-прокладка и защитный диск с отверстиями.

Если поднести трубку ко рту и громко, внятно говорить, то колебания воздуха заставят колебаться мембрану. При этом мембрана немного изгибает пьезокристалл, и он начинает вырабатывать электрический ток. Ток мгновенно попадает по проводам в пьезокристалл другого телефона.

Пьезокристаллы интересны тем, что, изгибаясь, они дают электрический ток, и, наоборот, если на поверхность кристалла попадает электрический ток, он начинает изгибаться. Вот почему в приемном телефоне кристаллик, колеблясь, толкает мембрану и точно воспроизводит все, что было сказано в первый телефон.

Вертушка выпиливается из фанеры и крепится к доске телефона на гвоздике-оси. Вертушку можно крутить за рукоятку. Зубцы вертушки приподнимают контактную пружинку, и та касается своим концом верхнего гвоздика-контакта. Этот контакт соединен с одним полюсом батарейки карманного фонарика. Второй конец батарейки соединяется с проводом, идущим к другому телефону. Схема соединений показана ниже. Этот телефон можно сделать и настольным.

Вот как просто устроен телефон: **1** — панелька, **2** — прокладка, **3** — кольцо с пьезокристаллом, **4** — прокладка, **5** — мембрана, **6** — картонное кольцо, **7** — защитный диск, **8** — пьезокристалл, **9** — штифт, **10** — прокладки ручки, **11** — накладка, **12** — провод, **13** — диск вызова, **14** — ручка, **15** — контактная пружинка, **16** — нижний контакт, **17** — верхний контакт.

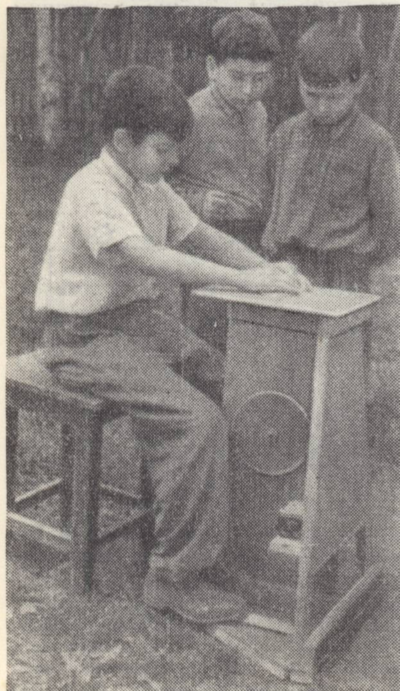
СТОЛ ЗАКАЗОВ

Наша мастерская принимает заказы от звеньев и отдельных пионеров. Мы даем техническую консультацию, помогаем советом и делом. Первый заказ получили от Коли Иванова. Он просит научить его выпиливать так, чтобы не ломались пилки. Коле взялся помочь Рубик Ерохин, ученик 613-й школы г. Москвы.

Вожатый звена конструктор Николай Михайлович Митрофанов. Он сам мастер на все руки и многих ребят научил мастерить, строить модели и приборы. Он всегда может прийти на помощь каждому из вас, когда вы станете что-либо строить.

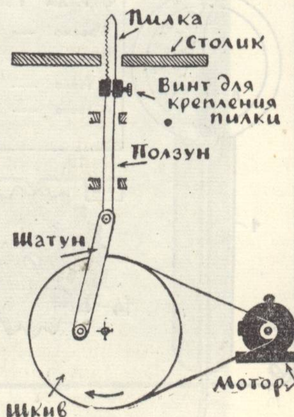
РАССКАЗЫВАЕТ РУБИК ЕРОХИН

Мы со Славой Давыдовым очень любим выпиливать из фанеры. В пионерском лагере мы выпиливали фигурки для лагерного тира, игрушки для малышей. Только вот пилки у нас, как и у тебя, Коля, часто ломались, и работа шла медленно.

Долго мы мучились, а потом задумали построить станок для выпиливания, который ты видишь на фотографии слева. Справа — схема нашего станка. Она совсем несложная, и ты легко сможешь разобраться в ней.

Маленький электромотор (для швейной машины) вращает шкив. На расстоянии 20 мм от центра шкива вбит гвоздь, который двигает шатун. Шатун поднимает и опускает металлическую планку, скользящую в направляющих скобках. На верхнем конце планки укреплен зажим для пилки. Пилка проходит через отверстие в столе станка и быстро движется вверх и вниз. Шатун, направляющий планку, и зажим мы сделали из деталей «Конструктора». И пилки тоже сделали сами из стальной проволоки мелким напильником — надфилем.

На основании станка мы укрепили педаль из фанерной полоски. Под педалью — два контакта. Когда нажимаешь ногой на педаль, то включается мотор и станок начинает работать. Обе руки у вас свободны, и выпиливать очень удобно.

«Тайный сигнал барабанщика» или как я вёл дневник

Повесть Анатолия АЛЕКСИНА

Рисунки А. Брея.

(Окончание)

14 декабря

Сегодня, ровно в 7 часов 15 минут утра, вместе со звонком будильника во мне вдруг заговорила совесть. Натягивая валенки, я представлял себе несчастного Нытика и тот позор, который ждет его сегодня на первом уроке.

Только выйдя на кухню мыться, я заметил, что валенки мои смотрят в разные стороны, словно отворачиваются друг от друга, как мы с Витиком-Нытиком в последние дни. Все понятно: я от расстройства натянул левый валенок на правую ногу, а правый — на левую. Пришлось сесть на табуретку и переобуться.

— Э-эх,— вздохнула старая тетя Паша,— рассеянные нынче молодые люди пошли: науками много занимаются! Для простых-то дел места в голове не остается.

Я махнул рукой:

— Да нет, тетя Паша, науки здесь ни при чем. Здесь совсем другое дело...

Вчерашняя ненависть к Витьке совсем почти прошла. Я даже забыл об «одностороннем нарушении» Нытиком нашего «священного договора». Я думал только об одном: «Что будет сегодня на уроке арифметики? Что будет?» Я волновался так же или даже еще больше, чем в тот день, когда произошла знаменитая история с Диминым паспортом. Эх, и ничего-то я не понял тогда!.. Все мне говорили: «Сделай выводы из всего, что случилось. Сделай выводы из своего поведения!» А я не сделал никаких выводов и вот снова натворил дел.

Чем меньше времени оставалось до урока, тем сильнее меня охватывал ужас. «Все подумают, что Витька просто издевается над классом,— размышлял я по пути в школу.— Или что он сумасшедший! Но его ведь могут повести к доктору, доктор скажет, что он совершенно здоров, и тогда все решат, что он именно издевается. Ему влепят двойку за поведение и будут обсуждать на совете отряда, а может быть, даже на совете дружины. И все из-за меня, из-за моей дурацкой злости! Тоже еще, мститель нашелся! Узнай об этом Наташа Мазурина, она бы правильно сказала: «Кровавая месть — пережиток проклятого прошлого! И ты, Котлов, находишься во власти этого пережитка!»

Так сказала бы Наташа. И она была бы совершенно права. Я в самом деле, наверно, находился во власти пережитков и еще во власти страха: что будет, что будет?!

Я решил предупредить Нытика до урока, во всем ему признаться. И хоть он сам первый вздумал не разговаривать со мной и отворачиваться от меня, я решил протянуть ему руку и даже просить извинения. Лишь бы загладить свой подлый поступок. Совсем загладить, чтобы и следа от него не осталось!

А Витька, ничего не подозревая, как назло, явился уже после звонка, перед самым уроком. Он вошел в класс за какую-нибудь секунду до учительницы. Я только-только раскрыл рот для раскаяния, как все ребята, громыхнув партами, поднялись: на пороге стояла наша математичка. Она была очень доброй женщиной, но сегодня мне показалось, что у нее сердитые глаза. Бедный Нытик! Бедный!

Математичка Софья Романовна раскрыла журнал и произнесла свои обычные слова:

— А вот мы сейчас посмотрим, как вы дома поработали!

Витька знал, что его спросят, он весь подтянулся, раскрыл тетрадку... И тут я стал молча закрывать его тетрадь и совать ему под нос свою собственную, где были правильные вопросы и правильные ответы.

— Ты чего? — шепотом удивился Витька.— Ведь мы же с тобой...

И он отодвинул мою тетрадку. Отбросил в сторону спасательный круг, который я ему протягивал! Сам, своими руками отбросил!

Так и есть.

— Начнем-ка сегодня с Бородкина,— сказала Софья Романовна.

Витька поднялся. Лицо у него было довольное: он, видно, хотел блеснуть верностью решений двух трудных задач.

«Вот сейчас он блеснет! — с ужасом думал я.— Да так блеснет, что всех кругом ослепит!» И тут же я принял решение: «Нет, этого не должно случиться! Любой ценой искуплю свою вину и спасу Нытика!»

Я вновь раскрыл свою тетрадь и стал совать ее Витьке в руки:

«Вот здесь!.. Здесь правильно... Читай по моей».

Витька растерянно моргал глазами. И мне стало еще больше жалко его!

— Отста-ань, я са-ам...— шепотом заныл он.

— Что у вас там происходит? — строго спросила Софья Романовна.— Я ведь вызвала одного Бородкина. Так что ты, Котлов, сиди спокойно!

Легко сказать: сиди спокойно! Я не мог, просто не мог допустить, чтобы Витька прочитал то, что было написано в его тетрадке. Любой ценой я должен был помешать, или, верней сказать, помочь ему.

— Скажи, что забыл тетрадку дома,— опять зашептал я.

Но Витька ничего не понял:

— Я не забы-ыл. Она во-от... Во-от она!

— Возьми лучше мою! Читай по моей! Слышишь, дурак несчастный!

— Сам дура-ак! — зло прошептал в ответ Витька и раскрыл рот, чтобы читать про куриц, которые высиживают яйца, и про пирамиды табуреток, которые достигают потолка и даже самой крыши.

Тут уж я не выдержал и, забыв, что нахожусь на уроке, просто вырвал у Витьки из рук его тетрадку. Весь класс ахнул и сразу застыл, замер... В гробовой тишине раздался голос нашей доброй Софьи Романовны. Голос был очень сердитым, и оттого, что Софья Романовна была очень доброй и никогда раньше не повышала голоса, ее слова показались мне какими-то особенно грозными:

— Котлов, сейчас же покинь класс! Ты мешаешь нам заниматься. Погуляй в коридоре и приди в себя!

И я покинул класс. Но не стал гулять в коридоре. Нет, я прислонился ухом к замочной скважине и стал слушать. Вот... вот сейчас Витька прочтет: «Сколько яиц снесет курица в первый день?»,— и весь класс прямо взорвется от хохота.

Витик-Нытик стал что-то читать по тетрадке, тут я заткнул уши и постоял так минуты две. А когда я вынул пальцы из ушей и снова приставил правое ухо к двери, я услышал добрейший голос Софьи Романовны:

— Пока все хорошо, Бородкин. Молодец! А как у тебя со второй задачей?

Оказалось, что и со второй задачей у Бородкина все обстояло вполне благополучно!

Я привык в последнее время к разным чудесам, но тут уж я ничего не мог понять. Как же так? Неужели Витька разгадал мои коварные планы и все решил сам? Но ведь у него даже нет задачника! А может, он сходил за ним в библиотеку или к кому-нибудь из ребят? Да нет, он строил вчера во дворе вместе со всеми нами ледяную «Шипку»...

Мимо прошла нянечка и, покачав головой, сказала:

— Выгнали? Выперли из класса-то? И не стыдно? Эх, увидели бы тебя сейчас твои родители!

Потом она принесла щетку, стала подметать пол и все никак не могла успокоиться:

— Какие для них условия представляют! А они, ироды!..

Я все продолжал теряться в догадках. И, наверно, совсем бы потерялся, но тут затрезвонил звонок, и школа, которая только что была тихой и будто совсем пустой, вдруг ожила, и зашумела, и запрыгала, и даже запела...

Ребята окружили меня и стали на разные голоса упрекать:

— Это уж слишком, Котелок!

— Подсказывал бы тихонько, а то лезет, как агрессор: вырывает тетрадку!..

— Витька и без тебя все знал. И вообще надо кончать с подсказками!

— Нет, иногда можно... Но когда товарищ погибает. А тут не было никакой необходимости!

Наташа Мазурина презрительно взглянула на меня, и я прочел в ее глазах знаменитое: «И тебе не совестно?!»

Вышел из класса и Витька. Я сразу подбежал к нему и, забыв даже про оскорбительную записку Нытика, сказал:

— Прости меня, Витя.

Витька, видно, очень обрадовался, что я заговорил с ним:

— За что же прощать? Ты просто сперва перепутал...

— Нет, я не перепутал. Я нарочно послал тебе не те решения...

— Наро-очно? — протянул Витька своим обычным, обиженным голосом. Но потом, будто вспомнив что-то важное, спохватился: — Это спер-

— Какие для них условия представляют! А они, ироды!..

ва ты сделал нарочно! А потом ведь ты все исправил...

— Я исправил?

— Ну да...

— Ничего не понимаю.

— Ты же опустил в почтовый ящик записку. Вот эту. Ты же опустил?

— Я опустил?!

— Ну да-а...

С этими словами Витька полез в карман и достал оттуда смятую бумажку. На ней большими печатными буквами было написано: «Вот условия задач, которые нам задали сегодня на дом. Реши сам!»

Дальше шли уже известные мне рассуждения о бассейне, который наполняется двумя трубами, и о путниках, которые вышли навстречу друг другу из пунктов «А» и «Б».

А в самом конце записки стояла подпись: «Сева».

Сева! То есть получается, что это писал я. А я на самом деле этого никогда не писал! В чем же тут дело?

— Я сперва и сам удивился немного,— сказал Нытик.— Почему, думаю, Котелок стал писать печатными буквами? Но потом вспомнил, что ты уже писал мне однажды такими же точно буквами.

— Я?! Когда? Это ты мне писал печатными буквами, а не я тебе.

— Нет, ты мне! Ты-ы! Ты-ы-ы!— как-то очень решительно и обиженно заныл вдруг Витька.— Я ведь ту записку тоже храню!

Он помчался в класс и прибежал оттуда через минуту, победно размахивая белым листком. Мы оба склонились над этим листком и прочитали вслух:

— «Дорогой Витя! Я ничего не могу объяснить тебе подробно, но только знай: я расторгаю наш «священный договор»! Теперь я буду готовить письменные уроки сам. Каждый день сам! И ты делай сам. Это необходимо! Ни о чем меня не спрашивай. Я тебе сейчас ничего не могу объяснить. И вообще не разговаривай со мной целых пятнадцать дней с момента получения этого письма. Если только заговоришь, нам обоим плохо придется. Потом все объясню. И почему пишу печатными буквами, тоже объясню! Твой верный друг Сева».

— Но ведь я получил такую же точно записку! — воскликнул я.

— От кого?

— От тебя! Не притворяйся, пожалуйста. Ты же писал?

— Не ври-и. Я ничего не писал.

— И я ничего не писал.

— Значит, кто-то...— таинственно прошептал Витька.

— ...прислал нам одну и ту же записку, но только подписал ее разными именами! — закончил я.

— Покажи свою,— все еще не веря мне, потребовал Витька.

— Я разорвал ее.

— Ах, разорва-ал?..

— Ты мне не веришь?! Клянусь... клянусь...— Я никак не мог придумать, чем бы таким поклясться.— Клянусь... Чтоб мне ни разу в жизни в кино не попасть! До самой смерти!

Витька даже вздрогнул от такой страшной клятвы.

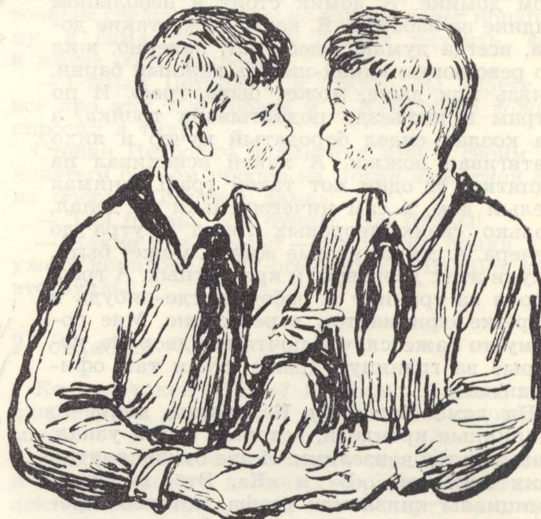
— Я верю тебе...

— Так ты, значит, поэтому от меня и отворачивался?

— И ты тоже из-за этой записки?

— Ну да!

Ох, и здорово нас кто-то одурачил! Заставил нарушить «священный договор», а чтобы мы не могли договориться друг с другом и выяснить, что к чему, заставил нас отворачиваться друг от друга. И печатными буквами записки написал, потому что сообразил, что я знаю Витькин по-

— Я получил точно такую же записку!

черк, как свой собственный, и он мой точно так же. Хитро придумано! Это уж действительно какой-то «великий комбинатор» изобретал! Но кто он? Кто он такой? А самое главное, откуда он мог узнать еще вчера обо всей этой истории с задачками? Ведь о ней не знал никто, кроме меня. Никто на всем белом свете! С ума сойти можно!

Мы с Витькой только затылки чесали.

Мимо прошел Толя Буланчиков.

— А-а! Друзья встречаются вновь? — сказал он.— Это очень хорошо: дружба, знаете ли, дороже всего на свете!

Но мы даже не обратили на Буланчикова никакого внимания.

Наконец я пришел в себя и сказал:

— Теперь восстановим наш «договор»! Ладно?

— Не зна-аю...— протянул Витька.— Мне даже немного, как бы это сказать... понравилось, что ли...

— Что тебе понравилось?

— Ну, самому, как бы это сказать... задачки решать. И отвечать потом как-то приятнее. Я вот сегодня... И Софья Романовна похвалила! «Молодец!» — говорит.

— Ну, ладно! Мы об этом еще подумаем,— перебил я Витьку. Потому что об этом и в самом деле стоило немного подумать.

17 декабря

Сегодня председатель совета отряда Толя Буланчиков поручил мне зайти домой к Володе Каталкину и помочь ему по арифметике. Во-

лодя уже целые две недели не ходит в школу. У него какая-то очень странная болезнь — воспаление среднего уха. Я до сих пор думал, что у всех людей только два уха и оба крайние: одно левое, а другое правое. Но, оказывается, у нас есть еще третье ухо — среднее. Только мы его не видим. Вот оно-то как раз у Володьки и болит...

Сегодня после уроков я отправился к Каталкину. Он живет в старинном одноэтажном домике. А домик стоит в небольшом садике за забором. Я, когда вижу такие дома, всегда думаю: здесь вот, наверно, жил до революции какой-нибудь важный барин, князь или даже, может быть, граф. И по утрам к подъезду подкатывала тройка, а на козлах сидел бородатый кучер и лихо натягивал вожжи. А лакей вскакивал на запятки. И один вот такой граф занимал целый дом, а сам ничегошеньки не делал, только своих дворовых гонял с утра до вечера. А сейчас в доме живут, может быть, внуки этих дворовых и крепостных. А граф удрал за границу и работает где-нибудь в Париже официантом в ресторане. Мне почему-то кажется, что почти все дворяне, которые за границу удрали, стали там официантами...

На доме Володьки Каталкина какие-то старинные крендели, которые, как я узнал, называются вензелями. И две буквы внутри этих вензелей: «Б» и «К». Это, наверно, инициалы князя или графа, который проживал когда-то в Володькиной комнате.

От забора на дорожку падают ровные полоски: темные и светлые. Шагая по этим полоскам, я добрался до калитки. Но только стал открывать ее, как вдруг отскочил от забора и даже одной ногой в сугроб провалился. Во дворе я увидел огромную серобелую немецкую овчарку. Я ей, наверно, чем-то не понравился, потому что она стала громко лаять и с самым зверским видом рваться мне навстречу.

Собака была, конечно, привязана к столбу, но не цепью, а какой-то очень ненадежной веревкой. Веревка, казалось, вот-вот оборвется. А надо сознаться, что я с раннего детства боюсь, или, лучше сказать, остерегаюсь собак. И недаром! Когда я был еще в детском саду, меня тяпнула за ногу такая же вот огромная серая немецкая овчарка, и я потом целый месяц ходил на уколы. Помню, живого места на моем животе не осталось.

«Уж лучше поищу другую калитку»,— подумал я. Обошел кругом вдоль забора. Но никакой другой калитки не было. Тогда я стал звать Володю.

Я кричал, а собака в это же самое время лаяла, да еще ветер подвывал ей вовсю, так что Володя меня не услышал.

Я еще походил-походил вдоль забора, захотел есть, замерз и поплелся домой. Володька ведь завтра не собирается в школу, так что я еще успею оказать ему свою товарищескую пионерскую помощь. А собаку они, может быть, завтра в комнату заберут или привяжут понадежнее, цепью какой-нибудь. Вот позвоню Володьке по телефону и попрошу, чтобы привязали. Хватит с меня уколов!

Веревка, казалось, вот-вот оборвется.

18 декабря

Степан Петрович плохо видит. Но зато он очень хорошо слышит. Когда хлопает парадная дверь и человек только еще входит в коридор, Степан Петрович сразу узнает, кто именно пришел. И никогда не ошибается!

Сегодня, когда я вошел к нему в комнату, Степан Петрович спросил:

— Что ты там замешкался, Сева? Я уж минут пять назад услышал твои шаги по коридору. И почему, думаю, он в комнату не идет?

— Меня соседка ваша попросила помочь. Бак на плиту ставили. Она белье кипятит...

— Ах, белье? — Степан Петрович поднял очки на лоб и лукаво прищурился.— А я думал, там, возле двери, собака на веревке бегает.

Я вздрогнул... Собака? Это Степан Петрович сказал не случайно! Откуда он знает о вчераш-

ней собаке? Откуда?! Ведь рядом со мной никого не было. И никто ничего не видел. Откуда же он знает? И даже о том, что собака бегала не на цепи, а веревкой была привязана, и об этом знает. Прямо волшебство какое-то! Ни одного дня не проходит без чудес! Ну и жизнь у меня пошла: только и ломай себе голову над всякими загадками! И ничего все равно не разгадаешь!..

В эту минуту хлопнула дверь в коридоре.

— Наш «главпродукт» пришел,— сразу сказал Степан Петрович. Это он так Витьку прозвал.

Нытик влетел в комнату, нагруженный пакетами и кульками. На шапке и воротнике у него еще не растаяли снежинки, а лицо было раскрасневшееся и гордое. Нытик очень любил рассказывать о своих хозяйственных успехах:

— Я купил вам мандарины, Степан Петрович! Их прямо с юга привезли. На самолете! Только вчера они, может быть, на солнышке грелись, а сегодня мороза попробовали. Здорово, а?

Я воспользовался этим разговором и тихонько прямо без шапки и без пальто вышел на балкон. Он был весь покрыт снежным пушистым ковриком. И на перилах тоже лежал снег.

«А может быть, отсюда виден домик Володьки Каталкина? — думал я.— И Степан Петрович все сверху разглядел?» Но тут же спохватился: да ведь Степан Петрович почти ничего не видит! А может, кто-нибудь другой разглядел отсюда и ему все рассказал? Но нет, балкон выходил совсем в другой переулок. И здесь тоже было несколько невысоких старинных домиков с кренделями-вензелями над окнами, но того самого, возле которого бегала на веревке собака, не было.

Я вернулся в комнату.

На столе валялись оранжевые корки, и Витька весело уплетал мандарин.

— Ты, Сева, выходил на балкон? — спросил Степан Петрович.

— Да, знаете, захотелось подышать свежим воздухом... День сегодня, знаете, чудесный!

— Мороз и солнце? — Степан Петрович глубоко вдохнул морозный воздух, который прямо хлынул с балкона в открытую дверь.

— Ну, я побежал! — дожевывая мандарин, сообщил Витька.— Мне еще надо курицу купить.

Он очень увлекался покупками, хотя ему потом и приходилось отчитываться перед строгой соседкой Степана Петровича, которая упорно называла Витьку не «главпродуктом», а «главфруктом». Соседка упрекала Нытика в том, что он «выбрасывает деньги на ветер» и скоро «пустит бедного Степана Петровича по миру».

— Я на рынке всегда торгуюсь и никогда не уступаю! — гордо отвечал Витька.— А скупиться мы не можем. Мы должны покупать все самое лучшее: шефствовать так шефствовать!

Вот и сейчас он собирался мчаться за какими-то курами, которых, как он точно узнал, должны привезти в диетический магазин.

— А сколько яиц снесет курица в первый день? — тихонько спросил я у Витьки.

Он в ответ обиженно надул губы:

— Не забу-ду этого... Никогда-а...

Он уже направился к двери, но Степан Петрович остановил его:

— Хватит на сегодня покупок. Разденься, Витя. И если у тебя еще есть время, почитай мне, пожалуйста, сегодняшние газеты.

Когда я выходил на балкон без пальто и без шапки, мне совсем не было холодно, а тут вдруг по телу пошли мурашки: «Как же так? Витька будет читать газеты? А я? Это же мой шефский участок!»

— Сева сегодня, к сожалению, занят,— пояснил Степан Петрович.— Ему надо пойти к Володе Маталкину и помочь ему... По арифметике, кажется.

— Не к Маталкину, а к Каталкину,— тихо поправил я.

— Кстати...— Степан Петрович снова поднял очки на лоб и хитро прищурился.— Кстати, собака у этих Каталкиных-Маталкиных, по моим точным сведениям, только глотку дерет понапрасну, а сама даже мясо боится укусить, когда в миске обед приносят.

— Степан Петрович, а откуда вы знаете про все про это: и о собаке и о Каталкине тоже? — спросил я тихо.

Степан Петрович подмигнул мне и своим глуховатым баском пропел на мотив известной арии из оперы «Пиковая дама»:

— Три буквы, три буквы, три буквы!..

— Какие три буквы? — сперва не понял я. Но уже в коридоре меня осенило: «ТСБ»! Вот какие это буквы!..

21 декабря

Кто же такой «ТСБ»? Я думаю об этом целые дни, с утра до ночи. И даже ночью иногда думаю.

А однажды мне приснился страшный великан в черной маске и длинных черных перчатках до локтей. Он подкладывал мне в парту самого настоящего живого крокодила. Я хотел убежать, но, как это всегда бывает во сне, не мог сдвинуться с места. А в ушах у меня почему-то звучал преспокойный голос нашей Анны Рудольфовны:

— А как будет по-немецки «крокодил»? Не знаете, Котлов? Запомните, если вам не трудно, что «крокодил» по-немецки будет «ТСБ», «ТСБ»...

От всей этой чертовщины я проснулся и увидел над собой испуганное и, как всегда, очень странное без очков лицо Димы:

— Ты не заболел? Что с тобой, Котелок?..

Странный все же человек наш Дима: то грозится выкинуть мою раскладушку в коридор, где от дверей холодным ветром дует, а то о здоровье моем беспокоится. И всегда он так: то хороший, добрый, а то злится и ко всему придирается!

Ах, если бы он знал, что происходит с его младшим братом, если бы он только знал!

И как странно ведет себя этот «ТСБ»: иногда он помогает мне, подсказывает разные хорошие мысли, а иногда вмешивается в дела, которые его вовсе не касаются, и срывает мои самые лучшие планы. Ведь это он, я уверен, что он, переложил нашего колючего Борьку-нигилиста из мухинской парты обратно в мою собственную. И это он послал мне и Витьке те самые записки и добился-таки, что мы целых три дня не разговаривали друг с другом. И, может быть, это он доложил Степану Петровичу об истории с собакой, которая «только глотку дерет понапрасну, а сама даже мясо боится укусить, когда ей обедать приносят». Все это он!..

А кто «он»? Не знаю. И думаю об этом все время до того, что даже не слышу на уроках, о чем рассказывают учителя. Позавчера, например, учитель истории сказал вдруг:

— Котлов, закончи мою мысль.

Но я не мог закончить его мысли, потому что не знал, с чего она началась.

И в тот же день после уроков мы с Витькой собрали в ванной комнате экстренный совет. Мы твердо решили выяснить, кто такой «ТСБ» и почему он вмешивается в нашу жизнь.

— Пусть лучше и не помогает нам и не портит наших планов, пусть вообще не лезет в чужие дела! — решительно заявил я.

Витька высказал мысль, что здесь, быть может, орудует не одно лицо, а какое-нибудь тайное общество или союз. В общем, какая-нибудь организация, а «ТСБ» — ее сокращенное название.

— Давай попробуем расшифровать это название,— предложил я.

Мы сели в разных углах комнаты, наморщили лбы и только время от времени вскакивали как сумасшедшие и выкрикивали:

Страшный великан в черной маске подкладывал мне в парту живого крокодила.

— Тайный совет бандитов!

— Темное сообщество бездельников!..

Но потом мы вспомнили, что многие советы «ТСБ» были как раз очень деловыми и даже полезными, при чем же здесь бездельники и бандиты?

И мы стали искать совсем в другом направлении. Расшифровывая загадочные три буквы, мы поочередно выкрикивали:

— Твердость. Смекалка. Бесстрашие!

— Тайный Сигнал Барабанщика!

— Это вот похо-оже!.. — обрадовался Витька.

— На что похоже?

— На то, что нужно!

— Ни на что это не похоже! Просто бессмыслица: какой-то сигнал, какой-то барабанщик... И зачем ему вдруг барабанить? Давай дальше!

— Трое Смелых Борцов!

— Трест Самых Благородных!

Так могло бы продолжаться до бесконечности: до «Последних известий» или даже до сводки погоды! Но когда вспотевший от напряжения Витька, глядя куда-то вдаль бессмысленными глазами, выпалил: «Товарищество Свободных Библиотекарей!» — я сказал:

— Довольно! Хватит! Мы с тобой уж, как это говорится, до точки дошли. Такую ерунду стали пороть, что слушать противно. «ТСБ» — это, вернее всего, никакая не организация, а первые буквы имени, отчества и фамилии. Понял?

— Чьи буквы?

— Если бы я знал, чьи, так и отгадывать было бы не нужно. Давай соображать. Давай анализировать все, даже самые мелкие факты, как это делал Шерлок Холмс!

— Дава-ай...

— Человек, который подсовывает эти записки, знает обо всех наших отрядных делах и обо всех наших планах. Так?

— Та-ак...

— Он даже знает, какие именно нам задачки на дом задали. Он так и написал, между прочим: не «вам», а «нам задали». Значит, он учится в нашем классе! Это ясно?

— Я-ясно...

— Кто у нас в классе есть на букву «Б»? Бородкин, то есть ты...

— Я-я...

— Ты сразу отпадаешь: тебе никогда в жизни не придумать таких дел, какие нам этот «ТСБ» подсказывает.

— Ну да-а, не приду-умать!..— заныл Витька.

Но я, не обращая на него никакого внимания, продолжал:

— Дальше идет Балбекова... Она тоже отпадает: во-первых, девчонка, а во-вторых, ее Нинкой зовут. А у нас первая буква «Т». Стало быть, остается один Буланчиков.

— Но ведь его Анатолием зовут.

Вите почему-то очень хотелось, чтобы и Буланчиков тоже отпал. Но я этого не допустил:

— Анатолий!.. А уменьшительно-то как будет? Толька! Мы его так и зовем. Это когда вырастет, его будут Анатолием величать. Значит, остановимся на Буланчикове... Чует мое сердце, что это он нас и разыгрывает! Сам подкладывает мне записочки и сам же потом насмехается: «Молодец! Гордость отряда!..»

И он один про Володьку Каталкина знал. Это же он поручил мне навестить его. Поручил, а сам, наверно, коварно сзади шел, все подсмотрел и потом Степану Петровичу рассказал.

— Сами идите домой! Я совершенно здоров!

— А что рассказал? — всполошился Витька: я ведь его не посвящал в историю с собакой.

— Да так... ничего особенного... Про собаку...

— Про какую собаку?

— Да там про одну. Я, в общем, вспугнул ее... Она сорвалась с цепи и убежала...

— А потом вернулась?

— Потом вернулась.

— Ясно! Собака всегда находит хозяина. А Толька все это видел и растрепал?

— Ну да...

— Завтра мы его разоблачим! — решительно заявил Нытик.

— Погоди. Надо еще узнать его отчество. Может, не подходит?

На следующий день утром, еще до уроков, я подскочил к Тольке Буланчикову и прямо в упор взглянул на него. Толька как-то вздрогнул и слегка попятился в сторону. «Ага! Смущается! Совесть заговорила!» — подумал я и, не отводя глаз, спросил:

— Как зовут твоего отца?

— Моего папу? А что?

— Как зовут твоего отца, я спрашиваю?!

— Сигизмундом Ивановичем...

— Все! Есть! Попался! Значит, ты — Толя Сигизмундович Буланчиков?! Попался!

— Кто? Мой папа?

— Не выкручивайся! Оставь своего папу Сигизмунда! Все ясно: он составляет вторую букву! Значит, ты и есть «ТСБ»? Ха-ха-ха! Все ясно!..

Толя слегка побледнел, глаза у него сделались круглыми, и он все время шептал:

— Успокойся, успокойся, Севочка!.. Ну, хорошо, хорошо... Допустим, что я попался, что я этот самый «БСТ»...

— Не «БСТ», а «ТСБ»!

— Ну пусть «ТСБ»... Допустим... Только не волнуйся, пожалуйста...

— Что ты меня успокаиваешь? Попался?!

— Ну, допустим... Только не волнуйся!

— Ага, сознался! Сам сознался! Значит, это ты подкладывал ко мне в парту ежа?! А потом еще насмехался? И записки всякие!..

— Ну, допустим... Допустим, что я действительно... так сказать, подкладывал... и ежа, и носорога, и кого хочешь! Только успокойся, успокойся, Севочка! Успокойся, Котелок!

— Не успокоюсь! — крикнул я и побежал в класс, потому что уже зазвенел первый звонок.

Толя вошел в класс вместе с учителем истории. Историк, очень строгий и никогда не улыбающийся, вдруг как-то жалостливо посмотрел на меня и сказал:

— Котлов, может быть, ты хочешь пойти домой? Может быть, ты переутомился?

Переутомился! Это слово и на перемене все шепотом повторяли за моей спиной. Наша умная и сознательная Наташа Мазурина упрекала Тольку Буланчикова:

— Мы сами виноваты. И в первую очередь ты, как председатель совета отряда. Ты не проявил чуткости... Навалились на него всем классом: «Давай нам гениальные идеи! Котелок придумает! Сева подскажет!..» Вот он и не выдержал...

Все в этот день смотрели на меня очень сочувственно, перешептывались за моей спиной. Я один (Витька, как нарочно, заболел вирусным гриппом) пытался объяснить всему классу, что я вовсе не переутомился, что мне не отчего было переутомляться, пытался рассказать ребятам про историю с «ТСБ», и с ежиком-нигилистом, и с полевым биноклем, который неизвестно кто прислал мне и неизвестно кто унес из моей парты... Но ребята не дослушивали до конца, с жалостью смотрели на меня и тут же как-то очень быстро со всем соглашались, кивали головами.

— Да, да... Мы понимаем, мы верим... Ты прав, Севочка. Только не волнуйся, пожалуйста. Только успокойся. Хочешь, мы проводим тебя домой?

— Сами идите домой! Я совершенно здоров!..

Когда я десятый или двадцатый раз выкрикнул это, я услышал, как Наташа Мазурина тихо и грустно сказала за моей спиной:

— Первый признак! Все безумные считают,

что они абсолютно здоровы. Надо принимать меры, ребята! И действовать быстро, по-пионерски!..

Я не дал им действовать «по-пионерски» — вырвался и удрал домой. «Завтра вот покажу им все записки, в правом уголке которых стоят прямые печатные буквы «ТСБ», тогда узнают, кто из нас сумасшедший, а кто нормальный!»

22 декабря

Наша соседка Калерия Владимировна очень любит читать книжки про сыщиков и всякие страшные приключения. Книги эти почти всегда старые, какие-то пожелтевшие и состоят из отдельных листочков. Калерия Владимировна читает их всюду: и у себя в комнате, и на кухне, над газовой плитой, когда обед варит, и даже в ванной комнате, когда моется. Муж ее, агроном Клячин, часто кричит ей из коридора:

— Калера, не смей читать в ванне: ты получишь разрыв сердца!

— Да, я когда-нибудь получу разрыв сердца,— говорит наша соседка.— Но не от горячей воды, а от этих острых, захватывающих сюжетов! Мне ведь, поверьте, кажется, что я сама общаюсь с разными Шерлоками Холмсами, беседую с ними и даже пью их горячий грог! Умели же раньше писать!..

Я не очень-то верил, что Калерия Владимировна хочет общаться с бандитами, потому что она ужасная трусиха. Все эти старые романы до того запугали ее, что она вздрагивает от каждого шороха на кухне и сразу хватается за сердце. А по ночам запирает свою дверь сразу на три крючка.

Недавно Калерия Владимировна распустила по всей квартире слух, что на чердаке, который находится прямо над ее комнатой, происходит что-то непонятное.

— Там кто-то орудует! — заявила Калерия Владимировна.— Каждую ночь я слышу вздохи и крики о помощи.

— Почему же вы не бежите на помощь-то? — удивилась старушка тетя Паша.

— Меня не пускает муж! Он удерживает меня!.. А то бы я...

— Сам тогда пусть оденется да и сходит наверх. Или хоть в милицию позвонит,— не унималась тетя Паша.

В общем, Калерия Владимировна в конце концов добилась того, что все наши соседки перестали развешивать белье на чердаке. А одна соседка, у которой там стоит бочонок с кислой капустой, даже сказала:

— Пусть сгниет моя капуста! Не пойду я туда, раз там кто-то орудует!

Я посмеивался над нашими соседками... Но посмеивался я только до сегодняшнего дня. А сегодня, ровно в 3 часа 20 минут, мне стало не до смеха.

Я получил по почте заказное письмо. Адрес и само письмо были опять напечатаны на пишущей машинке. И на той же самой! Я уж теперь отличу этот шрифт из тысячи. Буква «Л» бледно получается... В записке было вот что: «Как только стемнеет, поднимись на чердак. Приходи туда один. Доберись до самого дальнего левого угла, и там, под бочонком с капустой, лежит очень важное для тебя письмо. В нем — раскрытие всех тайн! «ТСБ».

Не знаю уж, как это получилось, но только я сразу отправился на кухню и стал расспрашивать Калерию Владимировну о нашем чердаке и о том, какие оттуда по ночам доносятся звуки. Соседка страшно обрадовалась и начала рассказывать мне про таинственный чердак. Оказывается, сегодня ночью она видела, как с чердака спустили сразу несколько веревок. Эти веревки даже задели ее подоконник и чуть было не свалили вниз банку с маслом, которая стояла за окном.

Ободренный этим рассказом, я вернулся в комнату. Мне показалось, что из окон сильно дует и что вообще в комнате как-то прохладно. Я плотно закрыл форточку и проверил трубу; она была не горячей, а прямо-таки раскаленной. Тогда я с возмущением подумал: «Неужели мне страшно? Неужели я боюсь? Нет, я не трус! Я не похож на Калерию Владимировну! Но кто же все-таки мог спустить с чердака веревки? И зачем?»

Я уже десять раз перечитал записку, подписанную все теми же тремя непонятными буквами. Я выучил ее всю наизусть!

«А может, захватить с собой Витика-Нытика? — думал я.— У них ведь там, на нижних этажах, не слышно, как на чердаке «кто-то орудует», он ничего про это не знает и не будет бояться». Но захватывать с собой Нытика было никак нельзя: ведь в записке было ясно напечатано: «Приходи туда один». Да я к тому же вспомнил, что Нытика угораздило заболеть вирусным гриппом.

«А может, вообще не ходить на чердак,— подумал я.— Но тут же спохватился: нет, нельзя! Ведь если этот «ТСБ» добрался уже и до Степана Петровича, он обязательно сообщит ему, что я струсил, и тогда Степан Петрович снова будет презирать меня. И еще сильней, чем из-за этой горластой немецкой овчарки!»

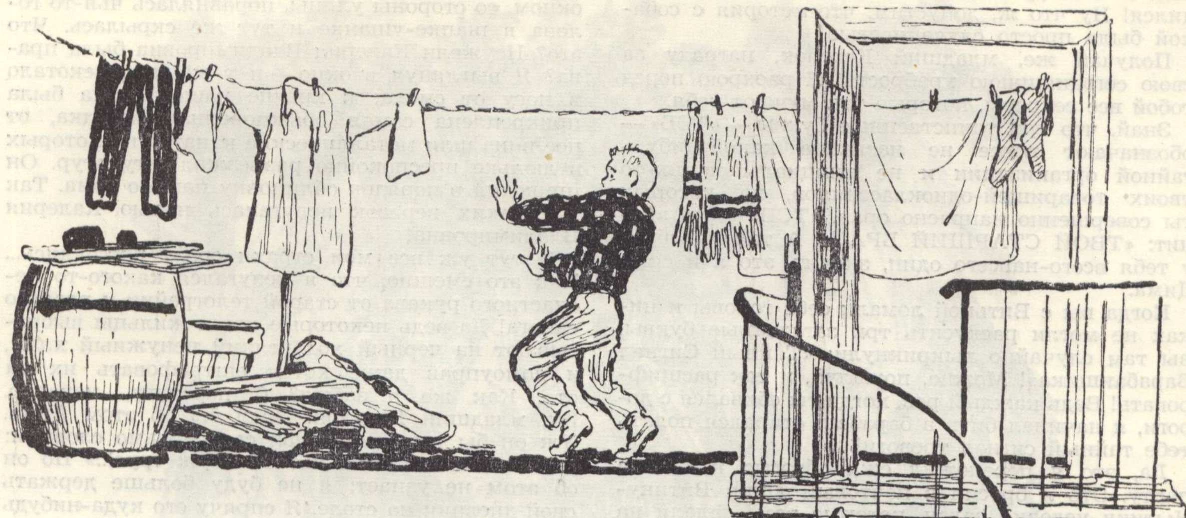
Зимой рано темнеет. Уже в пять часов в окнах домов зажглись огни. А я нарочно не зажигал света, чтобы убедить себя, что вечер еще не начался. Я все тянул, тянул... Но без конца тянуть было невозможно: скоро должна была прийти с работы мама. А я еще не сделал никаких уроков: все о чердаке думал. Ну, а если мама узнает, что я не прикасался к урокам, она меня не то что на чердак — и в коридор-то не выпустит. В общем, надо было решиться...

И я решился!

Я вышел через кухню на черный ход. Дверь я на всякий случай оставил приоткрытой: если что-нибудь случится, буду кричать — и пусть бегут на помощь!

На чердак вела узкая винтовая лестница. Я стал медленно подниматься по ней. Все время я натыкался на какие-то старые ведра, которые со страшным грохотом скатывались вниз, и на какие-то разбитые горшки, и на доски... Один раз я чуть было не вскрикнул: прямо под ногой у меня было что-то мягкое и, как мне показалось, теплое, живое... Я потрогал это «мягкое» рукой — и оказалось, что я наступил на рукав от старой телогрейки. Я остановился: «Как здесь оказался этот рукав? Может быть, это все, что осталось от смельчака, который дерзнул подняться на чердак до меня?» Еще через минуту я с ужасом наткнулся на чей-то сапог. Все ясно: и это остатки того же самого смелого безумца!..

В этот самый момент снизу раздался визгливый голос Калерии Владимировны:

— Безобразие! Дверь за собой не закрывают! Заморозить хотят!

Дверь с шумом захлопнулась — и на черном ходу сразу стало темным-темно.

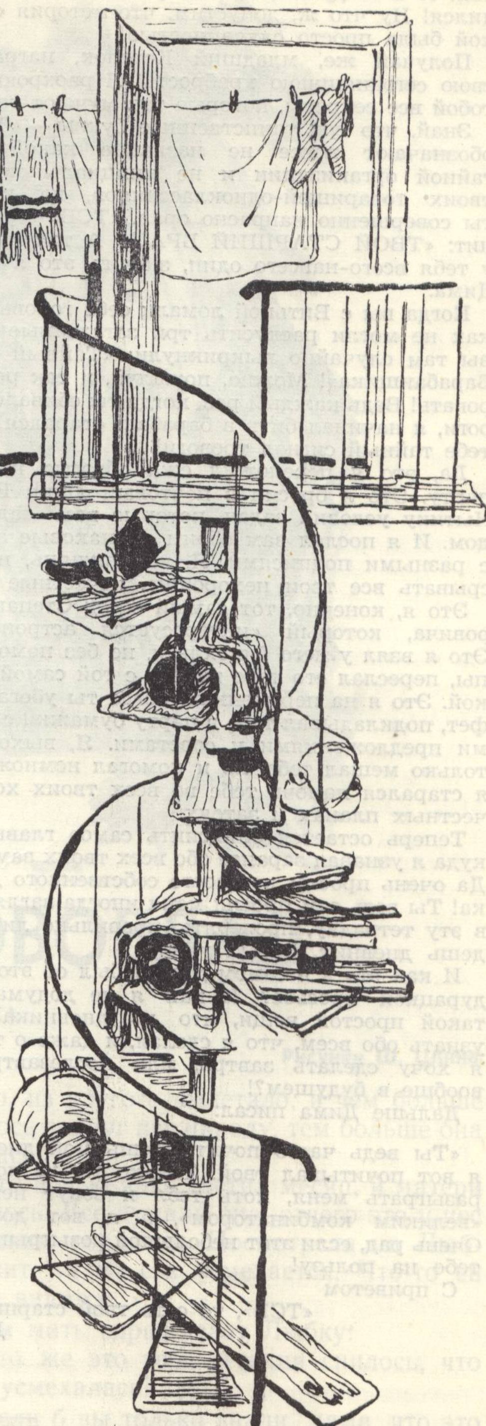
Ужасный страх охватил меня... Сердце колотилось очень сильно. Но никакого выхода не было: надо было идти вперед, или, вернее сказать, наверх. И я быстро пошел: будь что будет!

Под низкими сводами чердака пахло сыростью. В разбитое окно залетали снежинки, дул ветер... И вдруг я вскрикнул: какой-то белый саван был справа от меня. Я закрыл глаза руками и сделал несколько шагов в сторону этого савана, а когда открыл глаза, то чуть было не расхохотался: на веревке, рукавами вниз, болталась чья-то белая ночная рубашка. Видно, не во всех квартирах знали о страшных событиях, которые происходили у нас на чердаке, и некоторые домохозяйки еще продолжали развешивать там свое белье.

«Ну, раз женщины не боятся сюда ходить,— подумал я,— так можно ли бояться мне, мужчине!» И я сразу направился в дальний левый угол, где было особенно темно и сыро. Я протянул руки вперед, чтобы не наткнуться в темноте на какую-нибудь балку или на низкие деревянные перекрытия...

Неожиданно руки мои обхватили что-то холодное и сырое. Бочка! Вот она, бочка с кислой капустой, которая протухнет здесь из-за страшных рассказов Калерии Владимировны! Именно здесь, под этой самой заброшенной бочкой, и должно находиться письмо! Я нагнулся, пошарил рукой и сразу нащупал конверт. Я вынул его из-под бочки и хотел тут же вскрыть, но кругом было темно, и я мог как-нибудь случайно вместе с конвертом порвать и само письмо, в котором заключалось «раскрытие всех тайн».

Я быстро направился к разбитому окну. Возле него было холодно, но я от волнения не замечал ни холода, ни снежинок, которые садились ко мне на лицо и сразу таяли. На конверте уже не печатными буквами и не на пишущей машинке,

Я протянул руки вперед, чтобы не наткнуться в темноте на какую-нибудь балку.

а самым обыкновенным и каким-то очень знакомым мне почерком было написано: «Севе Котлову (лично)».

Я разорвал конверт и с волнением прочитал вот что:

«А ты, оказывается, не такой уж трус, Коте-

лок! А я-то думал, что ты у нас совсем прохудился! Ну что ж, допустим, что история с собакой была просто случайностью!

Получай же, младший Котелок, награду за свою сегодняшнюю храбрость! Я раскрою перед тобой все секреты, которые так мучают тебя.

Знай, что три таинственные буквы — «ТСБ» — обозначают вовсе не название какой-нибудь тайной организации и не инициалы каких-то твоих товарищей-одноклассников, на которых ты совершенно напрасно орал. «ТСБ» — это значит: «ТВОЙ СТАРШИЙ БРАТ». А так как брат у тебя всего-навсего один, значит, это я и есть: Дима.

Когда вы с Витькой ломали себе головы и никак не могли раскусить три загадочные буквы, вы там случайно выкрикнули: «Тайный Сигнал Барабанщика»! Можно, пожалуй, и так расшифровать! Ведь каждый раз, когда ты сбивался с дороги, я начинал бить в барабан: старался подать тебе тайный сигнал тревоги!

Да, это я переложил ежа обратно к тебе в парту. Это я бросил в почтовый ящик Витику-Нытику условия задач, которые вам задали на дом. И я послал вам обоим одинаковые записки с разными подписями. Я, как видишь, пытался срывать все твои нехорошие, нечестные планы.

Это я, конечно, тот самый сосед Степана Петровича, который «интересуется астрономией». Это я взял у него бинокль и, не без помощи папы, переслал его тебе вместе с той самой запиской. Это я на переменках, когда ты убегал в буфет, подкладывал тебе в парту бумажки с разными предложениями и советами. Я, выходит, не только мешал тебе, но и помогал немножко. Да, я старался помочь тебе во всех твоих хороших, честных планах и затеях.

Теперь остается объяснить самое главное: откуда я узнавал заранее обо всех твоих замыслах? Да очень просто: из твоего собственного дневника! Ты ведь сам просил меня иногда заглядывать в эту тетрадку, проверять, правильно ли ты ведешь дневник. Забыл уже?»

И как это я в самом деле забыл об этой своей дурацкой просьбе? И как я не додумался до такой простой вещи, что из дневника можно узнать обо всем, что я сделал, и даже о том, что я хочу сделать завтра, или послезавтра, или вообще в будущем?!

Дальше Дима писал:

«Ты ведь часто почитываешь мой дневник, а я вот почитывал твой. Только ты не догадался разыграть меня, хоть тебя и зовут некоторые «великим комбинатором», а я вот догадался! Очень рад, если этот небольшой розыгрыш пошел тебе на пользу!

С приветом

«ТСБ», то есть твой старший брат Дима».

Вдруг я вздрогнул: с треугольным чердачным окном, со стороны улицы, поравнялась чья-то голова в шапке-ушанке и тут же скрылась. Что это? Неужели Калерия Владимировна была права? Я выглянул в окно — и у меня защекотало в носу от смеха: к крыше нашего дома была прикреплена самая обыкновенная лебедка, от нее вниз шли металлические канаты, на которых в люльке преспокойно разъезжал штукатур. Он приводил в порядок облицовку нашего дома. Так вот каких веревок испугалась ночью Калерия Владимировна!

И тут уж все мои страхи сразу рассеялись... Как это смешно, что я испугался какого-то несчастного рукава от старой телогрейки и рваного сапога! Да ведь некоторые наши жильцы выбрасывают на черный ход всякий ненужный хлам, и домоуправ даже хотел оштрафовать их за это. Как же я забыл? С перепугу, наверно. Эх, младший Котелок! Знал бы об этом Дима. Уж он бы тогда не начал свое письмо словами: «А ты, оказывается, не такой уж трус!..» Но он об этом не узнает: я не буду больше держать свой дневник на столе. Я спрячу его куда-нибудь подальше! Хватит с меня розыгрышей! Довольно!..

* * *

23 декабря

Сегодня я кончаю писать свой дневник. Это ведь, оказывается, очень опасное дело: все могут узнать мои мысли и про все мои поступки тоже. Нет, не хочу!

Писать про себя только одно хорошее, то есть писать неправду, совсем неинтересно. Это мама правильно говорила. А описывать все, как есть на самом деле, очень опасно.

Ведь если этот дневник через много-много лет будут читать мои дети и внуки, они скажут: «Ишь ты, какие номера откалывал в детстве наш папа (или дедушка)!» И тоже начнут вытворять что-нибудь похожее. И это будет, как говорится, непедагогично!

Нет, я не буду больше вести дневник! А эту тетрадку разорву на мелкие клочки или даже сожгу где-нибудь в печке.

Дима, правда, говорит, что есть еще и другой выход: не думать и не делать ничего такого, о чем стыдно было бы писать в дневнике и за что могли бы насмехаться надо мною мои будущие дети и внуки.

— Поборись со своими недостатками! — сказал Дима.

Может, я и поборюсь... Но это ведь не так-то легко! А пока я еще не поборол, не победил своих недостатков, обойдусь без дневника. Так я решил. И пусть «ТСБ», то есть Дима, говорит все, что хочет!..

ЛЮБКА И КОВОВЛАД

СЛОВАЦКАЯ СКАЗКА

Рисунки Ш. Цпина.

Было это давно, никто уж и не помнит, когда. Жила одна бедная вдова, и была у нее единственная дочка, чудная красавица Любка. Мать была женщина тихая, безответная, а дочка ни в чем на нее не походила; вряд ли в целом свете нашлась бы другая такая гордячка.

Красота каждому по душе, вот почему из ближних и из дальних мест много людей приходило сватать Любку. Мать привечала каждого, кто входил в ее дом, но Любка давала такие ответы сватам, что ни один из них не осмеливался во второй раз переступить порог вдовьего дома.

— Что же ты делаешь,— говорила ей мать,— чем так гордишься, куда сама годишься? Перебираешь ты молодцев, как малину, смотри, как бы тебе кислую не выбрать.

Все, что говорила мать, в одно ухо Любке влетало, из другого вылетало, и чем больше толпилось вокруг нее народу, тем больше она гордилась.

Как-то ночью ярко светил месяц, и матери не спалось. Все думала она, отчего это у нее дочь такая гордячка. Посмотрела на Любку, видит, та во сне усмехается. Что-то ей веселое видится...

Утром мать спрашивает Любку:

— Что же это тебе сегодня снилось, что ты все усмехалась?

— Если б вы только знали, мама, что это был за сон! Приснилось мне, что пришел меня сватать молодой, красивый пан, у ворот медная карета стоит. Подарил он мне золотой перстень с дорогими каменьями, и сияли они, точно звезды в небе. А когда я венчаться пошла, то все только на меня смотрели и завидовали!

Ничего не сказала на это мать.

В тот день пришли сваты просить Любку на крестьянский хлеб. Мать встретила их приветливо.

Но Любка оборвала мать такими словами:

— Да пропадите вы с вашим крестьянским хлебом! Пусть ваш крестьянин приедет за мною в медной карете да обручится со мною золотым перстнем с дорогими каменьями, что будут сиять, как звезды в небе, тогда пойду за него.

На другую ночь мать опять уснуть не могла.

«Что будет с этой гордячкой?» — думала она.

Вдруг Любка как засмеется во сне.

— Что ж это тебе такое привиделось сегодня, что ты смеялась во сне? — спросила наутро мать.

— Если хотите,— ответила Любка, почти не глядя на мать,— могу сказать. Приснилось мне, что пришел за мной молодой пан, а у ворот стоит серебряная карета; надел он мне на голову золотой венец, который сиял, как месяц в небе, и когда я венчалась в том венце, уж так все смотрели на меня, уж так завидовали!

Мать ничего не сказала, только заплакала. А Любка отворила окно в сад и стала думать, какие цветы подарит она тому пану, когда он придет к ней.

В тот день пришли сваты просить Любку на хозяйский хлеб.

Мать было обрадовалась, но не тут-то было.

— Да пропадите вы с вашим хлебом! — закричала Любка.— Пусть этот ваш хозяин приедет за мною в серебряной карете да обвенчается со мною золотым венцом, чтобы сиял тот венец, как месяц в небе, тогда пойду за него.

И в эту ночь не спала мать, совсем она замучилась с гордячкой Любкой. Вдруг Любка как захохочет во сне.

Мать разбудила ее, но Любка на другой бок перевернулась, опять заснула и опять засмеялась; так смеялась она до самого рассвета.

— Ты что ж это хохотала всю ночь? — спрашивает наутро мать.

— Да не хочется мне вам и говорить! А только приснился мне молодой, прекрасный пан, что приехал в золотой карете, и будто принес он мне золотую фату, что сияла, как солнце в небе, и когда я в этой фате венчаться пошла, все на меня глядели, и все завидовали!

Мать только руками всплеснула.

В ту же минуту загремело, застучало что-то на улице. Любка — к окну. И что же? Перед их домом три кареты, полные разряженных господ,— медная, серебряная и золотая. Из золотой выходит прекрасный молодой пан в зеленом доломане, красных сапогах и белом шлеме.

Все так и горит на нем золотом, серебром и каменьями. Любка даже глаза рукой заслонила.

Молодой пан вышел вперед, остальные гости за ним, и все вошли в дом. Поклонились все вдове и Любке. Мать испугалась, слова у ней с языка не шли. Зато Любка щебетала, как ласточка. Быстро вытерла она фартуком белые лавки вокруг стола и пригласила всех садиться.

— Что панам угодно? — тихо спросила мать.— Пусть паны прикажут.

— Приказывать мы не можем,— ответил главный сват,— мы просить пришли. Растет в вашем саду, матушка, один цветочек, вы и не знаете, какой, вот мы и пришли просить вас разрешить пересадить этот цветочек в наш сад.

— Да ведь я только бедная вдова,— отвечала мать,— бедный и сад у меня. Нет там цветов для таких знатных гостей.

— Есть цветок,— продолжал главный сват.— Это ваша дочка, которую мы за нашего пана просим.

Вдова не знала, что и отвечать: все мысли ее смешались.

— Прошу прощения, но, как велит обычай, позвольте вас спросить: на какой хлеб берете вы мою дочь?

— На какой хлеб! — усмехнулся молодой пан.— Да на какой прикажете: на медный, на серебряный, на золотой... Я Ковоvлад, хозяин всех шахт.

Вдова никогда не слыхала о таком пане. А Любка и не ждала, пока мать ответит, побежала в сад, собрала самых лучших цветов и подала их Кововладу. И Кововлад подарил ей золотой перстень с дорогими каменьями, золотой венец и золотую фату. Обручились они, и Любка ушла в свою каморку обряжаться.

Не позвала она подружек, чтобы пришли ее провожать и величать, не позвала она соседок, чтобы пришли ее к венцу обряжать. Оделась сама, и когда, наряженная, вошла в комнату, родная мать ее едва узнала, а паны просто окаменели, пораженные ее невиданной красой.

Любка не взглянула на мать, ни одного

доброго слова ей не сказала и вышла из дому.

В деревне все переполошились: стар и млад; все побежали в костел. Все озарилось, когда Любка вошла туда. И, правда, все только на нее и глядели.

После сели молодые в золотую карету, и когда проезжали они вдовий дом, приказала Любка погонять коней. Выбежала мать на улицу, но свадебный поезд уже промчался.

Мать с горя слегла.

А свадебный поезд между тем мчался через горы все дальше и дальше. Любка нарадоваться не могла на своего мужа и не замечала, куда ее везут. А везли ее по узкому ущелью; кругом были только голые скалы да маленький кусочек неба вверху. Затем приблизились они к высоким воротам, кони заржали, ворота раскрылись, кони влетели, как стрелы, и ворота снова закрылись.

Со всех сторон стали сбегаться маленькие человечки с серебряными фонариками, а по пятам за ними шел Землетряс и с грохотом разбрасывал огромные скалы, так что от дороги, по которой приехал свадебный поезд, не осталось и памяти.

Любка в страхе прижалась к мужу.

— Не бойся,— сказал он.

Впереди прояснилось, и маленькие человечки исчезли один за другим.

Когда стало совсем светло, увидела Любка перед собой страшную пропасть. Внизу ревел поток, волна за волной кидалась со скалы на скалу. Через пропасть перекинут был мост, брызги потока долетали до него, и сверкал он, как радуга в небе. Только проехали кареты, вынырнул Водяной, и моста как не бывало: волны с грохотом поглотили его.

Открылся перед ними лес, высокий и густой, и, как только въехали они в этот лес, прилетела Вихревица и стала за ними с треском великаны-деревья ломать, пока от дороги и следа не осталось.

Кончился лес, и открылась долина между высокими горами, а посреди долины, на железной скале, засветился замок Коволада, выстроенный из чистого хрусталя.

У Любки глаза разболелись от блеска.

В сверкающей палате приготовлен был свадебный пир. Все гости сели за длинные столы, ели, пили, веселились. И Любка веселилась, но не ела, не пила. Много на столах было такого, чего глаз человечий не видал, чего язык не называл, чего ухо не слыхало, но не было ничего из тех вещей, которые мы за нашим столом едим.

Не вытерпела Любка и попросила хлеба.

Маленькие человечки вмиг принесли ей три хлеба на выбор — один медный, другой серебряный, третий золотой.

Но Любка не могла их есть. А другого хлеба не было.

Хотела Любка стать барыней — сбылось это. Захотела богатства — получила его.

Теперь она рада была бы воротиться к своей матери, да куда там! Мать спала в сырой земле, и обратный путь был закрыт накрепко.

Только раз в году отпускали Любку домой. Но и тогда не показывалась она людям. Только ночью слышали, как горюет она на могиле матери, рассказывает ей о своем горе.

Три дня так проходит, потом волей-неволей возвращается Любка к богатой беде своей.

Перевела
Евгения Аронович.

Иностранный юмор

(Из итальянского журнала «Пионер»)

Джиджи выходил из аптеки, когда его окликнул приятель:

— Эй, Джиджи, что с тобой случилось?

— А почему со мной что-то должно случиться?

— Как почему? Я вижу, что ты выходишь из аптеки, и подумал, что ты заболел...

Джиджи задумался на мгновение и потом спросил у приятеля:

— А если ты увидишь, как я выхожу с кладбища, ты что, посчитаешь меня мертвым?

* * *

Молодая супружеская пара вошла в ювелирный магазин. Синьора обратилась к продавщице:

— Скажите, сколько стоит вон то кольцо, справа?

— Триста тысяч лир, синьора.

Муж изумленно свистнул и, в свою очередь, спросил:

— А то, которое рядом с ним?

Продавщица ответила:

— Можете свистнуть два раза, синьор.

* * *

Один синьор звонит по телефону другому. Ему отвечает девочка.

— Я хотел бы поговорить с твоим папой,— говорит синьор.

— Папы нет дома,— отвечает девочка.

— Тогда позови маму.

— Мамы тоже нет.

— Ты одна дома?

— Нет, с сестрой.

— Ну, позови сестру.

После долгого молчания синьор услышал тот же голос:

— Прошу прощения, синьор, но моя сестра не может подойти к телефону: ей никак не удается вылезть из люльки...

* * *

Один синьор позвонил у подъезда старинного замка и обратился к привратнику:

— Я хотел бы осмотреть предметы старины в этом чудесном замке.

— Мне очень жаль, синьор, но в данный момент они отсутствуют: граф и графиня уехали на прогулку.

* * *

Мариэлла заливается слезами.

— Что ты плачешь? — спрашивает ее Пьерино.

— Я проглотила иголку...

— Нашла из-за чего плакать! На, возьми другую!

* * *

Один солдат рассказывает другому:

— Раньше я служил на подводной лодке. Потом меня перевели в пехоту, так как я имел обыкновение спать с открытой форточкой...

Перевел с итальянского
Ю. Ермаченко.

НА ВАХТУ. Т. Салахов

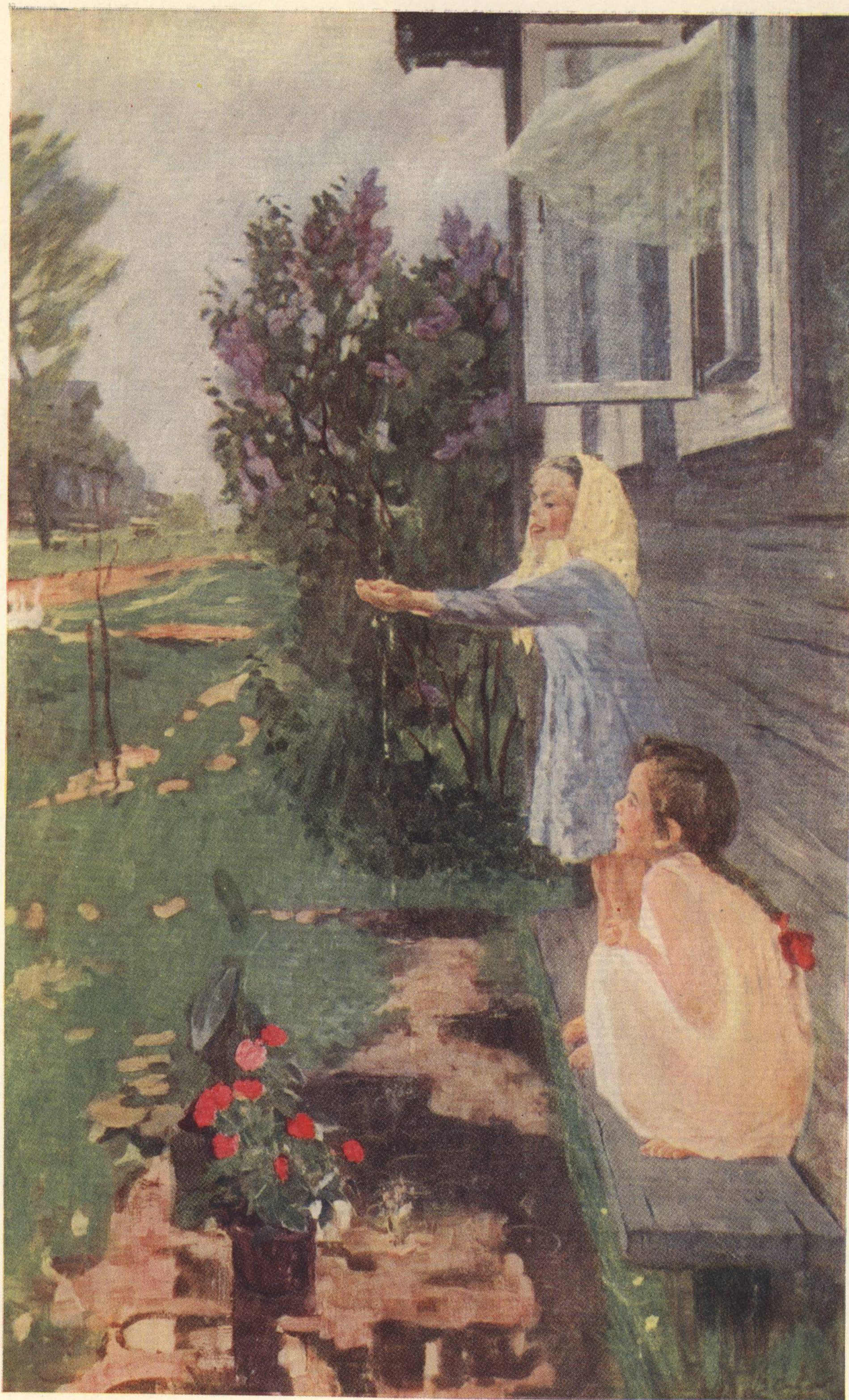
«Вахта» — слово морское, а люди, которых художник изобразил на этой картине, на моряков не похожи. Или, может быть, деревянные мостки, по которым навстречу ветру шагают эти люди, приведут их на корабль? Нет, на корабль не приведет эта узкая дорога, а в море выведет. Там, в море, куда спешат эти люди, стоит целый город на сваях. Есть там и жилые дома, и столовые, и магазины... даже кино есть! А выйдешь из кино, шагнешь два шага к краю улицы, глянешь вниз, а там так же вот плещут волны, и чайки летают...

Что станут делать эти люди в морском городе? Этого не скажешь. Возле большого дела много всякой работы. А там, в свайном морском городе, там большое дело делают советские люди: добывают нефть.

Много нефти у нас, а нужно нам еще больше. Тракторам на полях, автомобилям в городах, дизелям на заводах, на кораблях, на тепловозах, самолетам и даже ракетам — всем нужна нефть.

Вот и приходится искать ее всюду.

И случилось так, что недалеко от Баку, на «Черных скалах» в море, нашли нефть. Долго не могли люди протянуть руку к этой нефти. Трудно было поставить в море первые буровые. Трудно было первым морским нефтяникам жить и работать на крошечных стальных островах. Но такие богатые фонтаны ударили из первых же подводных скважин, что вышки стали вырастать одна за другой. Потом от одной к другой протянулись мостки, потом и на берег перекинули мост-дорогу. Вот она, сзади, и по ней, как по шоссе, несутся грузовики. Потом и конторы, и склады, и медпункты пришлось строить поближе к делу, а там дошло и до жилых домов и до клубов... Вот и вырос в море свайный город нефтяников. В этот город и спешат на вахту люди. А моряки они или нет? Как на это ответить? В море живут, в море работают... Наверное, моряки все-таки.

МАЙСКИЙ ДОЖДИЧЕК. В. Сидоров

ГЕОРГИНОВЫЙ САД

Е. СУДАКОВА

Рисунки Ю. Коровина.

РАССКАЗ

Братья наскочили на этот сад, случайно свернув в узенький тихий проулок.

— О-о! Смотри! — прошептал Валерка и первым побежал к щелястому забору.

За ним полыхало и буйствовало что-то яркое, цветное, невообразимо прекрасное...

Георгины невиданных расцветок, тяжелые, огромные, как праздничные блюда, заполонили крошечный сад. Диковинная вытянутая клумба приземлилась посредине, как летучий корабль с пестрыми парусами.

Глаза болели смотреть на эту красоту, но уйти было невозможно. К тому же их никто не гнал.

Сергей протянул руку, но достал лишь до листьев, а малиновый георгин на длинной ножке прерывисто покачнулся.

На всякий случай братья отпрыгнули от забора. Впрочем, было так тихо в этом пустынном проулке...

До верха ограды легко доставала рука.

— Залезть запросто, — сказал Сергей. — Чуешь?

Они снова приникли к забору. Из крашеного домика с тусклыми на свету окнами никто не показывался. В полной кадке у крыльца плавал березовый листик.

Скорее надо было решать: уходить или...

У Валерки пересохло во рту.

Такой сад нельзя было показывать человеческим глазам!..

Сергей толкнул калитку. Она была заперта изнутри, и только болтнулся и звякнул замочек на почтовом ящике.

Парень в голубой майке проехал мимо на велосипеде, покосился на них.

— А, пошли!

— Погоди! — попросил Валерка.

Он потрогал планку, прибитую поверх забора, — крепко, и, подтянувшись так, что голова пришлась поверх планки, спрыгнул обратно.

— Плевое дело!

Сергей усмехнулся:

— Ну, надо подумать. Айда домой!

Они поливали вечером грядки, а мать зажгла в сенях примус, и было слышно, как она шаркает и хлопает дверью.

Братья молчком таскали ведерные лейки. В большой бочке, врытой наполовину в землю, вода убывала, как будто спускалась по ступенькам, ниже, ниже. Когда Валеркина лейка стукнулась о дно, Сергей поспешно перескочил через грядку и предупредил:

— До дна не вычерпывай!

— А чего?

— Ничего! Забыл?

Затем он стянул с поленницы железный лист и швырнул его рядом с бочкой.

Во-от что! Валерка понял.

— А когда пойдем?

Сергей развел руками и поднял плечи до самых ушей.

— Это по-ра-зительно, какие он задает дурацкие вопросы! — воскликнул он, обращаясь к поленнице.

Ужинали поздно. Мать думала о чем-то своем и вздыхала, как девочка, которая наплакалась. Потом она мыла посуду, а сыновья наскоро перетирали ее и толкали в шкаф.

— Тише, тише вы! — устало говорила мать.

Братья ночевали в сарайчике, где на зиму хранился торф. Сергей чуть приоткрыл дверцу, чтоб видеть свет в окошке, и они сели рядом на низком самодельном топчане.

— Слушай,— шепотом сказал Сергей,— знаешь что?

— Что?

— Косой продает щенков. Знаешь, один весь в Альму, и у всех уши висят, а у него чуть-чуть приподымаются.

— Так ведь нет же денег! — печально отозвался Валерка.— Мама не даст на собаку.

— Слушай, я все придумал. Я сразу же так и подумал. Мы загоним цветы!

— Нарвемся, ну!

— Дрейфишь?

— Иди ты!.. Нет, просто я думал, что мы себе... Нет, это здорово! А как мы ее назовем?

— Надо подумать! Я сказал Косому, чтоб он ее пока не продавал.

Мать уже погасила свет, легла, но темнота все была какая-то синяя. Сергей ждал, чтоб она почернела. Он вытянулся, заложив руки за голову.

— Ты не спи.

— Ну вот чудак!

Уже был одиннадцатый час. А может быть, двенадцатый... За тонкой стенкой изредка умиротворенно клохтали куры.

— Пошли, а? Пока дойдем...

— Ну, айда!

Они перелезли через изгородь и побежали за огородами по заросшей, зябкой от росы тропинке. На все еще светловатом небе проступали мелкие звезды, но внизу, на земле, была настоящая чернота.

Братья крались вдоль сада, сливаясь с тенью, осторожно и коротко дыша ртом. Дом стоял немой и темный. В даче напротив окна были освещены, но желтые квадраты лежали на траве, не дотягиваясь до забора.

Сергей встал на верхнюю перекладину соседнего палисадника, лег грудью на забор и перевалился на другую сторону. Валерка слышал, как его ноги царапались по доскам, нащупывая точку опоры. Сам он, настороженно пригнув голову, оглядывал проулок, и слово «атас», возвещающее опасность, билось у него на губах.

Брат позвал его. Валерка глотнул слюну и, обжигая коленки, цепко поднялся на руках. Когда он пробовал ногой темноту, холодный цветок мягко ударил его по босой ступне, и он от неожиданности поджал ногу.

— Давай, я тебя держу! — шепнул Сергей, и Валерка спустился на землю.

Цветы шевельнулись у его лица. Они пахли мокрой травой и свежестью.

Братья затаились в кустах. Крыльцо не скрипнуло. Слепо зияли окна.

Подождав немного, Сергей и Валерка выползли на дорожку, недоверчиво озираясь по сторонам.

Цветы смутно белели — так видишь лампу с закрытыми глазами. Потом Валерка различил и другие цветы, которые были чернее темноты.

Было страшно начать. У него дернулось сердце, когда раздался трескучий хруст: Сергей сломал первый цветок. Это было так громко.

Валерка выбрал самый крупный георгин и раскручивал, мял, теребил его, пока, наконец, стебель не хряснул и цветок покорно упал ему в руки.

Они деловито елозили вокруг клумбы, срывали цветы и кидали на дорожку. Сталкиваясь лбами, напуганные шумным дыханием друг друга, братья шипели:

— Тише! Тише!

За забором прозвучали веселые голоса. Валерка припал к земле, глотая омерзительно сладкую слюну. Но голоса ушли. Никто не знал, что делается в саду.

Сергей стал собирать разбросанные георгины. Валерка выпрямился. Большая клумба мертво пустела, но на грядках призывно и ясно светлели цветы. Он кинулся туда.

— Стой! Хватит! — окликнул Сергей.— Не донесем!

Головки цветов приятно холодили горячие руки. Валерке было весело и как-то особенно, так и подмывало гикнуть на весь сад, или хотелось, чтоб кто-нибудь высунулся из дома. Он со странной тревогой посматривал на черные одинокие окна. Вдруг прогудела последняя электричка и застучала совсем близко, за садом. Беглый отсвет бледно раскрасил цветы и промигнул по стеклам. Они ожили на мгновение...

Братья перебросили цветы через изгородь и понесли на плечах, как сучья из лесу, благоразумно стараясь держаться в тени.

А дома, упихивая георгины в бочку, они фыркали друг на друга, срываясь с шепота, и давились от смеха. Валерка прогремел железным листом, укрывая бочонок.

— Салют! — захохотал он.— Гав-гав!

— Ты что?! — напугался Сергей.— Дурак! Хочешь, чтоб мать проснулась?

Они этого не хотели и притихли оба, опомнившись.

Утром вскочили заспанные. Опоздали! Мать уже давно на работе. Живей, живее!

В кухне на полу стоял чугунок картошки. Надо сварить к часу, когда вернется мать. Сергей стал чистить картошку — он все делал быстрее брата,— а Валерка, прихватив топорик, ушел в огород.

Он приподнял железный лист — цветы глазели на него, живые и умытые. Нащупав тугую шейку, он вытягивал георгины один за другим и раскладывал по листу. Они расправляли затекшие ветки, распружинивали листья, и было непостижимо, как умещалась в старой расщепленной бочке эта груда мокрых цветов, блистающая солнечными брызгами!

Валерка изнемогал от георгинового великолепия. С ликующим визгом он ворошил всю копну, стараясь найти хоть один похожий цветок. Все разные! Все, все!

Махровые шары, тяжелые, как бомбы, скручивали свои лепестки волнистыми трубочками, и рассыпались во все стороны шелковой вермишелью, и топорщились упруго цветными иголками.

С некоторыми цветками Валерка не мог навсегда расстаться и, прикатив безухую бадейку, ставил их туда. Он удивленно зарывался носом в лепестки: такие цветы, казалось ему, должны пахнуть, как бутылочки из-под духов. Нет! Желтая середина слабо пахла морковкой...

— Ты что, безрукий?! — в отчаянии выкрикнул Сергей.— Он все еще возится! Ты о чем думаешь?

Подняв топорик, он наскоро стал обрубать размочаленные концы, обдирая лишние ветки и смятые цветки.

— Вот, брось это в крапиву. А в бадейке что?

— Это нам...

— Идиот несчастный!.. А если мать увидит?! Нет, он хочет нарваться... О чем ты думаешь? Подбери!

И сам взялся собирать с земли опавшие лепестки, красные, лиловые, оранжевые.

Времени оставалось мало, но братья все же потащили цветы на дальний базарчик за станцией. Там вечно толкался народ в ожидании электрички, и туда не доходили злоречивые соседские бабки. Ребятам случалось уже базарить: они продавали весною ландыши.

Они не знали, куда приткнуться: Сергей не хотел вставать в ряд с капустой и варенцом. За крайним прилавком сухонькая, пропеченная солнцем тетка держала в корзине невзрачные букетики. Сергей поставил брата возле нее и помчался к колонке за водой.

Они распотрошили под прилавком цветочный тюк и воткнули в ведро первый букет. Тетка с корзиной покосилась на них и сдвинулась дальше.

Подошли сразу.

— Эй, малец! Продаешь? Почем?

— По пять!

— Э-э, брат, дерешь! Такие по три.

— Ну, давайте по три.

Валерка, скрючившись под прилавком, готовил новый пучок, прислушивался к бойкому голосу брата и ежился от восторженного ужаса.

— Держи!

Сергей бросил ему первые деньги.

И пошло!

Валерка подавал наверх цветы, а вниз ему сыпались хрустящие пятерки, трешки, потертые, кожаные на ощупь рубли. У них был соленый запах. Валерка совал их за пазуху, и деньги щекотали под рубашкой. В дырочку от сучка он видел ноги покупателей и слышал, что они говорили.

Неожиданно донеслись необъяснимые слова:

— А кто утверждал, что «Жар-птица» есть только у знаменитой бабки? Вон она сидит! — насмешливо сказали парусиновые тапочки.

Где жар-птица? Валерка выставил голову.

Востроносенькая, с пушистыми волосами девушка завладела ведром, плечистый парень стоял за нею.

— А где жар-птица? — вслух повторил Валерка.

— У тебя в ведре! — ехидно ответил парень.

Валерка растерянно вскинулся на брата. Засыпались? Сергей строго поджал губы.

Девушка взмахнула желто-рыжим цветком и объяснила, смеясь:

— Жар-птичий хвост!

— А почему...— заинтересованно начал Валерка и осекся: Сережка лягнул его пяткой.

— Зин, это что? — спросил у девушки парень, дотрагиваясь до белого георгина с легким сиреневым оттенком.

— Ну, это «Арктика»! Это уже старый сорт.

— У них у всех имена! — догадался Валерка.

И правильно, правильно, он всегда знал: вот именно такие торосы в Арктике!

— А вот этот? — не вытерпел он.

— Н-не знаю. Кажется, «Черный принц».

Ох, ты!

Девушка улыбнулась и, касаясь своими короткими пальчиками цветов, торжественно сообщала их имена, искоса взглядывая на Валерку. Он не со всем соглашался. «Катенькой» звали фиолетовый георгин с белым, встопорщенным, как у клоуна, воротником. Почему?

Он выгреб из-под прилавка оставшиеся цветы.

Тут был «Капитан Гастелло» (пурпуровый, он переливался, как знамя на ветру); «Прибой» — малиновый георгин с белыми изогнутыми кончиками (словно барашки на волнах!.. Но разве бывает малиновое море?); «Пограничник» цветом, как солдатская звездочка, и с розовыми перьями «Орленок».

Валерке неудержимо хотелось спросить: как, ну как их делают, разные? Но она удивится: как это он не знает? — и поймет все...

Она так доверчиво поглядывала ему в глаза.

«Не знает, что мы украли...»

Очень плохо, что вокруг них собралась целая толпа. Неужели никто не догадывается?

— Если засекут, беги! — шепнул Сергей. — Я один...

— У вас чудесные цветы! — радостно восхищалась девушка.

Валерка тупо уставился в ведро и затравленно поддакивал. Он уже ненавидел ее.

— Да... чудесные...

— Вы где живете?

— Мы нездешние, — мрачно отрезал Сергей.

Наконец-то они купили два георгина и

ушли восвояси. А народ моментально раскупил остальные цветы.

— Ф-фу! Ну, все! А ты-то! — заворчал Сергей.— Вечно со своими вопросами...

— Пошли отсюдова! — сердито сказал Валерка.

Они вылили воду из ведра и пошли.

— Ты не считал, сколько?

— Нет.

— Ну, давай сюда!

Сергей сгреб деньги и засунул в карман.

Они дошли до переезда, откуда сворачивать к дому, и Сергей вдруг помедлил.

— Зайдем?

— Туда?

— А что?

— Конечно, кто узнает? А здорово посмотреть...

В проулке было по-вчерашнему безмятежно и тихо. Издали празднично заалели цветы. Братья подбежали,— это грядка у забора, нетронутая. А дальше... Срединная клумба была, как корабль после бури, без парусов и с лежащими мачтами. Надорванные стебли повисли в обвязках, роняя цветы к земле. Привядшая листва казалась больной.

Забытые ночью цветы валялись на дорожке, их никто не поднял...

Видели «они» или не видели?

Валерка чуть не затоптал оброненный у забора цветок. Белый георгин поник в руках, как водяная лилия, когда ее вытащишь из реки... Это не «Арктика», другой какой-то сорт с розовой серединкой.

— Ну-у, прокис! Идем!

— Сережка!.. Давай деньги в ящик?

— Чего?

— Ну, вот!

Валерка ткнул в почтовый ящик на калитке.

— Ты что? Вот еще! А собака?

— Да не надо собаку! Положим! Ну их!

— В-вот дурень! Идем! Свяжешься с таким...

Из дачи напротив вышла женщина, озабоченно приглядываясь к ребятам.

— Вы что тут безобразничаете? — крикнула она.

Валерий схватил ведерко, и они прыснули, как шальные.

«А-ах! А-ах!» — испуганно вскрипывало ведро.

Перемахнули насыпь. На той стороне Валерка споткнулся, полетел, ведро с громом покатилось в канаву.

— Вставай!

— Я не могу! — выдохнул Валерка.

— Дыши носом, дурак! — приказал Сергей.

Он поднялся на насыпь, повертелся там и, вернувшись, сел, свесив ноги в канаву.

Валерка уткнулся лицом в траву и дышал неровно и порывисто.

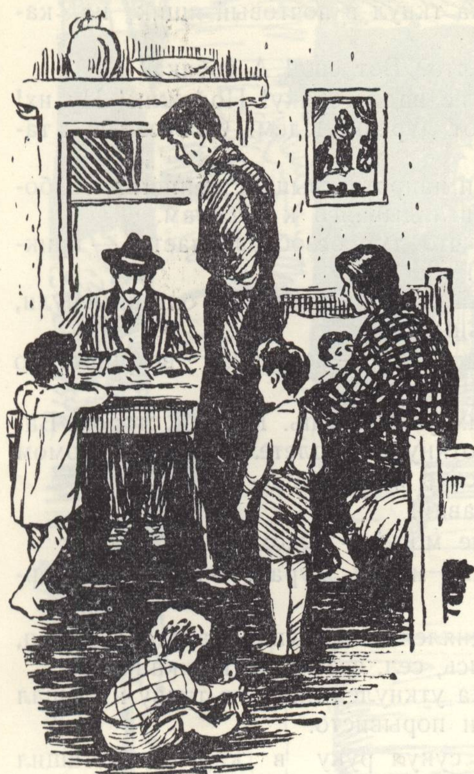
Сергей сунул руку в карман, вытащил слипшиеся клубком, скрюченные бумажки и запихал обратно.

— Ну, пойдем! — решительно сказал он.— Вставай! Мы не успеем картошку сварить. Наверно, уже первый... Вставай! Ну, что ты! Эх, ду-урень!

Он потянул брата за рубашку.

Валерка отпихнул его локтем и, всхлипнув, прижался к земле.

„Валлоне дель Пургаторио"

Рисунки В. Цельмера.

«Валлоне дель Пургаторио» — это название одной из окраин Неаполя, которое до недавнего времени служило местом свалки различных отбросов. Здесь однажды погиб маленький мальчик, засыпанный отбросами, которые внезапно обрушились сверху в то время, когда он работал (если это только можно назвать работой), отбирая и сортируя разный хлам. Воспоминание об этом страшном событии и натолкнуло на мысль озаглавить так сборник писем итальянских ребят...

Составители сборника остановились на этом названии потому, что оно как нельзя лучше показывает те условия, в которых проходит детство большинства детей Италии, детство, погребенное в бездне нищеты. Некоторым из них удается выбраться из этого ада, большинство же... навсегда остается там, на дне этой свалки...» Так объясняет итальянский писатель Карло Леви название книги, которая вышла в прошлом году в Италии и составлена из писем итальянских ребят.

Мы печатаем несколько писем из этой книги.

Я хочу стать доктором, чтобы лечить больных бедняков. Только мои родители не могут учить меня, потому что они бедные. Но я очень надеюсь, что когда победит мир и я буду большим и сильным, то смогу стать доктором. Я никогда не буду поступать так, как наш доктор, который ни за что не пойдет ночью помочь умирающему бедняку. Я всегда буду помогать бедным.

Посмотрите на деревенских ребят, и вы увидите: у того нет башмаков, у этого — штанишек, один плачет, другой хнычет. Придет отец и кричит на мать, чтобы успокоила их. А мать говорит: «Что я могу сделать? Этому холодно, тот хочет есть, у того температура и что-то болит. А как позвать доктора? Если придет доктор и пропишет лекарства, где взять деньги, чтобы их купить?» Отцу надоедает слушать все эти жалобы. Он идет на работу, чтобы сказать: «Я ничего не слышу» [1].

Армандо Виргаллито, 8 лет.

Моя работа вот какая: я оплетаю бутылки. Это трудная и нездоровая работа, потому что мы оплетаем их в мокрую болотную траву, значит, проводим весь день в сырости. Почти у всех оплетальщиц болят руки и ноги.

[1] *Армандо еще очень маленький, и поэтому в его письме нет запятых и точек. Он еще не знает, когда их нужно ставить. Чтобы вам было удобнее читать его письмо, мы поставили все запятые сами. Так и в других письмах, где ребята не ставили знаков препинания, все точки и запятые расставили мы.*

Вы спросите, сколько мы зарабатываем. Это как кто работает. Я, например, зарабатываю мало, потому что еще хожу учиться шить брюки. И на бутылках и на брюках мне удается заработать тысячу — тысячу пятьсот лир [1] в неделю. А работаю я весь день, до самой *глубокой ночи.*

Мы еще ходим собирать болотную траву, часто обрезаем руки, и они очень болят. Как видите, работа эта нелегкая, и поэтому сейчас оплетальщицы бутылок борются за то, чтобы улучшить трудовой договор. Но хозяева ничего не хотят знать. Они не пошли нам на уступки даже после третьей забастовки. Мы надеемся, что после новой забастовки хозяева поймут, что мы будем бастовать, пока они не согласятся на наши требования.

Карла Пачи, 13 лет. Эмполи.

Я самый несчастный мальчик. Мои товарищи надо мной смеются, потому что я хожу в школу в старом отцовском костюме. Костюм перешили, но все равно видно, что он взрослый и что на нем много заплаток. Моя мама не может купить мне другого костюма, а в школу я все равно должен ходить. Мне очень стыдно, и я иногда плачу.

Марио Роберри, 10 лет. Рим.

Я бедная дочь крестьянина, и поэтому летом я не могу уезжать на море или в горы, как другие дети. В каникулы я сижу дома и помогаю маме. Моя мама мондина [2]. Она часто болеет, и ей трудно ходить на монду и справляться с домашними делами, и вот я ей помогаю. Утром я встаю рано, ем, а потом начинаю мыть посуду, готовить обед, стирать белье и делать все другое, что нужно. В полдень я накрываю на стол и жду маму. Когда она пообедает, то ложится отдохнуть. В час я бужу маму: ей опять надо идти на работу. Мы вместе идем до рисового поля. Я поцелую маму и возвращаюсь домой. А сердце у меня плачет, как только подумаю, что еще три часа мама должна с больными ногами стоять в воде, чтобы заработать немного денег. Возвратившись в деревню, я иду немножко поиграть с моей подругой Габриэллой. А вечером готовлю ужин. Когда все поедят, я привожу в порядок дом, а потом мы вместе с мамой садимся во дворе и рассказываем по очереди, что мы сегодня делали и видели.

Вот как я провожу свой день: немножко работаю, немножко играю.

Карла Палеари, 10 лет. Павиа.

Я пишу это письмо богатым детям. У богатых есть все, что им захочется, и они совсем не думают о бедных, которым не во что одеться. Богатые захотят ботинки на толстой подошве — получают, захотят мячик — получают, захотят сандалии — тоже, пожалуйста.

Летом богатые едут на море или в горы, а зимой они хорошо одеты и не мучаются от холода.

---

[1] *Тысяча итальянских лир — это 6 руб. 42 коп. в переводе на наши деньги.*

[2] *М о н д а — работа на рисовой плантации. М о н д и н а — сборщица риса. Мондины всегда работают по колено в воде (рисовые поля заливаются водой, иначе рис не вырастет) и согнувшись. Поэтому почти все мондины часто болеют.*

В воскресенье богатые едут развлекаться в кино или идут в кондитерскую. Вчера они на своих машинах поехали смотреть «Милле Милья»[1] и вернулись домой довольные. Бедные ребята тоже ездили смотреть «Милле Милья» на своих старых велосипедах, сломанных, без тормозов, без шин. Но и они вернулись домой довольные.

Уго Серафини, 10 лет.

Я мальчик двенадцати лет. Зовут меня Пуччи Марио. Я живу на Коччано, в районе Фраскати. Мне было девять лет, когда наша семья стала жить в ужасной нищете. Я тогда учился в четвертом классе начальной школы, но мне пришлось бросить школу, и я стал искать работу.

Через несколько недель я поступил в один бар, где с утра до вечера мыл посуду и получал тысячу пятьсот лир в неделю. Потом я два дня проболел, а когда вернулся на работу, мое место уже было занято другим мальчиком. Сейчас я учусь на парикмахера. У меня есть еще пять братьев. Один из них ходит в очках, потому что от слабости он стал плохо видеть, и еще у него порок сердца. Моя сестренка, четырех лет, до сих пор не может говорить и ходить, а у нас нет денег, чтобы лечить ее. Мама тоже плохо себя чувствует. Она тринадцать лет больна воспалением суставов. Папа вот уже несколько месяцев безработный. Моя старшая сестра не может идти работать, потому что мама больна, а она должна следить за домом и маленькими братьями.

Сейчас работаю только я, и нищета, в которой мы живем, такая, что не могу описать.

Это правда.

Марио Пуччи. Рим.

Недавно я ездила в деревню к моей тете, чтобы поздравить ее с праздником. Подходя к ее дому, я увидела мальчика, который горько плакал. Когда я возвращалась, он все еще стоял на том же месте и плакал. Тогда я остановилась и спросила, что у него случилось. Он чуть слышно ответил: «Мне нечего есть». Я стала расспрашивать, где его мать и отец, а он ответил, что у него никого нет. Я постаралась немного развеселить мальчика, потом мы вместе с ним пошли ко мне домой. Дома сказали, что раз у него никого нет, он может остаться с нами, по крайней мере на праздник. Так и

[1] *Милле Милья* — самое большое в Италии соревнование велосипедистов.

Эти фотографии сделаны в Риме, в столице Италии. Как и письма итальянских ребят, они помогут вам представить себе страну, которая лежит далеко от наших границ.

В Италии почти круглый год тепло. И в Риме даже совсем поздней осенью бьют на площадях веселые фонтаны. Солнце заливает лучами город, и он действительно красив и манит к себе туристов. Путешественники любуются древними сооружениями, дворцами, храмами, знаменитыми римскими площадями и улицами. Вот на снимке одна из таких площадей — площадь Навонны. Когда-то, в древности, здесь был ипподром, а сейчас аллегорические фигуры богов украшают фонтаны. На этой площади всегда шумно, всегда много солнца. Оно веселит и радует. И дети здесь чистые, красивые, потому что они живут в богатых кварталах, в состоятельных семьях. Этим детям легко учиться, им не приходится думать о еде и паре ботинок.

На втором снимке вы видите римских мальчишек, которые с утра до вечера толкаются на мостовых и развлекаются, как могут. Ведь в Риме нет ни детских стадионов, ни дворцов культуры для ребят.

Вот еще одна уличная сценка, снятая в столице Италии. Эта улочка совсем тесная, сюда никогда не проникает солнце. И люди, которые двигаются по ней, кажутся бледными, усталыми, и в глазах у них какое-то гнетущее, неспокойное и унылое выражение. Много таких кварталов в Риме. Здесь живут совсем бедные люди.

Мне привелось быть в Италии. Помню, в одном небольшом городке на юге страны ко мне подошел пожилой, грузный мужчина с мальчишкой лет двенадцати.

— Расскажите ему, пожалуйста, как учатся у вас в стране,— попросил мужчина.

Я коротко рассказал, как занимаются в школах наши советские дети. Мужчина и мальчик выслушали меня, а потом отец неожиданно стукнул сына по затылку и сказал:

— Вот, слышишь, как хорошо и легко учиться детям в СССР. А мне трудно, понимаешь, трудно платить деньги за твое учение. И ты, пожалуйста, не балуйся на улицах и не гоняйся за птицами, а учись. Каждая минута твоих занятий — это сотня лир, а лиры нелегко даются в мои руки.

Взгляните на четвертый снимок. Видите старого человека, который читает газету, и рядом автомобиль? Что делает этот старик? Оказывается, он охраняет машины, хотя никто не просил его это делать. Старик не может найти себе работу и, как сотни тысяч людей в Италии, живет случайным заработком. Может быть, когда выйдут из дому хозяева этих автомобилей и он услужливо распахнет перед ними дверцу, кто-нибудь сунет ему в старую, усталую руку маленькую монетку. А пока он читает газету и греется под лучами хотя и позднего, но еще теплого солнца. Что читает он в газете? Может быть, он ищет объявления о работе. Может быть, хочет прочитать строчку о том, что в Италии начали заботиться о бедных людях. Не знаем...

А. Аджубей
Фото автора.

было. Мама его вымыла, дала ему костюм моего брата. А когда подошел вечер, папа зажег на елке свечи. Мальчик был поражен, потому что он первый раз в жизни увидел наряженную елку. А ему было восемь лет. Потом мы все получили подарки и пошли спать. Когда праздники кончились, мальчик сказал, что опять вернется на улицу и будет искать кого-нибудь, кто бы помог ему найти работу. Папа сказал мальчику, чтобы он почаще заходил к нам, и еще, что ему очень жалко, что он не может оставить малыша совсем: у нас такой крошечный дом, и у папы не всегда есть работа.

Луиза Мурро, 12 лет. Кальяри.

Почему мой учитель, хотя он такой хороший, так беден? Он беднее моего папы и пап многих моих товарищей. У него костюм очень старый, и мне стыдно, что я еще ребенок, а у меня костюм лучше, чем у него. А ведь у него волосы почти совсем седые и он работал всю свою жизнь.

Маурицио Кардиле, 7 лет. Неаполь.

Я живу в деревне Мадьера. У нас много безработных, а работы мало. Рядом с моим домом живет важный синьор, у него очень много земли, а когда крестьяне приходят просить у него работу, он вызывает полицию.

Чтобы посеять хлеб, крестьяне должны были работать ночью; одни работали, а другие сторожили, чтобы их не застала полиция [1]. К утру все было сделано. Хозяин заметил только тогда, когда уже показались всходы. Такие случаи у нас бывают часто. Некоторых крестьян после этого посадили в тюрьму, но они не боятся.

У нас еще нет лагеря, где могли бы собраться и поиграть ребята нашей деревни [2]. Но я надеюсь, что скоро у нас будет лагерь, а то где же нашим ребятам поиграть?

Микеле Гронкасси.

Это письмо пишет девочка из Арагоны. Я вам коротко расскажу о жизни на руднике, где работают мой отец и другие рабочие.

Изо дня в день они спускаются на шестьдесят метров под землю. Каждую минуту их жизнь подвергается опасности. Целых восемь часов они работают, как лошади, а потом им ничего не платят. Уже давно здесь люди живут в нищете и отчаянии. Вот уже скоро восемь месяцев, как рабочие не получают того, что заработали.

Жизнь, которую ведем я и многие наши девочки, тоже невеселая: мы сидим с утра до вечера, словно взаперти, хлопочем по хозяйству и не можем выйти из дому, потому что нечего надеть. Нет самого необходимого. И не только одежды, хлеба тоже не хватает. Большинство рабочих семей Арагоны живет в одной комнате по шесть, восемь, а иногда и девять человек. Многие ребята не ходят в школу, потому что нет средств на учение. Вот и я, например, дошла до третьего класса и бросила школу, потому что не было ни тетрадей, ни книг, ни башмаков, чтобы выйти из дому.

Моя мечта — продолжать учиться.

А еще я мечтаю, чтобы изменились порядки, и все люди, сколько нас есть, и большие и маленькие, жили бы счастливо.

Анжела Маратта, 14 лет. Арагона.

[1] Микеле рассказывает о самовольном занятии безземельными крестьянами пустующих помещичьих земель.

[2] Микеле подразумевает пионерский лагерь. Иногда, когда позволяют средства, итальянские рабочие организуют на свои деньги для детей такие лагеря.

Криста БЕНДОВА

Если б я был птичкой...

Если б я был птичкой,
Я вспорхнул бы в небо;
Если б я был мышкой,
Спрятался б за печку;
Если б я был мушкой,
Вылетел в окно б я;
В конуре у Жучки
Я сидел бы тихо.
Быть бы кем угодно —
Птичкой, мышкой, мушкой,
Кенгуренком, слоником,
Только бы не школьником.
Все-таки я школьник.
Ох, беда-недоля!
Знаю, что сегодня
Отвечать мне в школе.
Вызовет учитель —
Что же я отвечу!
Бедный я мальчишка!
Как же стать мне мышкой!

Вот какое вышло дело

Вот какое вышло дело:
В парте было много мела.

В парте было много мела,
Этот мел был белый-белый.

Но явился Сашка Сташек.
Хвать — и спрятал мел в кармашек.

Но явился Мишка Машек.
Хвать — и спрятал мел в кармашек.

Но явился Юрка Вашек.
Хвать — и спрятал мел в кармашек.

Сразу парта опустела,
В трех кармашках много мела.

Юрка, Мишка, Сташек Сашка
Мел достали из кармашков,

Побежали все во двор,
Исчеркали весь забор.

А уроки отвечали —
Пальцем на доске писали.

Перевела со словацкого
Елена Аксельрод.

НА ЛЕСНОЙ ТРОПЕ

Владислав СТЕПАНОВ

Рисунки В. Высоцкого.

ТАК ВОТ ТЫ КАКАЯ, НОРВЕГИЯ!

Фашистский офицер оглядел стоявшего перед ним пленного парня.

— Фамилия?

— Гудов...

— Тебе представляется возможность вступить в нашу армию.

Гудов молчал.

— Насколько нам известно, ты до войны жил в Анапе. Хорошее место. Если вернешься домой солдатом немецкой армии, получишь там лучшую землю, заведешь виноградник...

Владимир разглядывал лицо офицера, уже не слушая. Он вспоминал день, когда его, контуженного, взяли в плен. Вспоминал, как били прикладами, как расстреляли Сашку Селезнева. Вспоминал травлю собаками. И голод.

Офицер продолжал еще говорить, но Гудову надоело. Он встал.

— Господин офицер, не могу согласиться на это самое, на вступление в вашу армию. Мне бы надо посоветоваться с мамой. В Советскую Армию она разрешила идти, а как в вашу, не знаю... Надо бы съездить в Анапу, спросить.

— А ты шутник, Гудов, — зло усмехнулся офицер.

— У нас, на юге, все веселые.

— Остудим, южанин.

* * *

...Пароход качало. Редкие лампы светили тускло. В блеклом их свете копошились, стонали, ругались люди. Обессилев от голода и качки, умирали в бреду.

Гудов лежал, широко раскинув руки, и вяло раздумывал, куда может везти пленных этот пароход. Вот уже второй день их держали без воды и пищи... К концу второго

Комсомолец Владимир Гудов.
Снимок сделан в 1941 году.

дня он почувствовал, что качка кончилась. Где-то наверху густым басом пропел пароходный гудок. «Не в порт ли входим?» — подумал Гудов. Снова гудок...

Причалили. Пленных выгнали на палубу. Шатаясь, спускались они по трапу, оглядывали незнакомый порт. Пристань была пустой, только несколько женщин возились у какого-то склада. Гудов видел их внимательные строгие лица. В их глазах сквозило сочувствие. Так могли смотреть только друзья. Когда фашисты погнали колонну мимо склада, женщины стали бросать пленным овощи.

— Норвегия! Россия! Советы! — кричали женщины.

Теперь Гудов знал, в какой они стране.

Так вот ты какая, Норвегия!

В ЛАГЕРЕ

Концлагерь встретил их лаем собак. С тяжелым чувством входил Гудов за колючую проволоку. Пленных выстроили посреди двора, перед зданием комендатуры. Неторопливо натягивая черные блестящие перчатки, именно блестящие, такими они навсегда запомнились Гудову, к ним вышел комендант Бруно Каплик. В назидание новым пленникам лагеря он громко и медленно перечислил случаи нарушения дисциплины, за которые пленные поплатились жизнью.

Потом пленных заставили десять раз обежать двор. Тех, кто не выдерживал быстрого бега, молча, без слов, пристреливали.

Вконец измученных, обезумевших людей эсэсовцы загнали дубинками в барак. Тут силы оставили Гудова, и он упал, рыдая от ненависти.

Каждый день пленных прогоняли через город на рубку леса в горы. И каждый день на улицах их ждали норвежцы. Они готовили заранее маленькие свертки с едой и передавали их проходившим мимо пленным. Однажды колонну сопровождал сам Каплик. Ловкие мальчишки, как всегда, проскакивали со свертками мимо часовых. Неожиданно к колонне, протягивая пленным хлеб, подбежала женщина. К ней подскочил разъяренный Каплик. Он выстрелил в упор. В толпе громко закричала девочка...

На следующий день норвежцы снова ждали пленных... И снова мимо часовых шныряли быстрые мальчишки.

Давно, когда Владимир Гудов еще учился в школе, любимыми его героями были бойцы республиканской Испании. В те годы там шла война с фашистами Франко. Гудов с другими комсомольцами поставил пьесу про Испанию. Гудов играл республиканца Педро. По ходу пьесы между Педро и бойцом интербригады норвежцем Нансеном происходил разговор о Норвегии. Нансен говорил:

«Вот закончится война, ты приедешь ко мне, к моему народу в гости. Норвегия лежит у самого Севера, но у людей ее бьется горячее, гостеприимное сердце, тебя встретят, как брата...»

Еще тогда, в школьные годы, может быть, даже после этого спектакля, появился у Гудова интерес к Норвегии, к ее людям. Он много читал о Норвегии и полюбил ее. И сейчас он верил, что увидит, что обязательно встретит в этой стране знакомого с детства коммуниста Нансена, и старый друг протянет ему руку помощи...

...На рубке леса вместе с пленными работали шоферы-норвежцы. По заданию ЦК Компартии Норвегии они устанавливали с пленными связь, сообщали о положении на фронтах. Каждый шофер-норвежец приносил еду для трех прикрепленных к нему русских грузчиков. Гудов работал в группе шофера Тунсена. Они стали друзьями.

Однажды Тунсен, вернувшись после очередной ездки, подозвал к себе Гудова.

— Только что получено сообщение! Завтра вас повезут на военную стройку в Тронхейм. Вот ножовка. Попытайтесь бежать. В районе Сагрено-Кунгсберг-Сигдал вас будет искать разведгруппа наших партизан.

Гудов крепко пожал руку Тунсена.

— Спасибо! После войны, если останемся в живых, обязательно расскажем о вас всем советским людям.

ПОБЕГ

Поезд нырнул в ущелье. Через узкую, только что выпиленную в стенке вагона дыру была видна в зеленоватом свете луны гранитная голизна скал. От быстрой езды вагон качало, подбрасывало на стыках. Владимир слышал позади себя тревожное, учащенное дыхание людей. Они ждали. Но вот поезд стал замедлять ход, начался спуск. Кто-то нетерпеливо толкнул Гудова в бок:

— Давай!

— Была не была...

И Гудов полез в узкое отверстие.

Руки коснулись холодного, мокрого от росы металла. Вот он уже стоит на буфере вагона. Прыжок. Удар. Через секунду он под откосом насыпи. По шуму колес Гудов определил, что поезд продолжает идти, не сбавляя хода. Он попытался подняться и почувствовал острую боль в ноге. Во время падения случайно зацепился ногой за железобетонный столбик... И все-таки нужно было уходить, уходить немедленно. Каждую минуту могла появиться дрезина с эсэсовцами. Опираясь на плечи подоспевших товарищей, Гудов пошел к лесу.

На шестой день они встретили в лесу разведчиков партизанского отряда. Теперь нужно было пройти в партизанский лагерь. Это было не просто. Горные дороги и перевалы охранялись немецкими патрулями. К партизанам можно было пройти только через город Кунгсберг. Партизаны по виду ничем не отличались от любого горожанина. Но для русских это был опасный путь.

Норвежцы раздобыли одежду и старенький грузовик. И вот уже «Форд», громыхая, несется в сторону города.

Неожиданно в самом центре города, на круто идущей вверх улочке, заглох мотор. Грузовик встал... По тротуару важно прогуливаются гитлеровские офицеры, проходят патрули... Гудов выпрыгнул из кузова, за ним и остальные. Надрываясь, они быстро вкатили машину на самый верх горы. Толкнув вниз, под уклон, быстро вскочили в кузов. Грузовичок завелся и загромыхал по дороге. Через час Гудов был в партизанском стане.

Отряд, в который он попал, назывался «Бюсскерюд тропп»—«Лесной отряд». Он

был невелик, но очень деятелен. Группы партизан по пять — шесть человек устраивали взрывы мостов, пускали под откос поезда, жгли лесопильные фабрики, работавшие на гитлеровцев, устраивали засады на шоссейных дорогах.

Во всех этих операциях почти всегда принимал участие и Гудов.

ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ

Гудов отдыхал после очередного задания, когда его вызвали к командиру. В землянке, кроме командира, было еще четверо партизан, из которых Гудов знал только Берсена, говорившего по-русски. Обращаясь к Гудову, командир заговорил медленно, так, чтобы Берсен успевал переводить.

— Во что бы то ни стало надо уничтожить бензосклад. Он расположен вот здесь,— командир показал на карте,— в сорока километрах от Тронхейма. Склад снабжает все машины, работающие в прифронтовой полосе севера.

Гудов смотрел на карту и за штрихами, за черными скрещивающимися линиями видел ставшие для него знакомыми лесные тропы и горы Норвегии.

До места операции около пятидесяти километров,— говорил командир.— К восьми вечера вы будете на месте и, передохнув, ночью проведете операцию. Как подобраться к самому складу, как уничтожить его, придется решать на месте. Пойдете вдвоем с Берсеном. Согласны?

Гудов кивнул. Он знал, что это значит — взорвать бензосклад в месте, хорошо охраняемом немцами. Это был большой риск. Может быть, они пойдут на смерть. Он понимал, почему командир посылал только его и Берсена: погибнут, так только двое... А отряд будет действовать.

...Захватив с собой взрывчатку, бикфордов шнур, несколько гранат, Гудов и Берсен зашагали по лесной тропе, все дальше уходя на север, в сторону Тронхейма.

* * *

Гудов остановился. Семь часов ходу через горы и болотистые лощины утомят хоть кого... Он развернул карту, сверил направле-

Поезд начал замедлять ход... Была не была! И Гудов прыгнул.

ние стрелки по компасу. Они шли правильно. Солнце уже склонялось к закату, на скалах протянулись длинные причудливые тени. Прекрасный в своей суровости, норвежский пейзаж становился все мрачнее. И вдруг Гудова залила острая тоска по югу, по родной Анапе, по солнечному Черному морю, по виноградникам, где он так часто бродил с Ниной.

Все отнял у него враг: и родину, и невесту, и дом...

...Они вскарабкались на вершину холма и увидели далеко внизу шоссейную дорогу. Маленькими букашками пробегали машины. Маленькие, точно игрушечные, толпились домики... Гудов в раздумье смотрел вниз.

— Я спущусь один и осмотрю подступы к складу. А ты оставайся, посторожи оружие.

Благополучно добравшись до поселка, Гудов несколько раз обошел вокруг склада. Часовых на сторожевых вышках не было. Но с наступлением темноты они там будут: Гудов видел на вышках прожекторы. Место кругом открытое. Незаметно не подберешься.

К бензохранилищу время от времени подъезжали машины. Не останавливаясь, они сразу же проезжали в ворота. Значит, документы при въезде не предъявляют, машины не осматривают. Кажется, решение было найдено... Проехав на территорию бензосклада, они незаметно развернутся, и, когда Берсен направит автомобиль к воротам, он, Гудов, даст из кузова очередь по баку. Потом швырнет гранату. Но где взять машину?

Вернувшись к Берсену, Гудов обстоятельно познакомил его со своим планом. Берсен, одобрительно кивая головой, сказал:

— Машину добудем на шоссе. С этого и начнем.

Было уже темно, когда они вышли на дорогу, ведущую к Тронхейму... Мимо, надрывая моторы, проносились тяжело нагруженные солдатами и продовольствием грузовики. Но на такие машины вдвоем нападать было бы нелепо. Они ждали пустой машины с одним шофером. Гудов прятался у самого шоссе. Он должен был определить, можно ли нападать на машину, и просигналить Берсену. Время шло, а нужной им машины все не было. И вдруг... Гудов включил зеленый огонь.

Мгновение. Берсен уже стоял на подножке грузовика. Окно кабины было открыто. И норвежец пустил в дело нож. Потом распахнул дверцу и нажал на тормоз. Подбежал Гудов. Скорей! Убитого фашиста скинули под откос. Теперь — в машину. Дав газ, Берсен повел грузовик.

Гудов сидел в кузове. Грузовик качало. Они приближались к складу на большой скорости. Было очень свежо, а может быть, Гудова пробирал озноб от напряжения... Только бы в последний момент не случилось что-то неожиданное, не учтенное ими. Гудов знал, как трудно быстро найти правильное решение в совершенно изменившейся обстановке.

Еще издали просигналив часовому, Берсен благополучно провел грузовик в раскрывшиеся перед ним ворота склада. Двор бензосклада был пуст, и лишь у колонки копошилось трое немцев. Часовой на вышке стоял спиной к складу. Это был удобный момент. Развернувшись перед баком, Берсен медленно повел машину назад к воротам. «Что он делает?— подумал Гудов.— Еще десяток метров, и гранату физически невозможно будет докинуть до цели».

И тут автоматная очередь Берсена разорвала тишину. Часовой у ворот упал, и тогда Гудов дал длинную очередь по баку. Еще. И еще одну. Почувствовав свежий запах бензина, Гудов изогнулся и что есть силы швырнул в бак гранату. Оглушительный взрыв, и к небу рванулся столб огня. Машину подбросило, но грузовик уже с ревом несся к воротам. С ходу он распахнул их, точно картонные, и, продолжая набирать скорость, провожаемый автоматными очередями с вышек, вылетел на шоссе. Гудов ощупал тело. Попробовал приподняться. Если не считать ушибленной спины, все обстояло благополучно. Теперь все зависело от грузовика. Гудов видел, как от небольшой постройки, стоявшей возле склада, отделилась машина. Сейчас она шла за ними. Судя по свету, это была легковая военная машина. Нужно было бросить грузовик и немедленно уходить в горы. Лучше всего сделать это на обрыве, столкнув машину в пропасть. Но дорога все еще шла под уклон...

— Гудов! Жив?— кричал из кабины Берсен.

— Жив!— перегибаясь через борт, отвечал Гудов.— Черт побери, за нами, кажется, погоня!

— Ничего, уйдем!

Но едва начался подъем, из-за поворота вынырнул нагонявший их «Мерседес».

— Все равно догонят. Давай бросим машину!— закричал Гудов.

— Прыгай,— прозвучало в ответ,— я их отвлеку!

— А ты?

— Мне все равно не уйти. Я ранен в ногу.

Секунду назад мысль о спасении казалась реальной. Теперь все летело прахом... Едва ли четыреста метров отделяло их от машины с немцами. Схватив автомат, Гудов на ходу выпрыгнул из кузова. Больно ударившись о землю, он судорожно схватил лежавшую за пазухой гранату.

— Сейчас... Сейчас... Только бы правильно рассчитать.

Из-за выступа показался яркий свет машины. «Мерседес» слегка притормозил ход на повороте. Сдернув чеку, Гудов с навесом, как кидал когда-то в детстве биту в расшибалке, швырнул гранату. Она упала «в чиру», как сказали бы мальчишки. И в следующий миг в открытом кузове «Мерседеса» раздался взрыв. Яркий, ослепительный свет мелькнул перед глазами упавшего вперед Гудова. Приподняв голову, он ждал. Послышался стон. Враг уже не был страшен. И, схватив автомат, Гудов побежал по дороге туда, где должен был бы ждать его Берсен. Он стоял около грузовика, привалившись к борту.

— Ну, что?

Не отвечая, Гудов быстро сел за руль и направил грузовик к откосу. В последнюю минуту на ходу выскочил из кабины.

Взвалив на себя товарища, Гудов медленно стал взбираться по склону. Берсен молчал. Он знал, что бесполезно уговаривать Гудова оставить раненого. И только кряхтел, то ли от боли, то ли от сму-

Едва ли четыреста метров отделяло партизан от машины с фашистами.

щения, что человек надрывается под его тяжестью...

Лишь на вторые сутки им удалось добраться в расположение лагеря.

За спасение товарища, за успешное выполнение задания по уничтожению бензосклада Гудов был назначен командиром русской группы партизан.

РУССКИЙ ОГЕ

Долго и славно воевала эта группа. Но однажды немцы окружили их неожиданно. Из всей русской группы остался в живых после боя только Гудов.

И вот он снова брел ночью по лесу, пытаясь разыскать следы партизан. Лишь под утро, окончательно выбившись из сил, он упал на траву среди молоденьких елей и уснул глубоким неспокойным сном. Когда проснулся, увидел, что прямо перед ним стоит высокий парень в черном берете и в немецком кителе без петлиц.

— Ты не из отряда Эрика?—спросил тот.— Мы услышали пальбу и выступили. Что у вас там произошло? Да ты не бойся. Клади на траву автомат. Меня зовут Генри Иогансен. Вставай, я провожу тебя в отряд.

Так Гудов попал в отряд № 14220, действующий в районе Сокно под командованием Оге Ларсена — прославленного норвежского партизана.

В отряде Ларсена Владимир воевал до последних дней войны. Он совершал диверсии на железной дороге, взрывал мосты, уничтожал вражеские грузовики. И слава о «Русском Оге», Владимире Гудове, катилась по всей Норвегии. Почему Оге? Дело в том, что командиру Оге Ларсену пришелся по душе русский партизан. Во всех операциях они были вместе. Оге Ларсен однажды назвал Гудова своим именем — Оге — и с тех пор не называл иначе.

Это было славное имя. Имя, наводившее на фашистов ужас, и Владимиру оно понравилось.

...Окончилась война. Гудов уезжал домой. На пристань пришли норвежские друзья.

— Прощай, Оге! — крикнул Ларсен.— Помни, что старый Оге Ларсен навсегда сохранит память о своем приемном сыне!

Навсегда запомнил и Гудов друзей по оружию, тех, с кем вместе он отстаивал счастье простых людей.

* * *

Теперь комсомолец Гудов стал уже членом партии. Он учится в школе председателей рыболовецких колхозов.

Чтобы они не исчезли с лица земли...

На последней странице обложки вы увидите растения. Это растения исчезающие, или, как говорят еще, реликтовые.

Некоторые из реликтовых растений — древние жители земли, и миллионы лет назад их было много. Они вымирают из-за изменений земного климата.

Некоторые реликтовые растения уже в наше время начинают уменьшаться в числе из-за того, что человек, обрабатывая землю, осушая болота, изменяет условия жизни растений. Некоторые становятся реликтовыми не потому, что сами вымирают, а потому, что их истребляют.

Много лет назад в озерах поймы реки Дубны водилось немалое количество особого рода реликтовой водоросли из рода клавдофора и близкого к нему рода эгагропила. Местное население называло эту водоросль «зеленые шары». Теперь «зеленых шаров» на реке Дубне уже нет.

То же самое произошло с «водяным орехом» — рагульником, или чилимом. Плоды его имеют вкус каштана и очень нравятся ребятам. Они вытаскивают на берег растение целиком, вырывая его с корнями. В результате чилим в Московской области почти исчез.

Усиленно уничтожаются для букетов на продажу ветреница лесная, шпажник, перелеска и представители орхидейных: башмачок желтый, башмачок крапчатый, ятрышник шлемовидный и дремлик (гайник) широколистый. Этим северным орхидеям грозит полное уничтожение в ближайшие же годы, если они не будут взяты под особую охрану.

Друзья природы, натуралисты-следопыты могут оказать большую помощь в охране редких и исчезающих растений. Вот почему мы, ботаники, обращаемся ко всем натуралистам, юным и взрослым: помогите найти редкие, исчезающие растения, укажите их точное местонахождение, чтобы можно было организовать их охрану. Встретив на своем пути такое растение, запишите в свою тетрадь или блокнот:

1. Ботаническое название растения, если вы его сможете определить, и местные названия.
2. Место находки (область, район, сельсовет и ближайший населенный пункт).
3. Начертите план местности, на которой обнаружено растение, с отметкой места.

Под своим сообщением не забудьте подписать фамилию, имя, адрес, школу и класс.

Приложите засушенное растение. Но без корней! Редкие, исчезающие растения с корнями вырывать нельзя. И ни в коем случае не уничтожайте прикорневой розетки листьев.

Сведения посылайте Всероссийскому обществу испытателей природы и озеленения населенных пунктов (Москва, центр, Проезд Владимирова, дом № 6).

И. Гриценко

Наталия ЛОЙКО

Дом имени Карла и Розы

(Окончание)

БОГ, СДЕЛАЙ ТАК...

В здравнице переполох: нагрянули комиссары. Пусть это две скромные с виду старушки с одним портфелем на двоих,— страху они нагнали. Пришли, предъявили бумажку от Наркомпроса и наотрез отказались откушать, хотя директриса очень и очень любезно приглашала их к столу.

В субботний вечер каждому разрешается делать то, что он хочет, но Асю вдруг послали наверх, в библиотечную комнату, привести в порядок шкаф с детскими книгами.

Дорогие, нарядные книжки когда-то тешили внуков Фомы, потом его правнука, два года назад увезенного во Францию. Последнее время детской библиотекой пользуются сиротки, когда у них выкраиваются свободные от рукоделия и хлопот по хозяйству часы.

На полке рядом с «Воскресным чтением для детей» лежала справочная книга по детскому чтению. Ася сунула свой любопытный нос в это пособие, полистала его. О каждой рекомендуемой книжице можно было прочесть несколько пояснительных слов.

«Богато одаренная от природы, всеми любимая, симпатичная, глубоко религиозная девочка, спасая прислугу из воды, неожиданно умирает на пятом году жизни, вызвав общее сожаление». Может быть, прежде Асю и прошибла бы слеза из-за жалостной судьбы четырехлетней героини, теперь она лишь поежилась.

Повесть «Приключения сироты в степях Америки» была снабжена следующей назидательной фразой: «Так как сирота надеялся на бога, был честен и добр, то все обошлось благополучно и он богачом возвратился в Европу».

Такие книги, как сказано было в справочнике, «сеют семена благочестия и утверждают в сердцах детей страх божий».

Вскочив, Ася со злостью захлопывает шкаф. Кажется, наглоталась застойной, позеленевшей от тины воды.

Ася расхаживает по комнате, раздумывая. А ведь не случайно ее отослали в библиотеку подальше от «комиссаров». Хозяева опасаются Аси с тех пор, как, вспылив, она объявила, что ее дядя (да, да, тот самый дядя!) ушел добровольцем в Красную Армию, с тех пор, как она все чаще оказывалась «дерзкой девчонкой».

Скорее вниз! Но там уже тишь да гладь. Улыбающаяся Василиса Антоновна приводит в порядок спальню. Видно, сами благочестивые сестрицы при появлении комиссии ничем не обидели господа, но белыми полными руками экономки они свершили то, что требовалось: аналой мигом превратился в скромный, застеленный скатертью столик, с детских изголовий чудом исчезли все тридцать штук богородиц. На глазах у Аси, когда миновала опасность, и пресвятые девы и евангелие с закладкой, как ни в чем не бывало, очутились на своих местах.

Ася вновь ощутила тошноту, вновь словно тины глотнула. На вечерней молитве она простояла, как каменная, глядя в окно, завидуя вольно кочующим по небу облакам.

Не будь она связана обещанием, сбежала бы в тот же вечер. Но ей оставалось одно: излиться в письме.

Изливаться пришлось украдкой, отправлять письмо так же. Ася использовала единственную возможность: самодельный конверт был опущен в почтовый ящик воскресным утром по пути в церковь, и то пришлось сделать вид, что отстала из-за туфли, вдруг соскочившей с ноги.

Кому же адресовалось горячее послание Аси? Катя была в колонии, Ася написала Феде:

«Ты понимаешь, Федька, все тут красивое, картины тоже красивые, и я любовалась и даже представляла, как я вам их распишу, если вы не будете на меня злиться и обещаетесь не дразнить. Я любовалась, любовалась и вдруг поняла: мы заложники. Помнишь, ты рассказывал о заложниках? Мы стережем их буржуйские богатства. Не знаю, поняла ли это комиссия? Должна понять! Если бы не обещание, я бы бегом побежала к вам. Ладно, дразнитесь, дураки...»

В свое время Федя немало дразнил Асю. Она не забыла, как он незадолго до пасхи назвал ее пустоголовой овцой. Ксения тогда водила подряд три группы в кинематограф «Наполеон», где шла картина, которая в Москве наделала немало шуму и, как объяснял лектор, отвечавший на вопросы зрителей, хотя и была снята просто с натуры, без всяких художественных затей, впечатление оставляла неизгладимое. Картина называлась «Вскрытие мощей Сергия Радонежского». Пять веков эти мощи лежали нетленными, а когда их недавно вскрыли, оказались ватным чучелом с добавкой истлевших костей и битого кирпича. Сверху, на святой раке, нашлась записка, которую тоже заснял оператор: «Большевики, не вскрывайте мощей, вы завтра все ослепнете».

Ася не то что боялась ослепнуть, но грешить не хотела и потому в кинематограф не пошла, как и некоторые другие девочки. И все же Федя выложил ей все, что сам запомнил из картины и лекции.

Федя сказал, что когда человек прав, он не боится смотреть и слушать, не боится спрашивать и отвечать.

В здравнице Казаченковых только и раздавалось:

— Верующие не должны вопрошать. Они должны верить тому, что сказано.

Нистратов же, директор детского дома, требовал:

— Спрашивайте! Вы что, ничего не хотите знать?

И спрашивали, особенно во время вечерних бесед. Не боялись задать вопрос, даже не очень умный. Например, про домового или про Антипку Беспятого — верно ли, что он живет под мельничными колесами? Правда ли, что камень-сердолик спасает от вампиров? На все давался ответ. Не простой, а научный. Иногда отвечал директор, иногда Ксения, иногда Федя.

Получит ли Федя письмо Аси? Она не без умысла сообщила ему, что в следующее воскресенье ее, как всегда, поведут утром в церковь, описала путь от церкви до здравницы, указала час, когда кончается служба...

Наконец пришло воскресенье. Дождя нет, но августовское небо хмуро. Призреваемых сироток обрядили в серые больничные халаты (иной теплой одежды в здравнице нет) и повели к обедне.

Девочкам известно: церковь — дом божий. Нужно слушать внимательно, что там читается и поется, вовремя положить крест и поклон, показать свое смирение перед богом. Однако Ася то и дело опаздывает показать смирение. В такие минуты белая ручка экономки больно стискивает Асин локоть, вылеченный в детском доме.

Думать в церкви о постороннем — грех. Но Ася думает. Вновь и вновь она спрашивает себя: почему все, кто ей мил, не в ладах с господом-богом? Почему та же Василиса, притворщица и обманщица, даже сирот обижает его именем?

Ася с вызовом глядит на священника, того самого, что любит бывать у Казаченковых и кушать крендели, пахнущие ванилью. Что бы он ни возглашал, она не желает слушать. Мысли бегут своим путем. Одно за другим, словно кадр за кадром в кинематографе, проносится все увиденное и услышанное за последнее время. Гость не много гостит, да много видит. У Аси был острый глаз. О ее душе заботились более ревностно, чем о теле. Каков же итог?

Поп взмахивает кадилом. Сладостный запах, еще более сладкий, чем запах ванили, вползает в Асины ноздри. Она вопрошающе смотрит на иконостас, на ряды темных, строгих ликов, поставленных в несколько ярусов. Смотрит на царские врата. И вдруг мысленно, как бы собрав воедино нечто, давно зреющее в ней, произносит нелепейшую, но очень горячую молитву:

— Бог, сделай так, чтобы тебя не было!

И повторяет упрямо:

— Сделай так!

...На улице ливень. Деревья отчаянно машут ветвями, не то отбиваясь от потоков воды, не то стараясь заполучить как можно больше влаги. Серые халаты девочек потемнели, самодельные тапки сняты с ног,— пусть холодно, была бы цела обувка. Ася не чувствует холода, она бежит по мостовой непривычно веселая, словно скинувшая какой-то груз. Гоп через лужу! Гоп! Небо свверзилось на землю. Здорово!

Славный ливень! Василиса Антоновна в панике спасает свои юбки. Лужи кипят пузырями. Славно!

Правда, лихая погодка отняла у Аси надежду, лелеемую с прошлого воскресенья, когда она вон там, на углу, у подъезда столовой «Труженик», опустила в ящик конверт с адресом детского дома.

Ненастье разрушило Асины планы, но это не мешает ей плясать под дождем, благо толстая экономка несется во всю прыть, несется — не обернется.

Жаль, что кончается улица, что сейчас за поворотом вырастет красивый, ненавистный дом, из которого Асе нельзя убежать.

И вдруг... Любимое волшебное «вдруг»! Вдруг она видит: под навесом столовой «Труженик», благоразумно укрывшись от ливня, стоит Федя Аршинов. На нем кожаная куртка Каравашкина и заношенная, неизвестно где раздобытая буденовка с такой же звездой, как на курточке Шурика Дедусенко.

— Федька!

Ася бросается под навес, а стайка серых, потемневших от дождя халатов скрывается за углом вслед за экономкой.

— Федька? Ты? — Асины зубы стучат не то от холода, не то от восторга.

Федя шарахается от вороха брызг, которыми его обдает влетевшая Ася.

— Эх ты, мокрая курица!

Но эти слова вызывают лишь счастливый смех Аси.

— Пришел все-таки!..

— Захотелось обратно?

— Ага! Дразниться не будешь?

— Пошли, пошли. Дождя не боимся?

— Мы? Дождя?! Только, Федя, я Татьяне Филипповне слово дала...

— Дала и держи.

— А как же?..

— Я-то на что? — Федя откидывает назад сползшую на его светлые брови буденовку.— Я тебя украду.

— Чего?

— Я сразу придумал: украду — и все. Поняла?

У Феди слово не расходилось с делом. Взял да украл.

Не дожидаясь, пока за Асей вернется кто-либо из ее надзирателей, не дожидаясь, пока утихнет ливень, дети, смеясь, выбежали из-под навеса и ринулись вперед. Прощай, здравница! Так Ася и не получила полагающихся при выписке угодных богу даров...

— Имей в виду,— сказал ей в пути обстоятельный Федя,— у нас очень туго с шамовкой. Сухари подъели...

Он шагал своей ровной, степенной походкой, хотя дождь не щадил его русой непокрытой головы и ситцевой выцветшей рубахи. Кожаная куртка и красноармейский шлем укрывали девочку.

— Нужна мне шамовка! — лихо ответила Ася.

ДРАКОН ПОД КОЛЕСНИЦЕЙ

Пятое сентября оказалось для Аси знаменательной датой и не только потому, что это был день возвращения колонистов в Москву.

Сразу же после завтрака Ася помчалась в зал, в высокий двухсветный зал, щедро пронизанный солнечными лучами. Центральная часть его вот уже с неделю как освобождена от стульев и скамеек и отдана детдомовским художникам.

Талантов в Доме Карла и Розы всегда хватало, не хватало возможностей, позволяющих этим талантам проявить себя в полную силу. Однако, когда детский дом начал готовиться ко Дню советской пропа-

Федя несколько укоротил мягкую, пушистую косу Вавы Поплавской.

Так или иначе, художники были оснащены, и за их творчеством следили десятки взыскательных глаз. Все понимали: нельзя ограничиться украшением своего дома одними осенними листьями, даже если они красных оттенков, даже если они перемешаны с огненными гроздьями рябины. Пропаганда есть пропаганда.

В сарафанчике, особенно запестревшем после общения с красками, Ася стоит над своим творением, разостланным на полу. Картина предназначена для вестибюля, чтобы каждый вошедший в детский дом был распропагандирован в первую же минуту. Тема ее одобрена всем коллективом.

Суровые, непреклонные, идут с винтовками наперевес красноармейцы. Их лица и руки желты оттого, что другого, более подходящего оттенка в наличии не оказалось. Красноармейцы спешат на защиту Советской республики, которую Ася изобразила в виде женщины на колеснице Революции. Под колесами яркокрасной колесницы, поглотившей чуть не ведерко киновари, корчится дракон в цилиндре, окрашенном сажей. (Ася добилась того, что цилиндр, на котором оставлены белые блики, кажется выпуклым и блестящим.) Дракон этот — как поймут даже малыши, младшие из младших,— есть издыхающий, ненавистный империализм.

День пропаганды назначен на седьмое сентября, но в детском доме почти все готово к пятому. Вон Панька Длинный кладет на свой плакат последний вдохновенный мазок, вон Оська Фишер стирает тряпкой след чьей-то нахальной подошвы, наступившей на небо,

Федя шагал под дождем своей степенной, ровной походкой. Кожаная куртка укрывала Асю.

ганды — такой день Наркомпрос устраивал по всей республике,— возможности стали почти безграничными, так, во всяком случае, утверждал Федя Аршинов, председатель комиссии по проведению этого знаменательного дня.

Федя и оба его помощника (у всех троих имелись новенькие билеты с буквами РКСМ на обложке) раздобыли в недрах Наркомпроса два рулона обоев, на обратной стороне которых не побрезговал бы рисовать и сам Репин. Райкомовцы, удивляясь собственному размаху, отсыпали Феде в пять бумажных фунтиков сухой краски. Пять разных колеров, как возвестил своим художникам Федя,— это почти спектр!

Остановка была за кистями, но их энергичная тройка сумела изготовить «из подходящего сорта волос». Призвав на помощь общественное мнение,

коему следует безмятежно голубеть над головами демонстрантов. Все готово ради приезда долгожданных колонистов.

Ждет ли черниговцев Ася? Ждет! Она очень скучает без Кати. Ждет и трусит. Как-то они встретятся с Ксенией? Говорят, она здорово организовала жизнь колонистов. Наверное, стала еще сознательней и Асю окончательно запрезирает...

Скоро минет месяц с того мига, как Ася, подбадриваемая Федей, вымокшая и счастливая, вбежала под гостеприимную колоннаду детского дома. Татьяна Филипповна позаботилась, чтобы Ася не слышала слишком много упреков, не пожалела, что вернулась к себе.

Правда, расспросов было немало, всем хотелось послушать, как Асе жилось в мире капитализма. Федя так и разъяснял: тетка пристроила Асю в самое

пекло старого мира. Ася красноречиво расписывала это пекло.

Как-то выслушает такие подробности Ксения? Опять скажет: «Соприкасалась»? Пожалуй, еще не поверит, что на мир Казаченковых Ася сумела взглянуть сквозь сито будущего.

Из оцепенения Асю выводит радостный голос ожившей за лето Сил Моих Нету:

— Вещи приехали! Два ломовика! Сами колонисты идут пешком, а вещи приехали, и Юрка хромой с ними.

По словам Нюши, телеги набиты невиданными богатствами. На весь двор несет сушеными грибами! И еще есть мешок чая из сухого смородинового листа! А гербарии? (Нюша сказала «бергарии».) А миллион коробок с дохлыми бабочками и жуками?

— До чего богато приехали! Сил моих нету...

Приехали!.. Ася в волнении представила себе многолюдную улицу. На перекрестках рабочие устанавливают ко Дню пропаганды деревянные щиты с наглядными таблицами и всякими сведениями про Советскую власть, а девушки из Союза молодежи весело расклеивают на стенах и заборах плакаты и листовки. Вот по такой улице, прямо по трамвайным путям, шагают сейчас загорелые колонисты, и Катя, обозревая Москву, так и вертит курчавой головой. А Ксения? Ксения, разрумянившаяся от ходьбы, знай покрикивает: «В ногу! Эй, анархисты, не путать ряды!»

В зал вошла Татьяна Филипповна. Крупная, чисто одетая, с круглым гребнем в гладких волосах. Она собирает ребят на разгрузку телег... Все дела свалились на Татьяну Филипповну. Нистратов стал знаменитым лектором — детдомовцы даже частушки сложили, где рифмуется лектор-директор. Он все чаще отлучается в самые разные аудитории — в рабочие клубы, в Политехнический музей,— а Татьяна Филипповна отдувайся, а детдомовцы жди, пока у нее дойдут руки, чтобы покроить теплые платья из той бумазеи, что к началу учебы Наркомпрос вытребовал в Центротекстиле.

Асе больно смотреть, как измучена Татьяна Филипповна. Часто кажется, будто она проплакала всю ночь, а она просто заработалась. С чего ей плакать?

— Так как же, ребята? — громко спрашивает Татьяна Филипповна.— Пойдете сгружать?

Она вербует всех художников, кроме Аси. Той поручено стеречь не только произведения, но и ценное хозяйство живописцев. Федя на этот счет строг.

Однако не он ли спешит сюда, в зал? Ася всегда узнает его уверенный, быстрый шаг. Дернул дверную ручку, пошел по залу.— плакаты, разостланные на полу, сдвинулись, как от порыва ветра. Рослый, плечистый, почему-то насупленный. Светлые брови хмуро сошлись у переносицы. Что с ним? Встал над Асиным плакатом и молчит. Ася оробела.

Федя протянул ей газету:

— Читай! О детском санатории в Сокольниках.

Палец Феди двигается по строчкам, слегка размазывая нестойкую типографскую краску. Ася читает: «Мещанская ненависть к коммунизму»... «Слово «большевик» для них: разбойник, мошенник, непонятное пугало...» Ася покосилась на Федю. Уж не спутал ли автор статьи насчет Сокольников? Не описывает ли он иное место? Ася продолжает читать:

«...Педагогический персонал не разъясняет смысл событий, не разоблачает сухаревские небылицы. Когда дети играют в красную и белую гвардию, руководительницы явно на стороне последней».

В здравнице Казаченковых о Красной Армии и пикнуть не разрешалось. Покосившись на Федю, Ася читает дальше:

«...Отдельные дети протестуют, почему нет икон, пугают адом тех, на ком нет креста. Одного мальчика, сына коммуниста, дети травили при пассивном отношении старших, и он ушел домой до срока».

В конце заметки было сказано: «Берегите детей не только от голода, но и от тлетворного влияния».

— Похоже? — спросил Федя. Его глаза загорелись суровым огнем.

— Похоже,— с виноватым видом пролепетала Ася.

Федин перепачканный палец поднялся кверху:

— «Правда» в канун Дня пропаганды печатает это на видном месте. А мы молчим.

— А как... А что надо?

— Собирайся, идем!

Ася испуганно сказала:

— Нас не пустят. Там, знаешь, какой запор? — Пальцы девочки пытались изобразить фигурный ключ, бдительно хранимый тетей Грушей.

— А мы не туда. Ломиться к твоим богачкам не будем. Нам есть куда идти. Тебя ведь просили, если будет невмоготу? Просили?

Асины щеки стали красней колесницы, родившейся под ее кистью. Однажды весной, после очередной стычки с Ксенией, Ася, всхлипывая, рассказала Феде и Кате о своей встрече с Крупской. Возможно, Асе в тот час очень хотелось уверить товарищей, что она СВОЯ, что она не хуже других, потому с особенным чувством прозвучали прощальные слова Надежды Константиновны: «Будет невмоготу, прибежишь сюда».

Прозвучали эти слова как-то так, что можно было подумать: Крупская усиленно просила Асю заходить почаще...

Но Ася-то понимает, что ждет ее страшный конфуз, что Крупская не может помнить с зимы девочку в бархатном капоре, да еще болтавшую всякую чушь; что у Крупской слишком много дел и слишком много встреч с умными людьми...

И при ком свершится конфуз? При Феде!

— Сегодня нельзя,— быстро говорит Ася.— До восьмого точно нельзя! Ведь это, Федька, Наркомпрос, это внешкольный отдел, это и есть пропаганда. Ты сам говорил, что они всю работу проводят. Сегодня никак нельзя...

— Именно сегодня,— отрезает Федя.— Именно перед Днем пропаганды. «Правда» знала, когда печатать, не откладывала.

— Ладно, идем! — говорит Ася, зная, что Федю не переспоришь.— Но с условием...— Для нее несомненно, что человек, не разрешающий детям высовываться зимой в форточку, требует от них и опрятности.— С условием, что ты вымоешь руки...

— А ты... а ты в зеркало глянь. Сама, как зебра.

ВСТРЕЧИ НА БУЛЬВАРЕ

Старательно отмыв все колера, действительно делавшие ее лицо несколько полосатым, Ася набросила на сарафан легкую белую кофточку, недавно переделанную для нее Варей из старой маминой блузки. Кофточку Ася зря не надевала: ветхая, да и мыла нет. Но сейчас она все-таки шла в учреждение, возглавляемое Крупской, и шла не одна, тоже немаловажное обстоятельство! Однако Асю не развеселил ни праздничный наряд, ни то, что в вестибюле на самом почетном месте уже приколачивали огненную колесницу.

Асе не по себе. Впереди неминуемый конфуз при встрече с Крупской. Впереди разговор о Казаченковых. Необходимый разговор, но что скажет тетя Анюта, и без того убитая Асиной неблагодарностью?

Кроме того, пока Аси не будет, здесь, в детском доме, произойдет долгожданная встреча.

Все готово к приезду. Плакаты повешены, дортуары выглядят так, словно ожидаются делегации от пролетариев всего мира. А в лазарете Яков Абрамович, как шальной, наводит порядок: будто все колонисты едут домой с плевритами и ангинами.

Татьяна Филипповна сказала, что встреча должна быть торжественной и горячей, чтобы каждый почувствовал, как это радостно—вернуться в родной дом. Говоря так, она, по разумению Аси, представляла себе час, когда Шуркин отец, бородатый командир в простреленной шинели, покажется на пороге детского дома. Этого часа ждут все детдомовские мальчишки...

Во дворе у колоннады Асю поджидает неумолимый Федя. За ремешок косоворотки засунут номер газеты. В калитку Федя шагнул первым. Ася плелась позади.

Мама говорила, что в трудные минуты надо быть философом. Ладно. Будь что будет...

До бульвара дошли молча, но только ступили на аллейку, Ася вскрикнула:

— Видишь, кто идет?! Видишь, придется вернуться...

Варя тоже заметила Асю. Вынула из книжки письмо, машет:

— Аська, пляши! Жив-здоров.

Ася пляшет, читает вслух о том, как красные войска бьют деникинцев, о том, что победа близка. Федя тоже любуется письмом, пришедшим с фронта.

Ася тащит Варю:

— Бежим к Татьяне Филипповне! Ей сразу веселее станет. Ведь мы от Андрея тоже долго не получали писем. И вот, пожалуйста!

Варя отводит глаза.

— Идите, ребята, куда шли.

Ася удивлена. Варю выручает возглас Феди:

— Наши! Вот они, черти!

По бульвару, на дорожках которого пестреют первые опавшие листья и шелуха подсолнухов — эти дорожки никто не убирал в Москве девятнадцатого года,— спешат колонисты. Сотня ребят, сотня знакомых лиц. Ася кричит на весь бульвар:

— Ох, Катька!

— Аська! Длинная стала.

— Ой, ты и черна!

— Федька, ура!

Пока колонисты еще не нарушили рядов, Ася видела Ксению. Размахивая по-военному руками, она шагала чуть поодаль, зорко следя за колонной. Где же сейчас Ксения? Куда девалась?

Вцепившись в загорелую Катину руку, Ася беспокойно озирается. Правда, где же Ксения? Заметила она или не за-

— «Правда» печатает это на видном месте, а мы молчим!..

метила, что это именно Ася Овчинникова внесла анархию в сплоченные ряды? Оглядывается и Катя:

— Ксения Петровна! Вот же Аська!

Ксения смотрит на Асю и вдруг подмигивает ей, как старый товарищ. А Ася... Честное слово, еще никогда, никогда Ася так глупо не улыбалась...

Солидно, вразвалочку Федя идет переброситься словом — другим с Ксенией. Ася шепчет подруге:

— Катька! С чего это она мне? Видела?

— Все вижу! — Толстые добродушные губы складываются в лукавую гримаску.— А что? Она же меня просвещала, готовила в Союз. И я ее просвещала. Да еще Татьяна Филипповна писала ей насчет тебя. Все выложила! — Катя так почернела за лето, что улыбка ее стала ослепительней прежнего.— Ксения собирается дать тебе поручение. Напишешь стихи к октябрьским торжествам?

Ася не позволяет себе ни взвизгнуть, ни подпрыгнуть. Но удержаться от того, чтобы не чмокнуть Катю, не в силах. Хотя теперь доказано, что поцелуи вредны; даже рукопожатия, и те отменяются по соображениям гигиены.

— Катька, вспомни, что Ксения про меня говорила?

— Что ты сделана из хорошего материала.

Для Аси не секрет, чьи слова повторяла Ксения, но для всего мира — секрет! Одна Ася владеет тайной двух взрослых людей... Подчеркнуто безразличным тоном девочка осведомляется:

— Ей только одна Татьяна Филипповна писала?

Улыбка вновь шевелит губы все знающей и все понимающей Кати.

— Всякое получала... на свою голову.

Ася довольна. Милая, милая Ксения!.. Вот она подошла к Варе. Сразу видно, что к Варе, а не к некой гражданке Шишкиной. Рассматривает Варины книжки и вовсе не пожимает плечами. А Варька скорей всего выкладывает Ксении свою последнюю мечту. Она собирается на рабфак, на рабочий факультет, где даже малограмотного человека, как разъясняли на фабрике, могут обучить самым высшим наукам...

Ксения добирается и до Аси.

— Дай хоть взглянуть на тебя. Ты, я слышала, по важному делу идешь?

— Ага! — Ася знает, что у нее сейчас вид, словно у глупого теленка, но ничего поделать со своим видом не может...

Колонисты двинулись к дому, на бульваре остались Ася, Федя и Варя.

— Так что же у вас за важное дело? — спрашивает Варя.

Ася начинает рассказывать.

Феде остается лишь удивляться. Непонятна ему эта Аська! То увиливала, идти не желала, а теперь вдруг взвилась. Оказывается, у нее в Наркомпросе куча важных дел! Она надеется освободить директора от посторонних лекций и дать ему возможность воспитывать детей; она собирается создать Татьяне Филипповне нормальные условия для работы. И еще думает выпросить каждому по учебнику, а для всех волшебный фонарь... Что ее эдак пришпорило?

Варя удивляется себе. Долго ли будет так продолжаться? Всякий раз, как она вглядывается в эту девчонку, в этого тощенького цыганенка, она не может не видеть рядом другое лицо. Ведь и улыбкой они схожи, своей немного растерянной, милой улыбкой... Одно остается: чтобы Ася вдруг молвила: «Вот какая штука».

Ася подхватывает на лету желтый скрюченный лист и, желая показать, что тема разговора исчерпана, говорит:

— Вот какая штука.

Варя потрясена. Сбываются же помышления! Прежде чем распрощаться, Варя не то шутя, не то серьезно обращается к Асе:

— Выпросила бы ты заодно и мне удачи.

Слово «счастье» она не решается произнести.

РАЗГОВОР У КАЛИТКИ

В здании на углу Остоженки и Крымской площади, в том здании, к которому судьба привела Асю в третий раз в жизни, Надежды Константиновны не было. Сидящая внизу у вешалки женщина выпроводила ребят за порог:

— Штатный ищите. Туда, в купеческие хоромы, весь культпросвет проводили.

В Штатном переулке, в «хоромах», окруженных садиком, оказалось полным-полно народу. Работники внешкольного образования, или, как их вскоре стали называть, «политпросветчики», заполнили комнаты и коридоры, заняли все скамьи и подоконники.

Все требовали к себе внимания: День пропаганды нельзя было встретить с пустыми руками. Кто добивался брошюр, кто плакатов, кто лектора, кто требовал целую концертную бригаду. У одного из столиков шла шумная регистрация приезжих, собравшихся на какое-то совещание.

Федя пошел на разведку. Вернувшись, шепнул:

— Дома она. Обедает.

— Вот видишь... Ее и нет! — обрадовалась Ася.

— Ничего ты не поняла.

Федя заговорщицки склонился к Асе и выложил план, согласно которому они вдвоем подстерегут — он выразился «перехватят» — жену Ленина. Так и сказал: жену Ленина. С солидным мужским одобрением Федя добавил:

— Ездит, чтобы одному ему не скучно было щи хлебать.

В Асином неуемном воображении возникли две тарелки «туманных» щей, две простые глубокие тарелки. О чем же за сегодняшним обедом Ленин беседует со своей женой? Разумеется, о Дне пропаганды...

Однако Федя не дает поразмыслить. Ему лишь бы командовать:

— Значит, я в переулок, а ты дожидаешься знака! Ладно, сиди, сиди, коли такая квелая. Главное, после не сплошай, не упусти чего в разговоре.

Ничего не упустить в разговоре с Крупской (если и вправду такой разговор возможен) значило суметь быстро выложить все, что сейчас держишь в памяти.

Прежде всего «комиссары», которых так ловко провела администрация здравницы. А казаченковский буфет, коему положено дожидаться возвращения белогвардейцев? Да! Не забыть еще попросить волшебный фонарь!

... Ой, Федя высунулся в калитку, сделал страшное лицо и скрылся. Надо бежать к нему.

В переулке Ася увидела Надежду Константиновну, захлопывающую дверцу автомобиля. Машина мигом тронулась,— возможно, в Кремле ее дожидался Ленин.

Федя не медлил.

— Простите, товарищ Крупская. Извините за беспокойство! (Поглядели бы детдомовцы, до чего этот

Было неясно, узнала ли Крупская Асю после стольких примет, но, перестав поглядывать на калитку, она спросила:

— Так что у вас за дело?

— Детдомовские мы,— басом ответил Федя.— Мы насчет капитализма.

Обнаружив, каким несчастным и пискливым может быть Асин голос, Федя, что называется, дал ей отставку и стал все выкладывать сам. Асе выпала роль свидетеля. Федя иногда кивал на нее:

— Сама видела, своими глазами.

Эти всевидящие Асины глаза разгораются с каждым Фединым словом. Ох, и ловко он расписывает заведение Казаченковых! Ася наконец не выдерживает:

— Они настоящие буржуи, если хотите знать! Они хитрые. Такие хитрые!..

Крупская вдруг рассмеялась.

Дети опешили.

— Значит, хитрые? — весело переспросила Надежда Константиновна.— А мне казалось, это большевики хитрющие.

«Узнала»,— мелькнуло у Аси, и она тоже стала смеяться.

Но Федя не пожелал даже улыбнуться, а глянул на Асю так, словно сказал: «Хвастать хвастала, а коечто утаила». Но развеселившаяся Ася только рукой махнула.

— Дом имени Карла и Розы? — медленно выговорила Надежда Константиновна, став серьезной.— Он, как я вижу, достоин своего имени.

В переулке Ася увидела Надежду Константиновну.

Федька умеет быть вежливым!) Вы, товарищ Крупская, просили ее заходить. Вот она... пришла!

Зеленовато-серые выпуклые глаза вопросительно взглянули на Федю, скользнули по Асе и выразили недоумение.

— Вам что-нибудь нужно, дети? — спросила Крупская, сделав шаг к калитке.

Ничего Асе не было нужно. Она смотрела вниз на землю, считая, что ей бы лучше всего немедленно провалиться. Если бы Надежда Константиновна знала, как Ася дорожит уважением Феди, хотя и ссорится с ним двадцать раз на дню!..

Неужели не вспомнит? Но ведь тогда на обратном пути из Наркомпроса Татьяна Филипповна удивлялась памяти Крупской. Глотнув воздуха, Ася решается заговорить:

— Я зимой в капоре была, в коричневом... Я еще в форточку высунулась... И вы велели, если невмоготу...

Федя тем временем вытащил из-за ремешка синей косоворотки номер «Правды» и вновь заговорил о комиссии, которая все проморгала, о том, что надо кончать с безобразиями.

Надежда Константиновна мягким жестом остановила мальчика:

— Спасибо, голубчик, только все уже сделано. «Старушенции», как ты их величаешь, отлично разобрались. Больше Казаченковы никого не обманывают... Видишь, даже до меня дошло, хотя я ребятами не занимаюсь.

Кивнув детдомовцам и еще раз, на прощание, похвалив их дом, Крупская вошла в калитку.

Вот тут-то Ася оказалась решительнее Феди:

— Ой, погодите, Надежда Константиновна! У нас ведь тоже свои безобразия.

Не отставая от Крупской, Ася поспешно выкладывала ей свои жалобы. Однако, к немалому ее сму-

щению, выяснилось, что она ругает как раз Внешкольный отдел, без всякой совести (Ася так и выразилась) использующий детдомовского директора.

Надежда Константиновна замедлила шаг, разъясняя девочке необходимость того, что было уже решено Наркомпросом. Она сказала, что такой на редкость знающий лектор-антирелигиозник, как Нистратов, должен быть использован в масштабе республики и потому его совсем забирают из детского дома.

— Так и объясни своим товарищам. Иду, Верочка, иду!..

Последние слова Крупской были обращены к выбежавшей на крыльцо высокой молоденькой девушке, ее секретарю.

Ася вскрикнула:

— Как забираете? А мы? Кто же с нами?

— И это решено. Что скажете насчет Дедусенко?

— Татьяну Филипповну? — вскрикнула Ася.— Тогда согласны.

— И вот что, ребятки...— Надежда Константиновна помедлила.— Попросите своих товарищей, чтобы поддержали ее поначалу. Не забывайте о ее горе...

— Каком горе? — быстро спросил Федя, недоумевая, каким же горем не поделиться с ним Шурик Дедусенко.

— Она до сих пор молчит? — растерялась на миг Надежда Константиновна.

— О чем? — враз вырвалось у обоих детдомовцев.

— Так вот, ребята: у вашего нового директора колчаковцы мужа убили.

Дети стояли, притихнув. Крупская добавила:

— Теперь вы ее семья.

Асе вспомнилось странно спокойное, осунувшееся лицо, смотревшее на нее через решетку казачковской ограды, вспомнилось слово «держись».

— Она и летом знала? — негромко спросила Ася.

— Знала. И вам надо знать. Подрастете — не забывайте: за вас умирали лучшие люди.

Ася вдруг заплакала. Плакала она беззвучно, отвернувшись ото всех; слезы так и катились по щекам, и не было платка, чтобы их вытереть... Однажды Федя при всех сказал, что Ася хотя и девчонка, но не плакса. Это было в тот день, когда Панька Длинный — известный эгоист — поколотил Асю, а Федя дал ему сдачи. Но сейчас Асе было все равно, плакса она или не плакса. Она хуже, чем самая последняя реза. Однажды, еще до детского дома, она дала Шурику Дедусенко тумака только за то, что у него живы отец и мать.

Крупская провела рукой по темным Асиным волосам. Желая ее отвлечь, сказала деловым тоном:

— Придется нам с вами еще голову поломать... Кем заменить Дедусенко в мастерской? Нужна не только сноровка в шитье, человек нужен!

— Хороший товарищ? — заморгала своими торчащими влажными ресницами Ася. Ей страстно хотелось чем-нибудь помочь Татьяне Филипповне, разрывающейся между двумя обязанностями.— Есть такой человек,— быстро произнесла Ася. Она заметила, что на крыльце стоят люди, дожидающиеся конца разговора, заметила отчаяние юного секретаря Крупской и старалась быть краткой.— Есть такая! Шашкина Варя. Добрая, грамотная. Варится в фабричном котле. Дедусенко ее уважает.

— Ну и прекрасно,— сказала Крупская, знаком подзывая секретаря.— Запишем фамилию, фабрику. Думаю, товарищ нам не откажет?

Уже вечером, рассказывая обо всем Кате, Ася вдруг усомнилась, будет ли Варя рада такой удаче.

Обе детдомовки знали, что значило работать с детьми. Сколько всегда всплывает неотложных, чрезвычайных дел! Не будет у Вари свободного часа. Какие там книжки!..

— Да...— произнесла Катя.— Схлопотала ты ей!..

КРУГОМ ЧУДЕСА

Наступил март, месяц глубоких сугробов и промерзших стен. Месяц, когда детей нельзя выпускать на прогулку в тряпичной обуви, особенно если ее негде потом просушить.

Директор детского дома и руководительница швейной мастерской (обе еще в сентябре приступили к своим новым обязанностям) стоят в кладовой, гадая, как потолковей распределить между всей массой детдомовцев тридцать пар сапожек. Распределить таким образом, чтобы каждый питомец хоть полчаса в сутки мог погулять. Обувь — это кислород, как говорит детдомовский врач.

Детская обувь прибыла с фабрики, работающей на армию. Маленькие сапожки выглядят щеголеватыми модельками солдатских сапог. Солдатских...

— Все-таки, Варя,— произносит Татьяна Филипповна, выравнивая на полке, идущей вдоль стены, ряды сапожек,— все-таки у нас с тобой большая семья. Такую нелегко одеть и обуть.

— Да еще накормить,— добавляет Варя и спохватывается: — Мне не пора ли на дежурство, на кухню?

Этим же утром Ксения, воодушевленная известием о тридцати парах сапожек, успела сходить в Наркомпрос получить там тридцать билетов на спектакль «Коппелия» с участием знаменитой балерины Гельцер и теперь спешила домой.

В Наркомпросе ей обещали выдать еще несколько раз по тридцать билетов. Она так и объяснила: теперь обуты!

Наивысшее удовольствие для Ксении — явиться в детский дом с сюрпризом. Как она торопилась туда в один из метельных февральских дней, чтобы скорей объявить во всеуслышание о полученном разрешении на слом доживающего неподалеку свой век ветхого строеньица! Первую балку, сухую, источенную жучком, доставили волоком во двор детского дома сама Ксения, Варя и Федя. Девочки просто набросились с пилами на это бревно! Славно получилось: старенький деревянный домишко ползимы поддерживал сносную температуру в большущем каменном здании.

А сколько раз приходила Ксения с добрыми вестями из ресторана Тестова! Именно в этом прославленном когда-то жирной ухой, расстегаями и блинами ресторане с первых недель революции разместился отдел детского питания. Иногда там удается выцарапать кое-какие дополнительные калории.

Фу ты!.. Опять у нее на уме калории, температура, простуда. Вот что значит стать женою врача!

Ксения улыбается своим былым сомнениям. При чем тут авторитет? Сама ребятня думает поиному.

Ой, поскользнулась прямо среди площади! Спасибо, какой-то военный успел ее подхватить. Сразу видно: фронтовик. Шинель до пят, на поясе кобура, туго набит заплечный мешок.

— Задумались или размечтались? — Улыбнувшись,

военный кого-то напомнил Ксении, но кого, она не могла сообразить.— Скажите, гражданочка, не это ли Анненский институт?

Ксения строго указала товарищу фронтовику, что заведений такого рода в республике давно нет, что перед ним детский дом, носящий имена двух пролетарских революционеров. На смуглом лице фронтовика вновь сверкнули в улыбке белые зубы. Ксения живо спросила:

— Вам Аську?!

Она потащила Андрея в вестибюль и, окликнув прошмыгнувшую мимо девочку в ватной телогрейке, велела ей немедленно вызвать с урока Асю Овчинникову.

Девочка глянула острыми глазками на шинель и заплечный мешок вошедшего, всплеснула худущими, похожими на птичьи лапки руками и пробормотала, словно молитву:

— Господи... Возвращаются... Сил моих нету.

Вцепившись в рукав шинели, она умильно попросила:

— Бежим на пáру!

Не дав Андрею опомниться, девочка повлекла его влево по коридору, а затем вверх по витой железной лестнице. Откуда только прыть взялась у столь чахлого существа!

Приоткрыв дверь классной, Сил Моих Нету схватилась за грудь, торопясь отдышаться. Андрей мог, оставаясь незамеченным, взглянуть на племянницу.

Всю разлуку, все эти долгие месяцы Ася помнилась ему такой, какой он видел ее в час прощания, когда, стоя среди тонущей в сумерках привокзальной площади, она сводила свои счеты с миром. «А что в нем хорошего? — спросила тогда Ася, не желая даже взглянуть на Андрея. Спросила и с печальной убежденностью произнесла: — Кому я нужна?».

Сейчас она стояла возле стола преподавателя, длинного тощего человека с внешностью Дон-Кихота, и отвечала урок.

Какова же Ася теперь?

Вытянулась... Голенастая, словно цапля. Из-под короткого платья торчат ноги в каких-то нелепых белых чулках. Толстые самодельные башмаки напоминают Андрею бахилы, выдаваемые рабочим «Торфостроя» для защиты от топкой болотной грязи. На плечи накинут теплый Варин платок (Андрей узнал его), пропущенный под мышки и стянутый сзади большим торчащим узлом. Косичек больше нет; узкая красная ленточка поддерживает темные, чуть вьющиеся волосы.

Отвечая преподавателю, Ася держала в руках странный стеклянный предмет, который вначале вызвал недоумение Андрея. Это было большое глазное яблоко с небесно-голубой, переливающейся на свету радужной оболочкой — одно из наглядных пособий, которые Татьяне Филипповне удалось раздобыть для своих питомцев.

Андрея поразил голос Аси — уверенный, с несвойственными ей прежде нотками задора, настоящий детский голосок. Но самая разительная перемена была в Асином лице. Какая-то заново пришедшая живость, убежденность в своем праве на существование, полное отсутствие придавленности, той придавленности, что так запомнилась, так кольнула Андрея в час расставания.

Андрей опустил на пол вещевой мешок, ожидая минуты, когда его племянница, ответив урок, расстанется с хрупким голубым предметом. Тогда-то можно будет крепко ее обнять. Андрей приучен к порядку, он сам повседневно и повсеместно ратует за дисциплину. Он уже год в рядах партии, он с зимы комиссар инжбата — инженерного батальона. Не ему же срывать занятия...

Но Сил Моих Нету решила по-своему. Отдышавшись после бега по крутой спиральной лестнице, она не стала дожидаться паузы в уроке, а неожиданным рывком распахнула дверь и, выразительным жестом представив приезжего фронтовика, торжественно провозгласила:

— Войне конец! Ей-богу! Честное слово!

Появление человека в буденовке подкрепило Нюшины клятвы, а главное, весть, принесенная ею, ожидалась детьми с такой страстью, что из всех глоток вырвалось оглушительное «ура», всполошившее и соседние классы.

Урок был сорван. Большой голубой глаз выскользнул из рук Аси и превратился в стекляшки. Топча осколки, расшвыривая их ногами по комнате, дети с восторгом устремились к вошедшему, а долговязый преподаватель так и застыл с анатомическим атласом в руках. Пожалуй, и он поверил, что кончилась война.

— Тише, ребята! — крикнул Андрей.

Усевшись верхом на стул, снова потребовав тишины, Андрей растолковал, что хотя окончательная победа уже близка, можно сказать, в руках, белогвардейцев придется еще изрядно поколотить.

Ася стояла, выискивая, в свою очередь, перемены во внешности, в повадке Андрея. Он впервые показался ей совсем взрослым. Прежней нерешительности, неуверенности нет и в помине.

Асе льстит, что Федя, Катя, да и все остальные так почтительно слушают ее гостя.

— Армия моя уже освободила Екатеринодар и Новороссийск, вышла к морю,— рассказывал Андрей.— Мне, ребята, довелось и в Геленджике побывать и в Туапсе.

— Про взятые города знаем,— пробасил Федя.

— А про то, что некоторые армии уже брошены на трудовой фронт?

— Вторая на транспорт, седьмая на торф,— не сморгнув, ответил мальчик.

— Быть тебе комиссаром! — сказал Андрей. Возможно, это было шуткой, но никто из товарищей Феди не улыбнулся.

Заметив, как посматривают мальчишки на редкостную в Москве синюю трофейную, английского сукна, с суконной же красной звездой буденовку, Андрей снял и протянул свой головной убор для всеобщего обозрения.

Теперь он мог обратиться и к племяннице:

— А стариков-торфостроевцев, вроде меня, совсем отзывают из армии. Обосновываюсь на Черных Болотах, можно сказать, снова домом обзавожусь.

Он ждал, что девочка вспыхнет от радости, поняв, что в ближайшее время сможет вернуться в семью, к своему ближайшему родственнику, но Ася лишь сказала:

— Там уже «Торфодобыча», а не «Торфострой»...— И добавила, чуть покосившись в сторону светловолосого мальчика, которому Андрей только что предрек будущность комиссара: — Нам недавно тоже торфу прислали, три воза...

Федя стал еще внимательней изучать диковинную синюю буденовку. Он не забыл тот вечер, когда Ася, набросив на голову теплый платок, потащила его к кухонному сараю, чтобы он знал, как пахнет земля Черных Болот, где она любила гостить в детстве.

Вдвоем с Асей Федя подбирал на снегу коричневые, крошащиеся в ладонях комочки и дышал болотным запахом, слушая рассказ Аси о Приозерском крае... И, неизвестно почему, вдруг брякнул что-то вроде того, что Ася в общем-то стоящий человек: не плакса, не шпиявка и что-то там еще...

Гость тем временем развязал свой вещевой мешок

и оделил собравшихся южным лакомством — сладкими, мясистыми винными ягодами. Первую горсть получила жавшаяся к сторонке, погибающая от смущения Сил Моих Нету.

Жуя и смеясь, дети рассказывали приезжему о жизни детского дома, о том, каким он был поначалу, и о том, каким кипучим, веселым стал теперь. Когда началось это «теперь»? Пожалуй, со дня Великой Порки. А дальше всего и не перечислишь. Учились, столярничали и сапожничали, мыли посуду, играли в лапту и чижика, пели и танцевали. А главное, крепко дружили.

— Гляжу я на вас,— сказал Андрей,— на Аську гляжу: чудо! Ведь верно же, ребята, не пропали вы в трудное время? Стало быть, чудеса.

Нюша, которая, казалось, больше никогда не подаст голоса, вдруг пискнула:

— А чудотворное все от господа-бога.

Андрей переждал, пока уляжется общий смех, чтобы кое-что разъяснить этому щупленькому странному существу. Но другая девочка, толстогубая, с крупными жесткими кудрями, опередила его.

— Самое большое чудо свершится, по-моему, тогда,— вскочила она,— когда Нюшка человеком станет.— Слова Кати вызвали новый взрыв смеха, но она продолжала говорить горячо и серьезно: — А если хотите знать, чудес кругом полно. Как началась революция, вся жизнь — одни чудеса!

Все согласились с Катей. Андрей притянул к себе племянницу.

— Ну, вот я и приехал насовсем. Какие у нас с тобой планы?

— Планы? Варю сейчас пойти поискать или как? — неожиданно ответила Ася.

Сказала и вдруг увидела: Андрей сделался прежним. Куда девалась его уверенность, его непривычно взрослый вид?

— Она здесь? — для чего-то спросил Андрей, хотя все время, с той минуты как сел в поезд, он думал о том, что Варя должна быть где-то неподалеку от Аси и что встречи, перед которой он так робел, не миновать.

ПРИВЕТ ЧЕРНЫМ БОЛОТАМ

Кухня! Большая теплая кухня детского дома! Всегда ты пахнешь капустой и дымом, всегда полна грохота и звона жестяной посуды, треска поленьев, а нет поленьев,— так сучьев или шишек, жарко пылающих вместе с комками торфа. Твоя плита пожирает топливо даже в те дни, когда нечем питать остальные печурки в доме.

Черен твой потолок, выщерблен пол, староваты и грязновата плита и нету, да и не было никогда над этой плитой круглых, сияющих, как медный таз, часов, что однажды придумала себе в утешение Ася. И все же здесь славно. Если бы не твердость жестокосердной Лукерьи, кухня давно бы стала клубом, красным уголком, а то и танцевальным залом детского дома, ибо что может быть привлекательней тепла и съестного духа?

Славно-то славно. Но никогда в мечтах Вари — а она нет-нет да пыталась представить себе, как заново встретится с Андреем,— никогда, ни единого раза встреча эта не привиделась ей на кухне. Где угодно, но не на кухне!

Однако действительность не обязана совпадать с мечтой. В ту минуту, как Варя сосредоточенно делила на множество одинаковых частей испеченный в большущем противне картофельный, благоухающий селедкой форшмак, ватага детей доставила к ней Андрея.

Варя не обронила нож, не отложила его в сторону, а повела дальше, аккуратно следуя сетке, нанесенной на румяную верхнюю корочку. Почему рука ее продолжала свое размеренное движение, Варя сама не могла понять.

Застигнутая врасплох, Варя выглядела более чем скромно. Розовая кофточка, что береглась «к случаю», лежала в фанерной коробке; пышные рыжеватые Варины волосы прибраны под застиранную белую косынку, скроенную из бывшей пелеринки, на сером рабочем халатике вдоль ряда пуговиц — свежий, жирный след сажи.

«Ну что же... Все едино,— заставила себя подумать Варя.— Все одно — конец.— И выпрямилась.— Так даже лучше».

— С приездом,— еле выговорила Варя.

— Спасибо,— пробормотал Андрей.

От Феди ускользнула вся сложность происходящего. Он поднял с приколоченного под топкой железного листа кусок торфа и протянул Андрею:

— Черноболотский? Как думаете?

На большую мужскую ладонь, стосковавшуюся по работе, лег коричневый рыхловатый ком, частичка огромного пласта, тысячелетиями создававшегося природой, вобравшего в себя перегной водорослей и мхов, останки древнейших деревьев, поглощенных болотами.

— Похоже, что черноболотский,— с деланным оживлением произнес Андрей. И, опасаясь, что вновь наступит молчание, спросил: — Как, ребята, приедете летом на «Торфодобычу»?

Неловко переступив с ноги на ногу, он повторил приглашение, обещая показать, как добывается и формуется торф, обещая сводить гостей на конный двор, на водокачку, продемонстрировать локомобильчик в десять лошадиных сил — первый источник электроэнергии на Черных Болотах.

Варя, казалось, не слушала Андрея, не слушала даже тогда, когда он заговорил о редкостной, «первобытной» природе Приозерского края. Он был уязвлен. Каким вниманием прежде светились добрые карие глаза, стоило ему начать рассказ о Черноболотских лесах или озерах!

— А ты, Варя, приедешь к нам? Ну... на открытие электростанции?

— Конечно, приедет!—вырвалось у Аси.—Еще бы!

Варя промолчала, но отложила нож, опустилась на темную кухонную скамью. Три года назад Андрей привез ей с Черных Болот несколько пучков нежных прохладных подснежников. Они лежали в лукошке, пересыпанные клюквинами. В тот вечер, счастливейший в Вариной жизни, она впервые услышала просьбу приехать хоть на денек в гости.

Варе не повезло: Ася заболела корью, и вырваться на Черные Болота не удалось. А после... Ведал ли кто-нибудь, с какой мукой ждала Варя приглашения на «Торфострой»? Ждала и не дождалась...

— Вряд ли приеду,— медленно выговорила Варя.— Недосуг.

Одна Ася смогла подметить тревогу, промелькнувшую в глазах Андрея. Такого ответа он никогда не слышал от робкой, покорной Варьки.

В часы затишья на фронте каждый вправе подумать, помечтать о мирных грядущих днях. Мечтал и Андрей... Думалось о многом: о том, каким станет обновленный мир, о том, как по-новому сложится собственная судьба. Он упрямо не позволял себе думать о Варе. Разве такой должна быть та, кому он когда-нибудь отдаст свое сердце? Она будет особенной, настоящей. Ну, такой, каким должно быть все их юное революционное поколение...

Правда, не так-то просто забыть навсегда внимательные карие глаза, пышные, отливающие рыжиной волосы, милую, какую-то особенную, свою манеру краснеть; забыть все доброе, хорошее, что он видел от Вари...

Вот и сейчас... Андрея неудержимо тянет взглянуть на нее, увидеть, какой она стала теперь, поймать ее взгляд. Однако то ли мешает ребячья суетня, то ли кухонный чад застилает глаза, он ничего не может различить. Что это с ним?

— Это, товарищи, непорядок! — раздался громкий голос Татьяны Филипповны.— Марш из кухни, марш!..

Дети примолкли, потупились: человек, вернувшийся живым и невредимым с фронта, должен был всколыхнуть горе Татьяны Филипповны. Но разве она покажет! Она протянула Андрею обе руки:

— С приездом! Рада за Аську, за...

Застывшее лицо Вари удержало Татьяну Филипповну от лишних слов, удержало и от дальнейших проявлений радости. Пожалуй, она даже вдруг ощутила неприязнь к тому, кто издавна был причиной Вариных горестей и обид. Почему-то в памяти всплыла жалкая встрепанная горжетка, на которую когда-то Варя наивно возлагала надежды...

— Ступай, Варя, я тебя заменю,— произносит Татьяна Филипповна.

Ася торопит:

— Варя, Андрей, идемте!

Не оглянувшись на Андрея, отстранив с дороги Асю, Варя выскочила за дверь. Следом выбежали и дети.

Андрей как стоял у кухонного стола, так и остался.

Татьяна Филипповна с шумом придвинула к себе противень форшмака, взялась за нож, который только что держали Варины руки, и вдруг представила себе их: огрубевшие, растрескавшиеся. Сколько эти руки перемыли, перечистили, перелатали за последнюю трудную зиму! Сколько дров перепилили, перетаскали! Как редко листали книжку!.. Вместо того, чтобы рассказать Андрею о его племяннице, Татьяна Филипповна заговорила о Варе, любимице ребят и взрослых, о Варе, которая так хотела «подняться», а затем взвалила на себя нелегкую ношу.

— С приездом,— еле выговорила Варя.

— Думаете, только на фронте герои?

В голосе Татьяны Филипповны звучало осуждение, оно крепло по мере того, как она перечислила все, что Варя сделала для детей, все, от чего отказалась ради тех же детей. Когда Татьяна Филипповна потянулась за третьим противнем, она вдруг увидела, что Андрей сидит на скамье, откинувшись к стенке, а на лице его удивительно знакомая — точь-в-точь, как у Аськи! — растерянная, как бы просящая добрых вестей улыбка.

Андрей встал и пошел к двери, не сразу нашел ручку, словно кухонный чад застилал ему глаза. Татьяна Филипповна не окликнула гостя, не напомнила ему о брошенном в углу вещевом мешке. Постояв в задумчивости, она провела по волосам круглым большим гребнем, спросила у стряпухи, все ли готово к обеду, и вернулась к обязанностям дежурного.

Варя сидела у окна своей комнатушки, так и не приодевшись, не скинув перепачканного сажей халата. Лишь ее удивительные, поблескивающие медью волосы были освобождены от косынки.

Что с ней стряслось? Почему она сидит так недвижно, так подавленно?

Варя чувствует, что надо немедленно взять себя в руки, не допустить новых надежд, а стало быть, и нового отчаяния. Она уже не была прежней, безответной Варькой и не хотела снова стать ею.

И вот он вошел в ее комнату, стал у дверей, мнет в руках синюю буденовку.

— Здравствуй, еще раз.

Как ответить: здравствуйте, здравствуй? Варя молчит. У нее для встречи с Андреем было припасено много гордых и горьких слов. Но куда-то все слова подевались, улетучились...

Андрей постоял-постоял и спросил:

— А проводить придешь? Вечером будет теплушка...

— Я? — каким-то чужим голосом отвечает Варя.— Если Аська захочет, я ее приведу.

* * *

Через неделю та же торфостроевская теплушка доставила в Москву старика Емельченко. Бородатый слесарь прошелся по детскому дому, отыскал комнату Варвары Яковлевны Шашкиной и, ни разу не назвав ее старорежимным словечком «барышня», почтительно вручил письмо с Черных Болот.

— Велено дожидаться ответа.

Варя никак не могла распечатать письмо. Емельченко, свернув самокрутку, деликатно вышел покурить в коридор. Варя осталась наедине с письмом. Смеркалось, но знакомый почерк был различим:

«Варенька, прости меня, дурака. Я никогда, никогда не переставал тебя любить. Ты самая настоящая. Жизнь без тебя невозможна...»

Для кого невозможна? Варя не знала, улыбаться ли ей или дать волю слезам? Без нее невозможно жить человеку, которого она тоже никогда, никогда не переставала любить...

За дверью начал покашливать старик Емельченко. Надо было быстро ответить, когда, в какой день Варя сможет выбраться на Черные Болота. Не выбраться, а перебраться — приехать навсегда, насовсем. Так написал Андрей.

Что же написать о своем приезде? Возможен ли он немедленно? Варя же, можно сказать, на фронте. На детском фронте. Но важнее всего ответить на самое главное.

В сумерках не напишешь длинно. Достаточно подписать внизу странички «твоя Варя», чтобы все стало ясным. Варя подчеркивает слово «твоя» и зовет Емельченко. Старик улыбается:

— Ну как, Варвара Яковлевна, будем передавать привет Черным Болотам?

— Будем,— тихо отвечает Варя и еще тише спрашивает: — А у вас как, подснежники еще не расцвели?

Спрятав ответное письмо, Емельченко говорит:

— Девчонка-то радуется, что скоро домой!

Девчонка? Да... Варе же велено было ответить и насчет Аси. Сразу ли она захватит ее с собой? Теперь у Аськи будет настоящая семья, свой дом.

Однако что же ответить? На днях Варя слышала, как девочка рассуждала с Катей и Федей относительно возвращения Андрея. Ася очень соскучилась без него, без Черных Болот, без всего Приозерского края, но это не значит, что ей хочется расстаться со своими друзьями, с ребятами, с Татьяной Филипповной, с Ксенией, с Домом имени Карла и Розы.

Аська, милая Аська, перечисляя всех, назвала и ее, Варю. Она не могла знать...

— Аси сейчас нет,— говорит Варя.— Старшая группа на балете «Коппелия». Ася сама ответит. В своем письме.

Придется Асе решать самой. И там родной дом и тут...

БЕРЕЗКИ

Вадим МАТВЕЕВ

Не ветер-садовник сюда прибежал,
Сережки с березы легко разбросал.

С ведерком и острой лопатой
Сюда приходили юннаты.

Не дождик-художник асфальты обмыл,
Весенние травы, газоны полил.

С ведерком и лейкой пузатой
Сюда приходили юннаты.

И вот на большом перекрестке
Растут молодые березки.

КНИЖНАЯ ВИТРИНА

Юные натуралисты!
Любители природы!

Много нового и интересного узнаете вы о природе, прочитав книги, о которых здесь рассказано.

Дм. Зуев «ВРЕМЕНА ГОДА». Заглянешь в эту книгу, и уж не выпустишь ее из рук, пока не дочитаешь до конца. Она звучит как песня о красоте и неповторимости нашей среднерусской природы. Сколько неожиданно нового узнаешь ты о ягодах и грибах, о звериных и птичьих повадках, о разных охотничьих приемах и о ловле рыбы! С каждой новой страницей в тебе нарастает неукротимое желание поскорей вырваться в лес, в поле, на речку, чтобы новыми глазами взглянуть на все, мимо чего раньше проходил, не замечая. И чувствуешь, у тебя уже зорче стал глаз, острее наблюдательность и ты еще глубже любишь родную природу.

Вера Ветлина «РАССКАЗЫ О ЦВЕТАХ». Почему так разнообразны цветы по своему строению и окраске? Что было бы на земле, если б не стало цветов? Как на радость себе и людям разводить красивые цветы? Автор просто и увлекательно рассказывает о роли и значении цветов в жизни природы. Становятся близкими и понятными великие законы растительного мира. В книге показано, как человек, зная эти законы, переделывает природу растений и как участвуют в этой работе ребята. Волей и руками людей создаются такие цветы, каких в природе никогда не бывало. Прочитайте эту книгу, и вас невольно потянет к тому, чтоб самим заняться цветоводством.

А. В. Цингер «ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ БОТАНИКА». Знаете ли вы, ребята, что есть на свете деревья, которые старше самых древних египетских пирамид? Известно ли вам, что существуют на земле растения длиною с полкилометра и что бывают цветы шириною со стол? Слыхали ли вы историю о том, как маленький кустик одной травки смог без семян за 100 лет завоевать чуть ли не полсвета? В книге увлекательно рассказано не только об этих, но и о многих других чудесах растительного мира.

А. В. Кожевников «ВЕСНА И ОСЕНЬ В ЖИЗНИ РАСТЕНИЙ». Эта книга немного трудновата, но тот, кто глубоко интересуется жизнью растений, найдет в ней много интересного. Как занимательно в ней рассказано о подснежниках и папоротниках, о листопадах и о зимовках растений! И особенно о долговечности. С удивлением вы узнаете, например, о том, что мы иногда едим чернику и бруснику с кустиков, начавших расти еще до Петра Великого. Некоторые кусты шиповника живут еще со времен Ивана Грозного. Нет, такую книгу почитать следует.

ИЗРЕЧЕНИЕ

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

Прочитайте зашифрованное при помощи химических знаков и цифр известное изречение Д. И. Менделеева.

Н. Васильев

Na-1,2	U-1	K-1,2	Th-1,2	Ni-5,6	Co-1,2	Th-1,2	Ga-1	J-3
N-1	B-1	La-1,2	Ho-1,2	Te-1	W-1,2	Hg-1	Na-1,2	Co-1,2
Ga-1	J-3	N-1	As-1,2	Eu-1	Eu-1	Pr-1,2	J-1	Ni-1,2
Mg-1,2	Si-3,4	Ne-1,2	Th-1,2	Ni-5,6	Co-1,2	Rn-1,2	Au-1	U-1
Cu-1	Br-3,4	Xe-4,5	J-1	Se-1,2	Re-1	Ra-3	Zn-1	Si-3,4

ОТВЕТЫ

на задачи, помещенные в № 4 и № 5

История с географией

Владимир — областной город в РСФСР.
Мама — название реки и города в Иркутской области.
Лида — город в Белорусской ССР.
Юг — река в верховьях Северной Двины.
Белая Церковь — город в Киевской области.
Холм — город в Великолукской области.
Медведица — название двух рек: притока Волги и притока Дона.
Лань — приток Припяти.
Чуя — название двух рек: притока Лены и притока Катуни.
Дно — город в Псковской области.
Уж — приток Припяти.
Прут — приток Дуная.
Орел — областной город в РСФСР.
Сокол — город в Вологодской области.
Тетерев — приток Днепра.
Ерофей Павлович — крупная железнодорожная станция и поселок городского типа в Амурской области.
Лена — река в Восточной Сибири.
Львов — областной город в УССР.
Ай — приток Уфы.
Оса — город на Каме.
Изюм — город в Харьковской области.
Белая — название трех рек: притока Камы, притока Ангары и притока Кубани.
Станислав — областной город в УССР.

Загадки

1. Перо, чернила и бумага. 2. Очки. 3. Рыба. 4. Арбуз. 5. Репа. 6. Роса.

В мире животных

По горизонтали: 3. Барсук. 6. Марал. 7. Норка. 8. Суслик. 10. Тюлень. 11. Тигр.
По вертикали: 1. Шакал. 2. Кулан. 4. Верблюд. 5. Горилла. 9. Кит. 10. Тур.

Как зовут нашу собаку

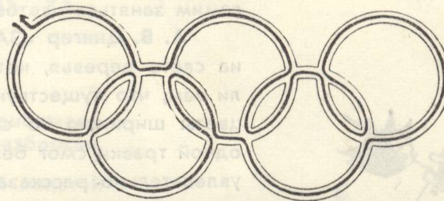
Полкан. Полка. Полк. Пол. По.

Из какой песни

Работай, учись и живи для народа,
Советской страны пионер!

Это слова из припева «Песни юных пионеров», стихи С. Михалкова, музыка А. Лепина.

Сложный маршрут

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор П. Кузьмичев. Технический редактор А. Ефимова.

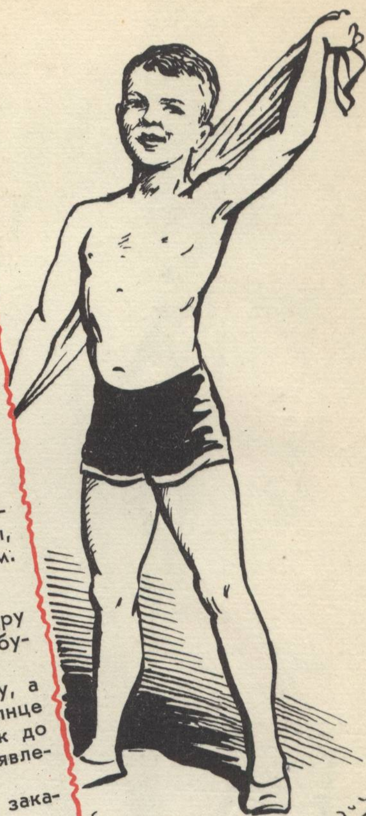
А 03596. Подписано к печати 2/VI 1958 г. Тираж 420 000 экз. Изд. № 628. Зак. 1140.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Пионер!

Разумно используй летние каникулы, чтобы хорошенько отдохнуть, укрепить свое здоровье, набраться к новому учебному году сил и энергии.

Запомни и выполняй следующие советы:

ПРИДЕРЖИВАЙСЯ ТВЕРДОГО РЕЖИМА!

Вставай в 7.30—8 утра, спать ложись не позже 10 вечера. Ешь четыре раза в день: завтрак — не позже 9 утра, обед — в час дня, полдник — в 5, ужин — в 8 вечера. После обеда надо поспать часа полтора. Режим — залог здоровья и бодрости.

БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ ПРОВОДИ НА ВОЗДУХЕ!

Ходи в лес, в парк, собирай ягоды и грибы, работай в огороде, в поле.

На воздухе полезно не только играть в лапту, волейбол, футбол и другие подвижные игры, но и в шахматы, шашки, лото, читать, рисовать, заниматься рукоделием.

ЗАКАЛЯЙСЯ!

Делай обтирание, принимай воздушные ванны, в меру плавай и загорай — и организм твой окрепнет, меньше будешь простуживаться, болеть.

В первый раз используй для обтирания теплую воду, а потом — все более холодную; сначала лежи на солнце три — пять минут и лишь постепенно увеличивай срок до получаса. Долго загорать вредно. Не купайся до появления «гусиной кожи».

Сразу закаленным не станешь. Основные правила закаливания — непрерывность и постепенность.

ЗАНИМАЙСЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ!

Каждый свой день начинай с утренней зарядки. Подвижные игры, плавание, туристские походы, бег, прыжки, катание на лодке, рыбная ловля — сколько интересного, захватывающего, полезного! Но все это при обязательном условии: в меру. Побегал, порезвился — отдохни, займись на время каким-нибудь спокойным делом.

Центральный научно-исследовательский институт санитарного просвещения Министерства здравоохранения СССР.

Цена 2 р. 50 к.

3-33 цветки

РАСТЕНИЯ, НУЖДАЮЩИЕСЯ В ВАШЕЙ ЗАЩИТЕ

1 — шпажник обыкновенный; 2 — тюльпан лесной; 3 — сон-трава; 4 — саранка; 5 — рябчик обыкновенный; 6 — башмачок желтый; 7 — перелеска; 8 — ветреница лесная; 9 — водяной орех, или чилим.

Подробнее о них рассказано внутри журнала.